

ВНИМАНИЕ!

Это – бесплатная электронная книга!
Приветствуется свободное распространение этой книги в интернете!
Вы можете раздавать эту книгу в качестве бонусов, дарить,
рекомендовать её друзьям, но не продавать!!!

Вы не имеете прав её продавать, переиздавать!
Все права на издание книги принадлежат только автору книги!

(Все авторские права защищены)
Copyright Михаил Ильченко © 2021 г. Автор книги «Я помню всё»
All rights reserved

Персональная веб-страница, где можно скачать эту книгу:
<http://bbek.ru/ja-pomnju-vsjo.php>

Copyright Олег Гузь © 2021 г. <http://izknigi.ru>
Книжное издательство «ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА»

ПРЕДИСЛОВИЕ

*В этой автобиографии я расскажу о своей личной жизни.
Жизнь я прожил очень тяжёлую и такое пережить не пожелаю никому.*
Ильченко Михаил Алексеевич

I. ПРЕДКИ

Мой прадед Прохор воевал в казачьих войсках за Украину. Он получил от Чигиринского казачьего войска гербовую бумагу, в которой было написано примерно следующее: "Казак Ильченко Прохор получает для постоянного места жительства надел земли три десятины на реке Цыбульник". У прадеда был один сын Демид, который и унаследовал этот земельный участок. Очевидно, прадед наш пришёл с Подолья. Я помню как бабушка Мотря, которая нас воспитывала, часто играла с нами в подольские игры. Она выстраивала детей в круг, а одна из девочек с платочком ходила по кругу и пела песню:

*Десь тут була подоляночка
Десь тут була молодесенька
Тут вона впала
До землі припала
Ой встань, встань подоляночка,
Та возмися в бочки
Покажи нам скочки
Піди до Дунаю
Визьми ту, що скраю.*

После этого все разбегались, а она ловила одну из девочек, которая должна была её заменить.

У деда Демиды Прохоровича было пятеро детей: Апатий, Иван, Омелько, Олекса и дочь Мария. Жили они бедно, построили хаты Апатию, Омелько и Олексе. В 1848 году началась война с Турцией. Турки пришли и в наше село. Дед Демид с сыновьями ушёл в лес, а бабушка Мотря осталась дома. Турки пытали её, хотели узнать, где прячутся мужчины, они её сажали возле стены, два турка брали скамейку и давили ей на грудь, прижимая к стене, пока она не теряла сознание, затем отливали водой и снова допрашивали. Бабушка им ничего не сказала, и они ушли, оставив одного часового, но к вечеру ушёл и часовой. Так бабушка Мотря спасла сыновей от турецкой смерти.

Дядя Апатий служил в царской армии унтер-офицером и погиб на войне. В селе осталась его жена, тётка Евдоха и дочь Маруся. Маруся в 1934 году заболела туберкулёзом и умерла. Тётка Евдоха тогда

попросила мать, чтобы я перешёл к ней жить, но я отказался.

Дядя Иван в гражданскую войну воевал в Красной Армии, участвовал в освобождении Крыма от белогвардейцев и остался жить в Крыму. До 1924 года он нам писал, а потом письма перестали приходить.

Дядя Омелько жил в селе, имел четырёх детей. Старшая его дочь Поля вышла в селе замуж, в 1975 года я встречался с ней в селе. Дочь Оля вышла замуж и уехала в Западную Украину, а дочь Настя работала в библиотеке, заболела туберкулёзом и умерла. Их сын работал на железной дороге. Я его с 1940 года не видел. Олекса или Алексей (мой отец) остался жить в селе.

Тётка Мария с сыном Алексеем уехала на вольные земли, на Кубань, на Терек. Оттуда Алексей, после голодовки 1933 года, приезжал к нам в гости, но после войны их следы затерялись.

Мой отец Ильченко Олекса Демидович 1887 года рождения до войны 1914 года был женат на женщине по фамилии Манько, (имя не помню), а когда он в 1918 году вернулся с войны, то узнал, что она вышла замуж за другого. Тогда отец женился на вдове Дерипаско Дарье Ивановне, у которой уже был сын Иван 1916 года рождения. Когда Иван пошёл в первый класс, отец обнаружил, что свидетельство о рождении Ивана выписано на фамилию Дерипаско. Ему учителя посоветовали усыновить Ивана. Отец так и сделал. Ему в сельсовете выдали справку, что его сыну Ивану дана фамилия Ильченко и с того времени везде Ивана писали по фамилии Ильченко, но когда пришёл срок призыва в армию, то оказалось, что списки в военкомат подавались на основании церковных записей, а там он был записан как Дерипаско Иван Алексеевич. Так получилось, что в армию Иван ушёл под фамилией Дерипаско. В соответствии с похоронным извещением, он был участником боевых действий с первого дня войны и был убит 28 февраля 1943 года и похоронен в деревне Ржава Большесолдатского района Курской области.

II. ДЕТСТВО

Родители мои: отец - Ильченко Олекса Демидович 1887 года рождения и мать Ильченко Дарья Ивановна 1891 года рождения проживали в селе Иванковцы Знамянского района Кировоградской области на улице Коваливка, которая называлась так, потому что самыми богатыми на нашей улице были Ковали (кузнецы). Я родился 24 сентября 1920 года, крестили меня в церкви и нарекли Ильченко Михаил Алексеевич. Кроме меня в семье было еще трое детей: это названный брат по матери Дерипаско Иван Алексеевич 1916 года рождения, брат Ильченко Григорий Алексеевич 1923 года рождения и сестра Ильченко Ольга Алексеевна 1926 года рождения. С нами проживали родители отца Ильченко Демид Прохорович 1840 года рождения и Ильченко Матрена, (отчество не помню), 1837 года рождения. Дед Демид прожил 88 лет и умер в 1924 году, а бабушка умерла в голодовку в 1933 году в возрасте девяносто шесть лет. О дедушке и бабушке по материнской линии Дерипаско Иване и Дерипаско Гликерии помню смутно.

В 1928 году, когда мне исполнилось восемь лет, я поступил в Иванковецкую неполную среднюю школу. В первом классе я не

отличался способностями, но во втором классе я стал отличником, быстро решал задачи в уме и выручал одноклассников отвечающих у доски, подсказывал им ответы, за что учительница, Александра Григорьевна, меня часто выставляла за дверь. Директором школы был Шевченко имя и отчество не помню. Позже к нам приехал новый учитель - Петро Свиридович. Он сразу пошел против директора и взрослые говорили, что он написал донос, что якобы Шевченко состоял в СВУ* и его должны были арестовать, но он до ареста повесился в школьной мастерской. Мы, ученики, его очень жалели, так как он часто рассказывал нам приключенческие рассказы, и после его смерти часто ходили на кладбище, на его могилу, на которой был закопан столбик с красной пятиконечной звездой.

[*Спілка Визволення України - організація, що існувала під егідою Винниченка до 1924 року, до моменту приєднання України до СРСР.](#)

Летом в мои обязанности входило пасти корову, а в жнива, когда отец косил, а мать вязала снопы, я загребал стебли с колосками, отдавал их матери, которая укладывала их в снопы и увязывала. Кроме того, я должен был смотреть за младшей сестрой Олей, которая тоже была с нами в поле, а братья Иван и Гриша пасли корову. После окончания жнив я пас корову до поздней осени. Уже месяц, как дети ходили в школу, а я все еще её пас. Однажды вечером, когда мы уже поужинали, к нам пришла учительница, Марфа Васильевна, и стала спрашивать у отца с матерью, почему я не хожу в школу. Отец отправил меня на улицу, а сами долго разговаривали. После ухода учительницы, отец сказал, что я больше корову пасти не буду, а буду ходить в школу. Утром он повел меня в школу, там нас встретил другой учитель Иван Касьянович, он задал мне несколько примеров, которые я решил, попросил рассказать таблицу умножения на шесть, я тоже ответил и он сказал отцу: "Хорошо, я возьму его в третий класс, но если он будет отставать, то переведем его во второй". Я в течение недели догнал программу и стал решать задачи быстрее других и опять стал подсказывать слабым.

Однажды Таран Марии, стоящей у доски, задали вопрос: "Сколько будет если шесть умножить на шесть?" я не выдержал и подсказал ей да так громко, что весь класс услышал. Иван Касьянович, стоявший у стола с мелом в руке, кинул в меня мел и попал мне в лоб. Я молчал до конца урока. Через день, утром отец огрел меня дважды ремнем и говорит: "Что ты натворил в школе, что меня с тобой вызывают в сельсовет?" В сельсовете сидел какой-то лысый человек и стал меня расспрашивать, правда ли, что меня учитель ударил мелом? Я ответил, что он меня не бил, но он много раз задавал мне этот вопрос, а я категорически все отрицал, после чего он написал какую-то бумажку, которую подписал отец и лысый сказал мне чтобы я шел в школу. Я пришел уже на второй урок.

Однажды в выходной день отец сказал матери: "Пусть Мишка помоемся и оденется почище, я везу сдавать зерно-налог и возьму его с собой в Знамянку, потому что в декабре будем вступать в колхоз, сдадим лошадей и неизвестно смогу я его когда-нибудь еще свозить в Знамянку

или нет. Перед новым 1930 годом отец вступил в колхоз. Сдали лошадей и весь инвентарь: воз, плуг, дряпок (самодельный культиватор, сделанный из ствола дерева), борону и все остальное. Когда отец выезжал со двора, то мать плакала, а мы не предвидели никакой беды, а утром в школе сообщили, что вступили в колхоз и нас похвалили. Этой же зимой отца избрали сотенным в сельсовет, то есть представителем от ста дворов, это приравнивалось к теперешнему депутату.

В селе Маржановке мы жили в центре, примерно метров сто пятьдесят от центральной площади, на которой стояла деревянная церковь семидесяти аршинной высоты (50 метров). Церковь была огорожена массивной дубовой оградой. Службу в ней проводили поп Попельнастый и дьякон Ковалёв, который хорошо играл на скрипке. Поп, возвращаясь из церкви домой, часто заходил к отцу и долго с ним беседовал, иногда и выпивали вместе.

Вскоре в село приехал из Харькова двадцатипятилетний Кипень Иван Панасович. Он стал проводить агитацию о разборке церкви и строительстве из этих материалов свинарника, коровника и овцефермы. В селе у него нашлись однодумцы и в один из дней мы, ребята, ходили смотреть, как с церкви со звонницы будет падать купол с крестом.

Через несколько дней, учительница в школе объявила, что сегодня поп и дьякон будут отказываться от церкви. Вечером я пошёл в клуб. Там на сцене стояли столы, и за ними сидело сельское начальство. Предоставили слово попу, ему тогда было уже более семидесяти лет. Он тихо начал говорить: "Я, как честный человек, сознаюсь, что я людям говорил неправду о боге, об Иисусе Христе и о его деяниях". Затем он ещё что-то говорил, я уже не помню, а в конце сказал: "Чтобы искупить свою вину перед верующими, я добровольно снимаю с себя святое одеяние, стригусь и принимаю облик простого прихожанина".

Недалеко от столов с начальством стоял стул. Поп снял рясу, повесил её на вешалку, и сел на стул. На сцену вышел парикмахер Рубан и остриг его наголо.

Примерно через месяц к нам в школу пришёл дьякон. На уроке мы спросили у учительницу, зачем он пришёл к нам в школу, она ответила, что Ковалёв уже не дьякон, а учитель пения, так что учителя просят обращаться к нему хорошо.

Однажды мы разучивали революционную песню "Замучен тяжёлой неволей". Он расставил нас по голосам и начали петь. Спели мы песню очень хорошо, так что Андрей Коваленко не выдержал и сказал: "Мы пели так хорошо, как в церкви". Учителю стало неудобно и он перевёл разговор и стал рассказывать, как хорошо поют в городах, в филармониях и театрах, а в конце сказал: "Может быть кто-нибудь из вас попадёт туда и тогда вы сами определите где лучше поют, в церкви или в филармонии".

Осенью 1931 года я после школы гонял корову пастись на выгон (специально не засеянная земля, на краю села, оставленная для выпаса скота), где собиралось много детей со своей живностью. Отец уже работал в колхозе конюхом, но многие ещё в колхоз не вступили. Между детьми появилась вражда, мы разделились на колхозных и «индусов» (так называли единоличников, кто в колхоз ещё не вступил).

Рядом с выгоном стояло четыре ветряные мельницы: самую дальнюю

от села называли Зарвана, ближе к селу стояла мельница Коваля Андрея, ещё ближе стояла Коваля Хома, а самая ближняя принадлежала деду Явтуху Коваленко. Дед Явтух был на селе знаменитой личностью, каждый год на крещение он купался в проруби, а его сын Прокоша в церкви носил за попом тарелку, в которую прихожане кидали деньги. Пока коровы паслись на выгоне, мы, всей ватагой ходили к мельнице играть. Отец с матерью всегда мололи пшеницу и рожь на мельнице Коваля Хома, говорили что мука с его мельницы получается лучше чем у всех. Всего в селе было восемь мельниц, одна из них, принадлежавшая Гаше Петру (так все называли Петра Кучерявого) была шестикрылка и двух постовая, то есть мололо одновременно два жернова, можно было сразу получать муку двух сортов – высший сорт и простой размол. С дочкой хозяина этой мельницы, Марусей, я сидел в школе за одной партой, мы с ней дружили.

После приезда в село двадцатипяти тысячника харьковчанина Кипеня Ивана Панасовича все мельницы были национализированы в колхоз. Ковалю Хому оставили работать на его мельнице, поскольку он был хорошим специалистом.

Летом на заседании правления колхоза было решено, что восемь мельниц для нашего села много и пять мельниц решили разобрать а из полученных материалов построить коровник и свинарник. Односельчане сильно возмущались и стали жаловаться начальству в район и в область. Тогда правление колхоза приняло решение построить механический комплекс в котором были установлены в разных помещениях мельницы для помола зерна на муку, для изготовления крупы, маслобойка для изготовления оливы, а в отдельном помещении был установлен одноцилиндровый двигатель, работавший на нефти и отработанном масле, который крутил привод на все эти механизмы и кроме того крутил динамо-машину для освещения сельсовета и конторы колхоза. После запуска этого комплекса сельчане остались довольны.

Однажды летом, году в 1937, когда я уже работал в колхозе вестовым, к правлению колхоза подошли два осетина и стали что-то говорить, размахивая руками. Вокруг них собралось много народа, в том числе и я. В конце концов с трудом на ломанном русском языке они объяснили, что им надо построить мельницу. Председатель колхоза собрал правление и решил командировать к ним на год Ковалю Хому. Они уехали, а осенью Хома вернулся богатый и довольный, рассказывал что он сам ничего не делал, а только командовал, а всё делали они сами. Мельницу построили на два поста, один молол на дерть кукурузу и ячмень, а второй - пшеницу и рожь на муку. После окончания работ устроили сабантуй, его очень хвалили и просили остаться жить у них постоянно, но он отказался и вернулся домой.

Осенью 1932 года мы получили в колхозе мало зерна, так как год был неурожайный. Наступил печально известный 1933 год. Мы были маленькими и не понимали горя, которое навалилось на Украинский народ. В селе начались кражи и отец с матерью перенесли все жито в хату, но его было очень мало. У нас осталось немного кукурузы и картошки. Этого может быть и хватило бы дожить до урожая следующего 1933 года, но в село приехал оперуполномоченный по заготовке зерна. Он организовал бригаду из молодежи, человек десять, старшим

назначил Гришу по прозвищу Шарголо (фамилию его я не помню, кажется Рябовол). Эта бригада составила список и каждый день ездили по домам и забирали зерно, говоря всем, что Москва, Ленинград и Харьков голодают, а у вас зерно лежит.

Во время службы в армии отец служил солдатом Орловского полка. Службу нес хорошо, а когда началась первая мировая война, он стал разведчиком. Однажды он ходил в тыл врага в разведку и там захватил и привел пленного солдата. Командование полка наградило его именными часами, на крышке часов было выгравировано "Награждается солдат Ильченко Олекса Демидович за доставку языка". Эти часы в нашей семье все любили, отец забил в оконную коробку гвоздик и повесил их, там они все время и висели. Эти часы Гриша Шарголо незаметно забрал. Об этом нам говорили хлопцы, которые были с ним при конфискации зерна, нам оставили немного картошки, ячменя и кукурузы. Этого нам хватило только до марта 1933 года.

Весной колхоз вспахал нам огород, а мать чистила картошку и очистки сажала в огороде, а картошку мы ели, в мае все запасы продовольствия кончились. Иван, я и Гриша ходили в лес, собирали и приносили два мешка липовых листьев, мать сушила листья в печи, затем перетирала в муку и пекла оладьи, кроме того, мы ходили по берегу пруда и ели всякие съедобные травы. Бабушка Мотря уже жила отдельно, ее дочь уехала на Терек жить по плановому переселению на свободные земли, а она переселилась в ее дом. Однажды мать послала нас в лес, и мы нарвали для бабушки два мешка липовых листьев. Она поблагодарила нас и сказала: "Приходите завтра, я напеку оладий, и вы покушаете". Утром Иван куда-то ушел, а я Гриша и Оля пошли к бабушке в гости, она как раз пекла оладьи, дала нам и сама кушала вместе с нами. Когда она вынимала из печки последний оладушек, сковородка перевернулась, и он упал на пол и разлепился, а я сказал что это похоже на коровью лепешку, бабушка заплакала и говорит: "Что ж я вам дорогие мои дам другое, если этот проклятый царь Сталин приказал, чтобы забрали зерно у всех людей". Мы тоже плакали вместе с ней, но потом успокоились и пошли домой.

Через несколько дней у соседей (Марикуца Феодосия) умерла дочка Марина и ее мать предложила мне нести на кладбище крест перед гробом, и сказала, что на поминках будет хлеб и борщ, и я согласился. Но кладбище было около школы, и меня видели ученики и учителя и потом стыдили меня, а я сказал, что если мне дадут еще покушать, то я еще понесу крест. Директор Самброс пригласил меня в учительскую, и я ему рассказал, что мы только на липовом листе и живем, он сказал, чтобы я ходил в столовую, и там будут давать обед, но я его никогда не наедался. В это время уже поднялась посеянная в огороде пшеница и рожь, и мы паслись в огороде: ели молодые сладкие колоски (ржи и пшеницы).

Однажды конюх, дед Афанасий, зашел к нам во двор и сказал матери, что на колхозном дворе зарезали коня, который сломал ногу, и спросил будет ли мать брать мясо, мать пошла вместе с ним и принесла кусок мяса, часть мяса мать сварила и мы его с удовольствием съели, а остальное мясо она разделила на три дня и засолила его. Так мы более нормально прожили ещё неделю. Отец болел то ли желудком, то ли

кишечником и очень плохо ел оладьи и мать поддерживала его мясом. Где-то числа 20 мая отцу стало плохо, и мы все приходили к нему, то чирчака принесем (съедобная трава), то корень лопуха, он нас благодарил и все это кушал. Однажды утром мать пекла оладьи из пшеничных стеблей, а отец вышел походить по улице, а потом зашел и лег на кровать, а мы ждем, когда испекутся оладьи. Вдруг отец позвал Ивана к себе, мы подошли к нему вдвоем и он говорит: "Ваня принеси мне колосьев пшеницы и ржи, только выбирай, которая уже с зернами". Мы принесли, а он лежал на боку и, взяв в руки колоски, внимательно смотрел на них. Мать вытащила из печи оладьи, разложила их на столе и самый большой подала отцу, а он сказал: "Я поем потом", а сам отвернулся к стенке лицом и уснул. Мы поели оладьи, и пошли кушать зеленые вишни. Отец через некоторое время вышел на улицу, потом вернулся в хату, съел оладью, лег на кровать и больше не поднялся. Так мы потеряли отца. Несколько дней мы были ошеломлены потерей отца, но нам помогли родственники: мамина сестра тетка Настя дала чуть больше полведра кукурузы и ведро сушеных груш, а другая мамина сестра тетка Дуня принесла нам круг макухи и торбу пшена. В огороде уже поднялись листочки свеклы, и мать варила суп, заправляла его пшеном, а на обед варила кукурузную кашу. Продуктов было конечно мало, но мать поделила все на две недели и строго придерживалась нормы.

К этому времени рожь уже набрала по пол зернышка и мать заставила нас нарезать колосьев ржи. Мы нарезали пять или шесть ведер, она затопила печь, выбрала золу и расстелила в печи колоски. К утру, они высохли, и мать собрала их в мешок и пошла с Иваном на мельницу, а я Гриша и Оля пошли в сад искать красные вишни. Когда мать с Иваном вернулись, то Иван крикнул нам, чтобы мы нарвали вишен, мать будет печь пироги. Мы принесли полу зеленых ягод и нарвали лопухов. Мама замесила тесто, оно получилось зеленое и крошилось, она брала это тесто, накладывала на лист лопуха, затем клала ягоды и опять слой теста и клала в печь, конечно, мы все толпились возле печки и смотрели когда же пироги испекутся. После того, как они были готовы, мать вытащила их из печи, дала им остыть, они лежали на столе, а мы ходили вокруг стола и ждали, потому что мама сказала, что горячими их есть нельзя - будут болеть животы. Наконец мать разрешила нам кушать, мы ели и приговаривали: "Какие они вкусные!". На этой муке мы и дожили до зерна, а потом еще несозревшую рожь и пшеницу сушили, молотили и варили из этого зерна кашу. Таким образом мы пережили голодовку.

В 1934 году мы жили очень плохо, мать работала одна и зарабатывала очень мало. Ивану пришлось бросить школу и пойти в колхоз на работу. С марта месяца у нас закончилось зерно и осталась только картошка. Мама написала заявление в колхоз и нам выдали 20 килограмм сои и 20 килограмм кукурузы, которую мы смололи и жили на жареной сое и мамалыге и на оладьях из кукурузы. Мать попросила бригадира и меня взяли вестовым в бригаду. Нам стало жить легче, так как мама, Иван и я получали обед в бригаде и из него выкраивали еду Грише и Оле. К 1 мая учебный год подходил к концу. Я занимался на отлично, и учителя поручили мне нести школьное знамя на

первомайской демонстрации, но как же они были разочарованы, когда я пришел на парад, а у меня на колене дырка на штанах. Лидия Антоновна, наш классный руководитель, говорит: "Миша, почему ты не надел чистый костюм?" Я ответил, что у меня его нет, они тут же стали обсуждать это и жалеть меня, я от жалости к себе заплакал и убежал на кладбище, меня там нашли ученики и сказали что меня зовет Лидия Антоновна. Она спросила меня могу ли я сам зашить дырку? Я сказал что смогу. Она принесла иголку и нитку и я не снимая штанов зашил себе дырку на колене и пошел на парад только уже без знамени.

Весной 1935 года к нам зашел Кучеренко Иван Тимофеевич и сказал матери, что около клуба будет открытое партийное собрание и будет партийный суд, будут слушать персональное дело Гриши Шарголо, за то что он самовольно, без решения исполкома, забрал у вас зерно, меня послали за тобой, Одарка. Мать сказала, что не пойдет, пусть идет Мишка. Я пошел с ним в центр, где на площадке возле клуба было много народа. Выступали люди и обвиняли Гришу Шарголо, потом один из членов президиума обратился ко мне с вопросом, что я помню об этом, я рассказал как они забирали зерно и то, что Гриша Шарголо забрал серебряные часы награду. Тогда один из членов президиума поднялся и с угрозой сказал: "Так ты Гриша кроме самоуправства ещё и вор! За это надо материал передать в прокуратуру!" На этом собрании Гришу Шарголо исключили из партии. Все люди жалели меня и говорили, что правда восторжествовала, только отца тебе никто не вернет.

К тому времени прошло уже два года, как умер отец и бабушка Мотря. Жили мы очень бедно: мать работала одна, а нас было четверо детей. Кроме всего прочего у нас кончились дрова, которые заготовил при жизни отец и мы решили разобрать старую хату на топливо. Вначале сняли крышу из соломы и сложили под мазанкой. На чердаке, возле трубы, под слоем глины нашли 45 обойм с патронами к винтовке. Иван и я стали менять у пацанов патроны на разные вещи: на кусок сала, на сушёные груши и яблоки и стали питаться лучше. Мать, узнав об этом, отругала нас и мы прекратили обмен. Когда начали разбирать сруб дома, то оказалось, что он сделан из дубовых брёвен диаметром около 30 сантиметров, которые были связаны между собой кроме углов ещё и шкантами (деревянные палочки, которые вставлялись в специально высверленные для них отверстия в верхнем и нижнем брёвнах). Сруб дома держался очень крепко, чтобы разобрать его, приходилось забивать между брёвнами клинья, а затем ломом и длинными вежами разбирать брёвна. В школе, на уроке природоведения, я рассказал учителю, Василию Семёновичу, и ученикам как мы разбираем дом. На следующий день, после уроков, когда мы стали снимать очередное бревно, к нам во двор пришёл Василий Семёнович. Мы показали ему весь сруб, он осмотрел все стены, а затем спросил: «Где мать?» Мы ответили: «На работе в колхозе». Тогда он сказал нам, что этот дом памятник истории, он строился без использования пилы, только топором и долотом, поэтому его нельзя разбирать, а надо сохранить. Нам это было на руку, и прекратили разборку. Вечером, когда мать пришла с работы, мы ей всё рассказали, на что она сказала: «А чем мы будем топить печь?» и со следующего дня разборка дома продолжалась. Через несколько дней Василь Семёнович привёл двух человек, они осмотрели

все брёвна, которые мы разобрали и остаток не разобранного сруба, потом сели на брёвна и что-то стали записывать, а между собой говорили, что этот дом первопоселенцев, ему лет двести или двести пятьдесят. Мы с Иваном стали считать когда же он построен и у нас получилось, что построен он между 1685 и 1735 годами, мы сделали вывод, что в этой местности первыми поселились наши предки. К вечеру все ушли и в следующие дни мы закончили разборку дома, все брёвна сложили в порядок и за следующие две зимы их сожгли.

Летом 1935 года я, после окончания занятий в школе, пошел работать пастухом на табор в Холодный Яр, где пас овец или молодых бычков.

Когда я работал в двенадцатой бригаде вестовым, бухгалтером там работал Рябовол Иван Семёнович, который научил меня считать на счетах. Он часто был пьян и я писал за него ведомости и разносил заработанные трудовни на стенной табель и выполнял другие работы. Помню, начисляли тогда по 56 копеек на трудовень.

Однажды я заготовил ведомости и положил их на стол. Ключи были у меня, а Иван Семёнович как всегда гулял. Часов в 12 рассыльный с главной конторы принес письмо, чтобы к четырем часам дня сдать ведомости в главную контору. Я поискал Ивана Семеновича, но не нашел пришел в контору и стал начислять зарплату, когда сбалансировал ведомости, то сумма трудовней и сумма денег сошлась, подписал ведомости за Ивана Семеновича его подписью, а вместо бригадира подписал завхоз и я отнес их в контору и сдал главному бухгалтеру Волошину. И тут случилось ЧП.

Иван Семенович в это время находился в буфете в центре села, где встретил бухгалтера 14 бригады, который сказал ему, что срочно потребовали ведомости на деньги, а он уже свои ведомости сдал. Тогда Иван Семенович нашел меня, взял у меня ключи, ничего мне не сказал и пошел в контору и когда обнаружил что нет заготовленных ведомостей, то поднял шум, что кто-то украл ведомости. Ситуацию разрядил пришедший завхоз, который ему все рассказал. После этого случая Иван Семенович стал мне доверять более ответственную работу.

В конце 1935 года нас в семье работало уже трое: мама, Иван и я. Мы заработали около восьмьсот трудовней, а урожай в том году был очень хороший, только зерновых давали по восемь килограмм двести грамм на трудовень, но так как у нас было очень тяжело с одеждой, то мы посоветовались и сразу отвезли три тонны зерна пшеницы под отоваривание. Нам выдали справку, а когда в село привезли товар, то парторг Кипень Иван Панасович вышел на крыльцо и первую по списку вызвал маму. Мы все четверо зашли в магазин и получили костюмы, тужурки, ботинки, платья и ткани на всю сумму. Когда мы вышли из магазина все в обновках, то колхозники стали кричать на Ивана Панасовича почему он первую вызвал Ильченко, а он сказал: "Кто следующий раз сдаст три тонны зерна, то и будет первым". Народ обступил нас и стал рассматривать наши обновки.

Осенью Ивана призвали служить в Советскую Армию, и тут выяснилось, что отец недооформил его усыновление. Как пояснили матери в призывной комиссии, факт рождения регистрировался церковью и сельсоветом, а отец при усыновлении изменил Ивану фамилию только в сельсовете. Председатель призывной комиссии

сказал, что надо писать ту фамилию, которая записана в церковной книге. Так наш брат Иван до двадцати одного года был по фамилии Ильченко, а в армии стал Дерипаско. В письмах он писал, что служит в кавалерии в Казахстане. Мы с матерью работали в колхозе вдвоем, я работал постоянным рабочим сначала на овцеферме, а затем на КТФ (конно-товарной ферме) по выращиванию молодых жеребят (около ста голов) для Советской Армии, и хотя заработали в 1936 году более шестисот трудодней, но был неурожайный год и к весне 1937 года зерно кончилось. Нас шесть человек из села собрались ехать в Бобринецкий и Вытязивский районы менять рядно на зерно или купить зерно за деньги. Мне в колхозе выписали аванс 100 рублей, мать дала два рядна и простилку и я поехал с мужиками за зерном. Туда дорога заняла один день: до Кировограда на поезде, а дальше на попутных машинах. Пошли по хатам и одна женщина согласилась продать нам троим пол тонны кукурузы, только ее надо наломать в поле. Она взяла в колхозе подводу и мы поехали с представителем колхоза в поле, наломали кукурузы и целую ночь лущили ее на ручной машинке хозяйки. Кукурузы получилось почти по полному мешку, мы были рады, что не даром проехали. Ее соседке понравилось мое рядно и она дала мне за него три ведра пшеницы, а потом забрала и простилку и еще дала ведро пшеницы. Я был очень рад, что деньги целы, а домой привезу четыре ведра пшеницы и четыре с половиной ведра кукурузы, это было на два с половиной ведра больше, чем мы с мамой планировали выменять. Мужчины что-то долго ходили, меняли, до самого вечера, хозяйка была тоже на работе, а я был дома, ходил по двору и начал рубить хмыз лежавший в углу около колоды и нарубил большую кучу дров. Вечером хозяйка спросила, кто рубил дрова, я сказал, что это я. Она наварила картошки, мы покушали и легли спать пораньше, потому что назавтра рано утром надо ехать домой. Переговорили между собой и дали хозяйке по 5 рублей за то, что она нас кормила. Утром, когда я проснулся, то мужчины уже выносили мешки на улицу, а хозяйка готовила у печки и начала расспрашивать меня, кто я, откуда, как фамилия. Я рассказал, что нас в семье четверо, я остался старший, так как старший брат служит в армии. Она подала завтрак, мы поели и я повернулся и сижу у стола. Вдруг хозяйка как заплачет, запричитает, подходит ко мне, обняла, поцеловала в щеку и говорит: "Куда это только начальство смотрит, как дети живут, а в армию заберут". Я покраснел и говорю, что служить надо всем. Затем она спрашивает: "Миша у тебя есть еще мешок?" Я говорю: "Нет, только торба, в которой я носил с собой еду". Она ушла и принесла ведро проса и высыпала в сумку, и еще насыпала в мешок ведро пшеницы и сказала мужчинам: "Бедная вдовья судьба, мучается с детьми одна". Тут подошла машина и мы погрузили мешки. До Кировограда двое уехало с мешками. Мы договорились, что они будут ждать нас около базара. Сами добирались в Кировоград на попутных машинах только к вечеру, разыскали своих и тут же расположились на мешках спать. Каждый из нас дежурил по очереди. Утром было прохладно и мы все проснулись и танцевали чтобы согреться. Стали останавливать машины, чтобы нас отвезли в село (пятнадцать мешков и шесть человек). Один водитель ехал в Цибулево за лесом и согласился отвезти нас по пять рублей с человека и по пять

рублей за мешок. Нам деваться было некуда, мы отдали ему деньги и часов в десять утра он разгрузил нас на колхозном дворе. Люди стали сходить, все спрашивали, что можно купить и почему, и можно ли туда еще ехать.

Пришла мама и когда я показал ей свои мешки и торбу, она обрадовалась, пошла к соседке, взяла у нее возик и мы привезли покупки домой. Когда мы грузили мешки, то Вакуленко Тимофей говорит матери: "У тебя дома есть мужик, жени его и будет хозяин".

Привезенного зерна хватило до полученного зерна из колхоза. Мать еще больше обрадовалась, когда я ей ещё вернул восемьдесят рублей. В воскресенье мы пошли всей семьей на базар и купили мне расшитую рубаху и штаны, Грише и Оле тоже купили одежду, себе мама купила в магазине ткань на кофту и сарафан.

Была объявлена подписка на Сталинский займ. Вечером в бригадной конторе проходил актив села: учителя, коммунисты и комсомольцы. Всех агитировали подписаться на этот займ. Была создана специальная комиссия по агитации за займ. Вскоре после этого мы, в свободное от работы время, сидели в конторе и играли в домино, а в комиссию по подписке пригласили Скляра Кондрата, он работал на ферме, кормил быков, и учительница немецкого языка, Анна Костивна, предложила ему подписаться на 500 рублей займа, мы со своего места слышали как он согласился подписаться только на триста рублей. Анна Костивна стала возражать ему, говоря, что этот займ объявил товарищ Сталин, поэтому надо подписаться на 500 рублей. Дед Кондрат немного помолчал, а потом сказал: «Сталин, наверное, бедный, что пришёл занимать деньги у воловника Кондрата, своих ему не хватает». После этого все члены комиссии напустились на него, но он сказал: «На триста я подпишусь, а на больше – нет». Комиссия не согласилась и он ушёл. Дня через три, поздно ночью мы с хлопцами гуляли по улице и видели как к дому деда Кондрата подъехала машина и его забрали. Вскоре состоялся суд и ему дали десять лет тюрьмы. После освобождения он прожил на воле всего несколько месяцев и помер.

По селу стали гореть хаты активистов. Никто не мог найти виновных в этом, но то, что это не случайность подтверждалось тем, что однажды ночью кто-то одел ведро с дерьмом на голову памятника Ленину. Вскоре арестовали Ивана Мирошниченко (по уличному Беню) обвинив его в поджогах и осквернении памятника. Состоялся суд, на котором я не присутствовал, но мне рассказывали, что на суде демонстрировали специальное приспособление, спрятав которое под соломенную крышу дома, позже можно было проходя мимо дома дернуть за нитку и хата начинала гореть. Ивана посадили в тюрьму. Позже, освободившись, он работал в колхозе и был очень дружен с моим младшим братом Гришей.

Жизнь шла своим чередом. Зимой я работал на КТФ (Конно-товарная ферма), где были жеребцы, двух и трехлетки, так называемый фонд Красной Армии. В мае 1938 года к нам приехала комиссия и отобрала сто штук молодых коней для армии, приезжал и Семен Константинович Тимошенко, в то время он командовал Киевским военным округом. Я тогда впервые увидел такое большое начальство. Работа на КТФ мне очень нравилась. Каждый вечер надо было седлать жеребцов и, под руководством кавалериста Репенко, объезжали

километров по 10-15 за вечер, а больше всего нравилось, когда проезжая через село чуть приостановишься, а конь под тобой так и гарцует. В конце мая одногодок направляли на выпас в Московское примерно 8-9 километров от села (бычков, жеребят, только овец арабского каракуля было более тысячи голов). Я попросился туда и меня отпустили, там я пас жеребят. Вдруг, пятого августа, к нам на табор приехал на фаэтоне председатель колхоза Черняк и главный бухгалтер Волошин. Мы как раз обедали. Заведующий табором и бригадир испугались и спрашивают: "Что вы натворили, что такое начальство приехало?" Мы встали из-за стола и ждем. Они подошли и поздоровались, мы ответили на приветствие и вдруг Черняк подает мне руку и здоровается за руку, потом подает руку Чмырю Ивану заведующему выпасом и говорит ему: "Чего это вы прикарманили специалиста у себя на таборе?" Тут в разговор вступил Бурмин Петр Ермолаевич заведующий овцефермой и говорит: "Он и у нас специалист, отара арабских каракулевых овец состоит из более тысячи овец, а он по номеркам в ушах помнит более половины". Потом главный бухгалтер называет меня по имени и отчеству и говорит: "Мы приехали за тобой, так как 5 августа мобилизовали трех бухгалтеров с пятнадцатой, тринадцатой и одиннадцатой бригад, туда срочно нужны бухгалтера вот и приехали за тобой, забирай свои вещи и поехали в любую бригаду какую хочешь". Я согласился на одиннадцатую. Меня завезли в бригаду, там бригадир Москаленко Тимофей Яковлевич и завхоз Бандурко Степан меня приняли хорошо и говорят: "Надо бы обмыть это дело", а я говорю: "А зачем мыться?" Они рассмеялись, а Степан пошел в кладовку и принес большой арбуз, который мы съели. Я сразу собрал наряды за два дня, расценил их и разнес на стенной табель. Так с 5 августа 1938 года я стал счетоводом одиннадцатой бригады колхоза имени Буденного.

Работая рахивником, я установил себе такой режим работы: не уйду из конторы, пока не разнесу наряды на стенной табель, то есть поставлю каждому работнику его дневной заработок. Утром, когда все приходят на наряд, они сразу могут узнать свой вчерашний заработок и это им очень нравилось. Часто после работы я с друзьями уходил гулять по селу и домой возвращался только утром. Весной начали организовывать комсомольский сев (одна сеялка была комсомольско-молодежная). Мы втроем (Носенко Прокоп, Кучеренко Антон и я) договорились возглавить эту работу. Я сказал бригадиру, что это будет не в ущерб основной работе. Посевную отработали хорошо.

В апреле 1939 года меня командировали в город Новогеоргиевск (сейчас Светловодск) на полтора месяца, где я обучался на курсах агитаторов при Новогеоргиевском райкоме партии. После приезда из командировки домой к нам зашел член КПСС Адабаш Афанасий Иванович и рассказал, что на парткоме решили рекомендовать меня в комсомол. "Я напишу тебе рекомендацию" - сказал он - " а вторую даст райком комсомола, мы с секретарем, Маракуцей Михаилом Евгеньевичем, уже говорили". Через несколько дней я написал заявление и меня приняли в комсомол (на селе было около ста комсомольцев). Так неожиданно я стал видным парнем на селе и заметил что многие девчата, в особенности старше меня на четыре-пять

лет, предлагают знакомство, но я стеснялся их навязчивости и уклонялся от знакомства. Молодежь обычно гуляла возле клуба, я знал много песен и часто пел их. Когда расходились по домам, то я шел один. Среди девчат была Марина Дерипаско, ей надо было идти домой в другую сторону, но она часто стала просить меня проводить ее домой. Однажды я проводил ее до дома и она приглашает меня в хату, я сказал: "А что скажет мать?" Она ответила: "Ничего" и вдруг стала целовать меня и говорит: "Женись на мне, я так буду за тобой ухаживать, как ни одна дивчина за тобой не сможет ухаживать!". Я ей ответил, что до армии жениться не буду, а она ответила, что готова пожить до армии, а из армии она меня дождется, и изменять мне не будет. Я спросил: "А что такое изменять?". Она засмеялась и говорит: "Какой ты честный, даже этого еще не знаешь! Женишься на мне и знать не будешь!" "Хорошо" - ответил я- "Как демобилизуюсь, встретимся и обсудим это". Она заплакала, потом вытерла слезы и говорит: "Мне двадцать пятый год, а ты в армии будешь служить три или четыре года, мне будет тридцать, тогда ты на меня и смотреть не будешь!" На этом наш разговор и закончился, но через три-четыре дня мать говорит мне: "Что это ты надумал жениться и не говоришь мне, чтобы готовилась к свадьбе". Я ответил что это неправда, кто мог такое сказать. Она говорит, что Маруся и Дуня с девятой бригады шли по улице и слышали наш с Мариной разговор и на работе подошли к матери и сказали показывая на Марину- "Это Ваша невестка". Много еще было встреч с девчатами, но я всем отвечал, что до армии не женюсь.

У моего друга-одногодка, Зубатенко Ивана Сидоровича, была сестра Маруся. Она была моложе на два или три года. Я приходил к Ивану в гости и часто с ней разговаривал, шутил и потом заметил, что она постоянно приходит гулять туда, где гуляю я. Так мы с ней периодически встречались до моего ухода в армию. Во время прохождения службы я вдруг получил от нее письмо, и у нас завязалась переписка, которая длилась до начала войны, а затем прекратилась в связи с оккупацией.

Осенью 1939 года мы получили письмо от Ивана из армии, где он сообщал, что их из кавалерии переформировали в моторизованную дивизию и отправляют на финский фронт. А через некоторое время пришло письмо из Сестрорецка под Ленинградом. Следующее письмо получили уже после заключения перемирия. Я несколько раз перечитывал это письмо, и до меня не доходило, как это так, что объявили, что в 12 часов прекращается война, и они уже это знали, но с утра и до обеда брали штурмом Выборг. Потом он прислал письмо, что служит пограничником в Псковском погранотряде на Гдовской погранзаставе. Мы обрадовались что он уже далеко от Финляндии и успокоились.

Работая счетоводом одиннадцатой бригады, я был и редактором газеты "Стахановец". В редколлегии ещё были Иван Зубатенко и Семён Кучеренко. Выпускали газету вечерами, и к нам часто заходили два деда, один из них ухаживал за скотом и кормил его ночью, а второй охранял колхозный двор. Часто они рассказывали нам разные истории из своей жизни. Однажды дед Самило рассказал нам такое, что мы целый вечер смеялись. Вот его рассказ: "Когда я был еще молодым, жили мы плохо, семья - семь человек, а землю обрабатывать нечем,

одна лошадь и одна корова на всю семью. Я решил поехать в Таврию на заработки. Собралось нас весной больше тридцати человек, добрались мы до Таврии. Все наши деревенские пошли работать к панам, а я устроился на фабрику по изготовлению рыбных консервов, проработав там два месяца и заработав восемь рублей я решил в конце мая ехать домой, так как за пять рублей, что я отложил, в то время можно было купить лошадь. На железнодорожной станции взял билет до станции Знаменка и поехал, когда мы проехали Пятихатки я выглядывал в окно и вижу такая большая рожь растёт, в рост человека. Вдруг на рельсы впереди паровоза выбежал жеребёнок, машинист гудит, а он с колеи не уходит, тогда машинист, как крутанет рычагами, съехал в рожь, обогнал жеребёнка снова выехал на рельсы и поехал дальше". Мы дружно рассмеялись и сказали, что такого не может быть, он очень обиделся, но потом отошёл и стал рассказывать другую историю, которая произошла с ним: "Пошли мы зимой гулять на другую половину села, за речку, идти было трудно: дул сильный ветер и снег залеплял глаза. Когда мы дошли до огорода Репенька, то увидели, что у него весь огород засажен деревьями. Мы забрались к нему в сад, и видим - там полно спелых слив, мы нарвали полные карманы и даже за пазуху, а когда пришли на гулянку, то всех девчат угощали сливами и они только возле нас и вертелись, а на местных хлопцев и не смотрели". Выслушав и этот рассказ, мы все втроём стали доказывать деду, что всё, что он нам рассказал - неправда, а он крестится и утверждает что всё чистая правда. Мы долго ещё смеялись над его рассказами.

Однажды я не пошёл с ребятами гулять, а сидел и оформлял стенгазету. В контору зашёл Иван Кучеренко и говорит: "Иду мимо, смотрю горит свет, думаю зайду, посмотрю, кто это так поздно в конторе работает". Он посмотрел газету, те заметки, что я уже написал, и мы стали разговаривать. Я спросил его почему Скляр Кондрат обзывает его махновцем. Он немного помолчал и говорит: "Миша, ты человек грамотный и я тебе расскажу, что со мной приключилось. Это было в 1919 году. Я на своей старенькой лошадёнке пахал под озимь нашу землю между Стуколовым лесом и Глинищами. (Глубокая балка с отвесными краями, где все ближайшие сёла брали глину. Чтобы её обойти, надо было идти километра два.) В то время в селе стояли Деникинцы и в балке находились двое их часовых. Примерно часов в одиннадцать, от леса, который километрах в семи от села, дорогой едет всадник. Я растерялся и хотел уехать домой, но побоялся деникинцев и решил остаться пахать. Через некоторое время этот всадник подъехал ко мне и спрашивает: "Какая в селе власть?". Я набрался смелости и говорю: "В селе Деникинцы и двое их часовых находятся в балке, поэтому советую вам уехать отсюда". Он ответил: "Была деревня Деникинская, а станет наша". Поехали в сторону села, я пашу, а он едет рядом и разговаривает со мной: "Не вздумай бежать, а то убьют, я этих прохвостов знаю!". Когда я доехал до конца поля и стал разворачиваться, нас заметили Деникинцы и стали кричать: "Стоять и не двигаться!", до них было около километра. Мой спутник слез с коня, а мне сказал: "Коня не выпрягай!". Подошли Деникинцы, стали спрашивать кто он такой и откуда. Он ответил, что едет с села Стецивка, что под Чигрином. Его обыскали, но оружия не нашли. Тогда принялись за меня.

"Почему вы выехали пахать без разрешения?". Я объяснил, что скоро сеять, время не ждёт. Нас арестовали и пригнали в двухэтажную школу. По пути я встретил знакомых и попросил их, чтобы они передали жене, что надо забрать лошадь и плуг. Деникинцы плуг отдали, а лошадь нет. Школа находилась возле кладбища, а кругом были заросли дерезы, только местами были протоптаны тропинки. Меня вызвали на допрос. Я сказал, что этого человека я не знаю, что он подъехал ко мне в поле и ехал со мной, пока нас не увидели солдаты. Потом на допрос вызвали его, что там происходило, я не знаю, но вернулся он без сапог. Немного посидел молча, потом вдруг прислонился ко мне и тихо говорит: "Я от батька Махно. Сегодня или завтра наши будут здесь. Только молчок, а пока жди когда стемнеет". Мой спутник сидел спокойно, а я стал бояться, что Деникинцы расстреляют и меня и всю мою семью. Когда солнце село, но было ещё светло он стал расспрашивать подробно как добраться до леса Стуколово. Я рассказал, что метрах в двадцати от школы, на границе кладбища, стоит туалет, с двух сторон которого в зарослях колючей дерезы прорублены проходы, чтобы дети прямо шли домой, а не обходили кладбище. Сразу за кладбищем дорога, идущая в гору. По этой дороге через два-три километра начинается лес Стуколово. Махновец спросил есть ли на дороге часовые. Я сказал, что не знаю. Он немного посидел, а потом говорит: "Снимай ботинки!". Я снял ботинки и отдал ему. Он обул их, а я чуть не заплакал: коня забрали, ботинки забрали, как землю обрабатывать, чем кормить семью? Вдруг махновец спрашивает: "У кого есть нож?". У одного из арестованных нашёлся складной нож. Ботинки ему по-видимому были узки, поэтому махновец взял нож и разрезал шнурки на ботинках и передок до самых носков, а нож вернул. Кто-то из арестованных заметил, что эти ботинки ещё года два можно было бы носить, а ты их испортил. Махновец ответил: "Я вас спасать буду, а то деникинцы всех перестреляют. Через некоторое время он спросил где я живу. Я ему рассказал и он пошёл к двери и стал кричать, что ему надо в туалет. Ему принесли ведро, но он отказался от ведра и снова несколько раз стучал в двери, требуя, чтобы его отвели в туалет. В дверях появился офицер они переговорили и двое часовых повели махновца в туалет. Что было дальше, я не знаю, но примерно через час, было около десяти часов ночи, застрочили пулемёты и из окон стали сыпаться стёкла. Деникинцы забегали по коридору, один из них открыл двери и сказал, что через полчаса мы можем идти домой. Когда бой затих, мы потихоньку разошлись по домам. На южной окраине села, за речкой Цыбульник, деникинцы закрепились, но утром махновцы их атаковали и выбили из села. Отступали деникинцы в направлении хутора Зелёный гай по Вульвачевской балке. На окраине села стояли махновцы, а на окраине леса Довшкое стояли деникинцы. Потом сельчане рассказывали, что часов в десять дня махновцы пошли в атаку, вперёд выехали шесть тачанок с пулемётами и деникинцы удирали в сторону Диковского железнодорожного разъезда, а затем на Александрию. На третий день ко мне неожиданно заехал мой знакомый махновец с двумя бойцами. Привели молодого четырёхлетнего коня и дали пару сапог. Вот такой из меня махновец, сказал Иван Тимофеевич, умные люди всё понимают, а дураки упрекают" закончил он свой рассказ.

Настало время и мне готовиться в армию. Я стал проходить медицинские комиссии и допризывную подготовку, работая бухгалтером одиннадцатой бригады. В сентябре месяце мы прошли призывную комиссию и нас отпустили домой до особого распоряжения. Примерно числа пятнадцатого нам четверем, (мне, Тесле Ивану Харитоновичу, Луценко Василию и Рябовол Степану) пришла повестка явиться в военкомат Новогеоргиевска для отправки в часть. Когда меня провожали, то мать спрашивала не вечеринке, которая моя дивчина. Я ответил, что когда вернусь из армии, тогда и буду выбирать. Когда пришли к сельсовету, то мать и сестра Оля плакали, а я их успокаивал, что отслужу три года и вернусь домой. Уезжали мы 25 октября 1940 года. Когда сели на подводу и поехали было уже темно, ночь, и такое ощущение будто бы все деревья на улице кланялись, нас провожая. Двоих из нас (меня и Луценко Василя) направили в город Смоленск в полковую школу, а Теслю и Рябовола направили в Краснодарскую полковую школу. Из Новогеоргиевска в Смоленск нас ехало 10 человек. К нам в вагон подселили бывших осужденных, которых тоже направляли служить в армию, они начали хулиганить и на остановках забирать с привокзальных базаров все съестное, покупали водку и одеколон и все время пьянствовали, только бутылки и флаконы из вагона летели.

Приехали в Смоленск ночью. К нам пришли два солдата во главе со старшим лейтенантом, который громко подал команду "Подъем!". Мы с Васькой встали и выскочили из теплушки, а один из пьяных зеков обматерил старшего лейтенанта и выгнал из вагона. Мы все пошли в вокзал и старший лейтенант позвонил в часть и ему ответили, чтобы он оставил нас в теплушке до утра, и мы вернулись назад в теплушку. Утром нас разбудили и мы с вокзала пешком пришли по адресу улица Фрунзе № 64.

С этой минуты закончилась моя мирная гражданская жизнь и началась моя солдатская жизнь.

III. АРМИЯ

Первые часы службы в армии показались мне спокойными, но через час пришел капитан и по личным делам проверил каждого, затем дал команду старшине заниматься с нами, в это время в наше помещение завели ещё человек сорок. Старшина дал команду всем построиться и перед строем сказал, чтобы мы съели всё что у нас есть из съестного, а что останется - сложить в ящик стоящий в казарме, приготовить вещмешки, у кого порванный - отремонтировать. Потом куда-то позвонил и скомандовал: "Выходи строиться!". Строем мы пришли в баню, где после купания оделись во всё солдатское, а свою одежду сложили в вещмешки и подписали их, а когда вернулись в часть все вещмешки сдали в каптёрку.

Карантин прошел быстро (две недели) и уже после Октябрьских праздников нас начали сортировать. Нас было примерно около тысячи человек, сначала вызвали осуждённых и увели, нас осталось около 800 человек. Перед нами выступил майор и объявил, что все мы зачислены в полковую школу, только надо отделить группу шоферов и группу младших авиаспециалистов, и объяснил, что школа младших авиаспециалистов останется на месте, а желающие учиться в полковой

школе шоферов выйдите вперёд и построитесь. Мы с Василём и много других солдат вышли, но командир сказал: "Надо ещё тридцать человек, прошу выйти и построиться!" Наконец все определились, нас переписали, привели к казарме и объявили, чтобы мы забрали все свои вещи, кроме постели и вышли на улицу. Нас всех поселили по полковым школам, а младших авиаспециалистов поселили возле аэродрома и они служили в аэродромной команде.

На следующий день у нас уже начались занятия - изучали три вида машин: стартёрщики - заводить двигатели самолётов, бензозаправщики и машины связи СК-33 и ЗИСы, на которых смонтирована радиостанция 11ЭК.

Занятия протекали напряжённо: после подъёма до завтрака один час строевой подготовки, затем завтрак и восемь часов классных занятий с перерывом на обед и после окончания классных занятий ещё час строевой подготовки, всего десять часов в сутки. Занимаясь дома по допризывной подготовки я хорошо выполнял физупражнения и когда назначали командиров отделений назначили и меня. Командиром взвода был старший сержант, который подал рапорт на учёбу в Каширской школе офицеров и сильно просил, чтобы мы его не подвели иначе его не направят учиться.

Пятого декабря 1940 года мы приняли присягу. Перед присягой перед нами выступил старший воентехник первого ранга (старший лейтенант) и сказал: "Вы являетесь курсантами полковой школы, вам будет доверена боевая техника, командование возлагает на вас большие надежды, поэтому вы должны гордиться учёбой и своей частью".

Когда я дома занимался допризывной подготовкой, у меня был хороший голос, и я знал несколько строевых песен, которые мы разучили со своим взводом.

На занятиях произошло несколько занимательных случаев. Вместе с нами в школе учились два узбека Каримов и Рахматулаев. Когда их спрашивали пройденный материал, они всегда отвечали, что по-русски не понимают, так длилось примерно с полмесяца, и вдруг, на одном из занятий, преподаватель спрашивает Каримова вчерашнее занятие, мы как всегда усмехнулись, ожидая обычного отказа, но он встал и всё ответил на нормальном русском языке, по классу прошёл шум. Следом преподаватель поднял Рахматулаева, он также ответил пройденный материал на русском языке. Позже я узнал, что их забрали с третьего курса института, и они прикидывались, чтобы им дали отсрочку от призыва до окончания института и отправили назад в институт.

После принятия присяги нам стали давать увольнительные в город, и вот однажды курсант Корниенко пришёл из города выпивши, ходил по казарме с расстёгнутым воротничком. Когда мы построились на вечернюю поверку, старшина отдал команду: "Смирно!", все встали по команде смирно, а Корниенко умышленно выставил ногу вперёд. Старшина подошёл ближе и подал команду: "Курсант Корниенко, приведите себя в порядок и встаньте по стойке смирно!". Корниенко засмеялся и ответил, что это не обязательно. Старшина дал команду: "Курсант Корниенко, два шага вперёд!". Корниенко вышел, и старшина объявил наказание - один наряд вне очереди, к нашему удивлению Корниенко демонстративно ответил: "Мало!". Старшина перечислил его

нарушения устава и объявил два наряда вне очереди. Корниенко опять ответил: "Мало!", старшина объявляет три наряда вне очереди, а Корниенко говорит: "Всё равно мало, а по уставу не имеете права давать больше двух нарядов", тогда старшина дал ему команду встать в строй и сказал: "Я постараюсь сделать так, чтобы тебе хватило". Утром Корниенко вызвали в штаб и отправили на десять суток строгой гауптвахты. После гауптвахты его направили в аэродромную роту.

Зимой, после снежных бурь, аэродром и ангары заносило большими сугробами снега. Нас, курсантов, приводили на аэродром и мы лопатами откапывали ворота ангаров и прочищали дорогу к взлётной полосе. Затем, человек по двадцать, катили самолёты от ангаров до взлётной полосы. Конечно же это было тяжело.

Однажды была большая пурга. Нас утром подняли по тревоге и мы чистили снег от ворот ангара, работали попеременно, отдыхающая группа заходила в ангар. Здесь в самолёте СБ воентехник что-то ремонтировал, мы издали наблюдали за ним, а курсант Коробко Иван подошёл поближе к самолёту и начал разглядывать его. Воентехник посмотрел на него и спросил: "Ты сидел когда-нибудь в кабине самолёта?". Иван ничего не подозревая ответил: "Нет". Воентехник тогда ответил: "И хрен когда сядешь в неё!". Мы все дружно рассмеялись и потом ещё недели две подтрунивали над ним.

Учёба шла своим чередом, и мы с Василём Луценко, моим односельчанином, обсуждали свою учёбу и были очень довольны тем, что у нас будет и военная и гражданская специальность.

В феврале 1941 года мы сдали экзамены по материальной части, и ещё нам предстояло сдать экзамен по строевой и боевой подготовке. На площади мы сдавали физподготовку: разные упражнения на турнике. Я все упражнения выполнил с первого раза. По боевой подготовке мы кидали гранаты на дальность (я кинул на пятьдесят восемь метров) и в цель (в круг на расстоянии 36 метров я кинул все три гранаты). Стрельбу и хождение на лыжах мы сдали ранее (двадцать километров я прошёл за один час сорок восемь минут, что соответствовало отличной оценке), некоторые курсанты прошли 20 километров за три с лишним часа и им были назначены дополнительные занятия.

На следующий день командир взвода сообщил, что будет смотр школы, на который приедет из Витебска командир 12 авиадивизии полковник Аладинский, к одиннадцати часам мы должны быть на площади. Нас построили на площади заранее, примерно без десяти минут одиннадцать пришли командиры, человек шесть, и с ними руководство нашей школы. Полковник поздоровался с нами, и мы строем поприветствовали его, затем он произнёс небольшую речь, поздравил нас с окончанием учёбы и в заключении сказал: "А сейчас посмотрим вашу строевую подготовку". Все командиры ушли на трибуну и взвода поочередно проходили мимо трибуны с песнями. Мы решили пройти с песней, которую я разучивал со взводом, так как я был запевалой. Не доходя до трибуны я запел песню: "Из-за леса-леса бойницы в ряды, батарейцы едут славны молодцы, пусть говорят..." все курсанты дружно подхватили песню. Когда мимо трибуны прошли все взвода к нашему взводу подошло несколько офицеров с фотографом и стали нас по одному фотографировать. Мы поняли, что заняли первое место, к нам

подошёл начальник автошколы, воентехник первого ранга Иванов, поздравил наш взвод с отличной учёбой и сказал, что командир дивизии приказал каждому курсанту выдать по фотографии на память об учёбе. Но больше всех был рад командир взвода, он получил отпуск на десять дней и направление в школу офицеров. Когда он уезжал, то очень нас благодарил, что мы его не подвели. Через день нам выдали фотографии и объявили приказ о том, кто в какой авиаполк едет на стажировку. Мы с Васей попали в разные полки: он в 207-ой, а я в 128-ой. Нам выдали документы, и наша группа поехала в местечко Улла в Белоруссии, где дислоцировался этот полк. После приезда нас определили в роту связи, где я и проходил стажировку (ездили на полуторке по специальной дороге, где были расставлены почти все дорожные знаки). Проводили и классные занятия, где мы изучали морзянку, работая на ключе и силовую часть радиостанции 11-ЭК. Я показал хорошие знания, и примерно в апреле-мае месяце, меня стали назначать на дежурство по силовой части радиостанции, которая была смонтирована на двух автомашинах ЗИС-5. В мои обязанности входило следить за работой двигателя Л-3, который вращал динамо-машину и давал ток во время работы радиостанции, а в перерывах я заряжал аккумуляторы для самолётов. Практику я проходил под руководством сержанта Савченко, он был родом из Полтавской области. Командиром радиовзвода был младший лейтенант Гребенников. В мои обязанности входило также разносить радиogramмы, которые принимал радист 1 класса Колесин. Когда начались полёты, радист дал мне радиogramму, которую я должен был отнести дежурному по полётам. Проходя мимо ангаров, я увидел, что самолёты таскает какой-то необычный танк. Я спросил у офицеров и они объяснили мне, что это двухместная танкетка, смонтированная на базе автомобиля ЗИС-5 и вооружена пулемётом "Максим". Нам её направили в качестве тягача для самолётов, а если появится необходимость, то она может и отбивать атаки врага на аэродром. Отдав радиogramму, я вернулся на радиостанцию и рассказал Колесину о танкетке. Он был третьего года службы и более опытный, чем я. Он сказал, что кругом враги и надо быть готовыми дать им отпор, а кроме того хорошо, что солдатам не придется теперь таскать самолёты вручную на взлётную полосу и обратно в ангары.

В мае 1941 года прибыли офицеры-запасники на сборы, они начали летать и тут произошло два ЧП.

Однажды лётчики проводили занятия на точность бомбометания. На самолёты как всегда подвесили по две бетонные бомбы-болванки, и звено улетело на полигон бомбить мишени. Вдруг радист принял радиogramму от стрелка-радиста одного из самолётов, что у них заглох и не заводится двигатель. Я доложил о происшествии руководителю полётов, который приказал радировать экипажу самолёта, чтобы они немедленно шли на посадку, дал команду освободить посадочную полосу и выехал к нам на радиостанцию. Мы передали приказ на самолёт, а минут через 10-15 с западной стороны на небе появилась и стала увеличиваться чёрная точка. Уже стало хорошо видно, что самолёт шёл на предельно низкой высоте и до посадочной полосы он не дотянет. Вдруг от самолёта что-то отделилось и упало (как мы позже выяснили это прыгнул стрелок-радист). Начальник полётов,

наблюдавший это вместе с нами, выругался матом и в этот момент самолёт резко пошёл на снижение и через несколько секунд на месте его падения поднялся огненный столб. Позже, от пожарников, я узнал, что самолёт потерял скорость, и лётчик пытался посадить его на луг километров за восемь-десять до аэродрома, но в траве напоролся на пень, клюнул носом и перевернулся. Взорвались баки с горючим. Когда подъехали пожарные, то штурман лежал невдалеке от горящего самолёта, ему сильно придавило грудь спаренными пулемётами ШКАСС, а лётчик горел в самолёте. Колхозники, которые вытащили штурмана, хотели вытащить и лётчика, но был сильный огонь, и в горячей кабине стрелка-радиста начали стрелять патроны, и они, испугавшись, отбежали от самолёта.

Через три дня похоронили останки лётчика, возле могилы был митинг и был троекратный салют. Через две недели я дежурил на радиостанции, к нам зашёл спасшийся стрелок-радист и спросил когда мы приняли его радиограмму и когда мы послали ему ответ. Мы стали интересоваться, как всё произошло, и он нам рассказал, что лётчик дал команду всему экипажу оставить самолёт, высота была всего 80 метров, он выпрыгнул в нижний люк и сразу дёрнул кольцо парашюта. Когда парашют полностью раскрылся, то он уже ударился о землю, но ему повезло, что он упал на бурьяковое поле и радовался, что не поломал себе костей.

Следующее происшествие, насколько я помню, произошло 22 мая. Также проходили тренировочные полёты с бомбометанием на полигоне. Когда самолёты возвращались с полигона, над аэродромом разразилась гроза, всё небо затянули облака. Лётчик летел к аэродрому и ориентировался по реке Западная Двина, но когда подошёл к грозовому облаку, то поднял самолёт выше облачности и пролетел свой аэродром. Когда облачность кончилась, он снизился и увидел под собой аэродром. Решил приземляться, но рядом с ним вдруг оказались три истребителя и знаками приказали садиться. Он посадил самолёт и его сразу же окружили солдаты. Оказывается он сел в Даугавпилсе. На второй день к нам на аэродром прилетел полковник НКВД из Москвы и после обеда он на своём самолёте, а командир полка майор Сандалов на своём, вылетели в Даугавпилс. На следующий день все три самолёта возвратились. Как позже мы узнали, на допросах весь экипаж обвиняли в том, что они хотели улететь за границу.

В полку частыми были случаи воровства, в основном офицерских сапог. Как позже выяснилось, воровал старшина Чуб и через солдата Соловьёва продавал всё на базаре в Улле. Когда их поймали и отдали под Ревтрибунал, старшина Чуб застрелился, а Соловьёв остался не осуждённым.

На аэродроме строили новую бетонную полосу. Строительство вели заключённые-женщины, они жили в бараках у дороги. Когда мы шли из караульного помещения в штаб полка, то мы проходили мимо них, и это было настоящим мучением, до того безобразно они себя вели. Они предлагали себя солдатам для того, чтобы забеременеть, а их тогда освободят, за это они ещё и платили солдатам по 30 рублей (мы тогда получали по 7,5 рублей в месяц) и ещё сколько-то охранникам, чтобы разрешили свидание. Некоторые солдаты ходили к ним.

В начале июня к нам приехали представители Витебской

автоинспекции и приняли экзамены на право вождения автотранспорта. Экзамен мы сдали успешно, а примерно через две недели они приехали снова и приняли у нас практическую езду. Двадцатого июня я получил на руки стажёрку, в которой было три отметки хорошо и мы стали собираться в Витебск в госавтоинспекцию за получением водительских прав. В субботу, 21 июня, командир взвода Гребенников принёс увольнительные всем двадцати солдатам на 22 июня с 6 часов утра до 20 часов вечера и сказал: "Приготовьтесь хорошо к выезду, завтра к шести часам утра подойдёт автобус, и вы поедете в Витебск". Мы были очень рады, что нам выдадут не военные права, которые действительны только на территории военного городка, а гражданские, которые действительны на территории всего Советского Союза. Я написал об этом домой, похвастался, что буду ездить на машине.

Вечером мы встретили знакомых хлопцев из аэродромной роты, которые рассказали нам, что по тревоге подняли караульную роту и роту обслуживания. Приказали все самолёты со стоянок убрать и замаскировать их на опушке леса. Целый день катали самолёты танкеткой и вручную. "Командирам, наверное, нечего делать и они заставляют нас катать самолёты с места на место, чтобы мы не скучали" - говорили они. Другие добавляли со значением: "Командование говорит, что будут учения". "Ученья так ученья, нам-то что, нас это не касается, нас командование освободило от учений и выдало увольнительные" - думали мы.

Предупредив дневального, чтобы он поднял нас в пять часов утра мы, после отбоя, ещё долго обсуждали, где мы побываем и куда пойдём в Витебске. Легли спать поздно.

IV. В О Й Н А

Утром в 5 часов 22 июня 1941 года, как и договаривались, дневальный разбудил всех, кто должен ехать в Витебск. Утро выдалось тихое, солнце только что вошло из-за горизонта. Мы вышли на улицу и ощутили утренние запахи. В ожидании автобуса некоторые стали мечтать: скорей бы отслужить и уйти на гражданку - специальность уже есть.

В 5 часов 25 минут защелкали динамики и грозный голос объявил: "Внимание, внимание, внимание! Боевая тревога, боевая тревога, боевая тревога!" Весь городок сразу пришёл в движение. Мы стояли как замороженные, считая, что нас это не касается. Мимо нас бежит командир радиовзвода Гребенников и кричит: "Почему вы не идёте по тревоге в указанное место!" Мы переглянулись и побежали к пирамиде за личным оружием. Так началась для нас война, но в душе мы надеялись, что это начались маневры, о которых накануне нам говорили солдаты с аэродромной роты.

Нас послали снимать с консервации машины связи и рассредоточивать их в лесу возле аэродрома. В 7 часов утра трое из тех, что должны были ехать в Витебск, подошли к командиру взвода Гребенникову, рассматривающему в бинокль высоко летящий самолёт, и спросили когда будет автобус на Витебск. Он оторвался от бинокля и раздражённым голосом сказал: "Какой, к чёрту, автобус! Самолёт с

крестами!" Мы, честно говоря, не поняли его юмора и переспросили: "Какие кресты?" "Война идёт, а вам Витебск подавай" - сказал он. Я пошёл на стационарную радиостанцию, где дежурил радист Колесин, а электромеханик ожидал смены и я его сменил. Я сказал Колесину: "Говорят, что идёт война". Колесин мне сказал, что его предупредил начальник штаба, чтобы он никому не рассказывал, о том, что начальник штаба приходил и вызывал из Бешинковичей истребители. Тут же послышался гул самолётов и, выйдя на улицу я увидел как два самолёта (один И-153, другой И-16) полетели в том направлении, куда улетел самолёт с крестами и через некоторое время передали из Бешинковичей, что немецкий разведчик сбит над станцией Оболь.

Примерно в 8 часов на радиостанцию пришёл командир полка майор Сандалов и с ним начальник аэродромной службы и приказал Колесину вызывать штаб округа в Минске и просить разрешения на боевой вылет. Колесин дал мне команду: "Ток!" Я мгновенно в соседнем помещении завёл движок и когда он набрал обороты, подал питание на аппаратуру, а сам зашёл на станцию. Когда радист передал командиру полка закодированный ответ, он, пробежав глазами по тексту, загнул такой мат, что я ещё такого не слышал. Майор спросил: "Связь с Москвой есть?" Колесин сказал: "Утром обменялись радиограммами". "Проси разрешения на вылет!" и Колесин продублировал Минскую телеграмму. Ответ последовал мгновенно: "Боевой вылет разрешаем". Майор и начальник аэродромной службы убежали, а в 9-00 мы в журнале открыли связь с эскадрильями, уходящими на боевые задания. В два часа дня два немецких самолёта пролетели над аэродромом и сбросили бомбы. Погибло и было ранено много заключённых. Через два часа был ещё налёт на городок. Я как раз возвращался из столовой и запрыгнул в попавшийся на пути окоп. Нас там набилось битком. На дне окопа лежал младший лейтенант Кальманов из аэродромной службы и на нём человек шесть солдат. Я предложил ему перебраться в уголок, где посвободнее, но он ответил, что и так сойдёт. Тут я вспомнил, что его боялись и солдаты и сержанты. Он всегда находил причину, чтобы дать наряд вне очереди, а здесь "и так сойдёт". Бомбёжка закончилась, и я прибыл на радиостанцию.

Самолёты перебазировались на полевой аэродром около станции Круглевчизна, туда же выехал и обслуживающий персонал. Планом на случай войны, эта станция была предусмотрена для выдвигания нашего 128 авиаполка. Туда уже были завезены боеприпасы и горючее. Самолёты, возвращаясь с боевых вылетов, делали посадку на полевом аэродроме возле этой станции. Второй боевой вылет самолёты совершили уже с этого аэродрома примерно в 13-00. Стоянки самолётов были расположены на опушке леса, с другой стороны аэродрома были поля картошки, а дальше, метров через пятьсот росла кукуруза и подсолнечник. На картофельном поле лётчики заметили мужчину, который пропалывал картошку, но этому не придали никакого значения. На следующий день рано утром на аэродром налетели около тридцати немецких самолётов и стали бомбить наши самолёты. В это время техники готовили самолёты к вылету, поэтому ни один из них не успел подняться в воздух. В результате этой бомбардировки мы потеряли сразу семнадцать самолётов: пятнадцать сгорели полностью и два были

сильно повреждены. Оставшиеся сорок три самолёта вылетели на задание. Один из лётчиков высказал предположение не подавал ли какие-нибудь знаки мужчина, работавший на поле. Командир полка сел в свой самолёт, поднялся в воздух и облетел окрестности аэродрома. Сверху он увидел потрясающую картину: посреди картофельного поля прополота стрелка, указывающая направление на наш аэродром. Очевидно, это сделал какой-то немецкий лазутчик. Когда самолёты вернулись с боевого задания было собрано экстренное совещание, на котором командир полка доложил о происшествии и было принято решение, что самолёты после боевого вылета садились на основной аэродром около местечка Улла.

Каждый следующий день самолёты делали по три-четыре боевых вылета. В одном из вылетов был сбит наш самолёт, и о судьбе экипажа ничего не было известно. Утром замполит собрал митинг, на котором мы почтили память не вернувшийся с боевого задания экипаж. Каково же было наше удивление, когда часов в восемь вечера все три члена экипажа живыми и невредимыми прибыли в штаб полка, чему мы были очень рады. Они рассказали, что спаслись с подбитого самолёта на парашютах, а так как сплошной линии фронта не было, то они разными путями добрались домой. Лётным экипажам было запрещено рассказывать наземным службам, где проходит линия фронта, но мой земляк, стрелок-радист из Полтавской области Бабенко, рассказал мне, что они летали бомбить Гродно, который уже занят немцами.

Нам дали место дислокации в лесу, и солдаты покинули машины. Стационарную радиостанцию стали демонтировать, а мы развернули передвижную и вели связь с самолётами, находящимися на задании и со штабами дивизии и округа.

25 июня, как и все предыдущие дни, наши самолёты были на задании, а в 10 часов налетели "Юнкерсы" и принялись бомбить прилегавший к аэродрому лес. Две бомбы попали в расположение роты связи. Радиостанция осталась целая, но машину СК-33 сильно побил осколками и вывело её из строя. Курсант Величко, который сидел на машине и чистил и смазывал пистолет ТТ, был убит. Большой осколок попал ему в подбородок и губы так, что нос и глаза сдвинулись на верх лица. Неприятно было смотреть на его изменившееся лицо и лужу крови возле него. Рядом на земле лежал мёртвый солдат аэродромной роты, у него была кровь на пояснице и на груди. Когда разорвали рубаху, то поняли что два осколка зашли в поясницу и вышли между сосками на груди, ранение оказалось смертельное. Пришли солдаты-санитары, забрали трупы и сказали, что похоронят их. Пришёл старшина роты связи Ладинский, раздал всем медальоны, и мы начали их заполнять. Ночью к нам прилетел из Витебска самолёт связи, который привёз нам приказ передислоцироваться за Западную Двину. Лётчик сообщил, что, подлетая к аэродрому, видел шесть горящих огней вокруг аэродрома. По тревоге были подняты солдаты, они обошли по периметру весь аэродром, но ничего так и не нашли. Весь день и вся следующая ночь ушла на перебазировку. Рано утром остатки полка поспешно эвакуировались, так как со стороны Лепеля приближались немецкие танки. Когда все выехали, охрана взорвала мост через Западную Двину. Мы занимали оборону недалеко от реки, охраняли развёрнутую в лесу

радиостанцию 11ЭК. Примерно часов в десять подошла группа офицеров и стали что-то обсуждать. Из их разговоров мы поняли, что танки в городок ещё не зашли, а обстреливают его с дороги. Один из лётчиков разделся, связал одежду и закрепив её на плечах, по овражку спустился к реке и поплыл на тот берег. Офицеры наблюдали за ним в бинокль. Я находился от них метрах в пяти, в окопе, но ничего не видел. Из их разговоров я понял, что он, выбравшись на берег, небольшой ложиной пробрался к опушке леса. Через некоторое время вдруг в кустах заработал мотор самолета и я увидел как по аэродрому мчится самолёт И-16, а на аэродроме рвутся снаряды. Он легко оторвался от земли и сразу же, повернув на Витебск, скрылся за горизонтом. Офицеры сказали, что первое задание выполнено, осталось второе, какое именно мы не знали, но когда вечером взорвался подземный склад горючего, командир роты сказал, что задания выполнены и теперь все перебазируются на новый аэродром.

Часов в шесть утра мы подъехали к Витебску, впереди, на дороге, была пробка, скопилось много машин с людьми и техникой. Дорога проходила ложиной, а рядом была железная дорога. Вдруг видим, летят двенадцать "юнкеров", сбросили бомбы на нас и на железную дорогу и улетели в сторону Витебска, где тоже начали сбрасывать оставшиеся бомбы. В это время в небе появилась пятёрка наших МИГов, завязался воздушный бой, наши рассеяли их и сбили два самолёта, а остальные стали удирать. Три наших МИГа прижали один "Юнкерс" со всех сторон и стали вести его на вынужденную посадку, но стрелок с "Юнкерса" сбил один наш МИГ и он стал беспорядочно кувыркаться и падать. Мы все обрадовались, когда в небе раскрылся парашют, значит лётчик жив. Немецкий самолёт всё-таки посадили. К обеду растащили разбомблённые машины, освободили дорогу и мы смогли двигаться дальше. Доехав до станции Лиозно, повернули в сторону, проехав километров 15-20 остановились в лесу, а рядом было скошенное клеверное поле - это и был наш новый аэродром. Использовали мы его лишь один день. Вечером в расположение роты прибежал ефрейтор Гвоздев и подаёт команду: "Примкнуть штыки, приготовиться к атаке!". Все думали, что где-то рядом немцы, но Гвоздев побежал по тропинке, а мы бежали за ним и когда прибежали на опушку леса, увидели стоящего там лейтенанта пехоты и воентехника. Они нам объяснили, что примерно метров 300-400 на ржаном поле приземлился на парашюте немецкий лётчик со сбитого самолёта. Лейтенант указал примерное направление и приказал сделать по два выстрела в том направлении. Мы выполнили его команду и изо ржи поднялся фриц с поднятыми руками, трое солдат пошли и подвели его и затем во главе с лейтенантом повели его в штаб какой-то части, а мы пошли в расположение своей роты. Когда мы пришли, то все уже грузились на машины. Приказ о перебазировании пришёл неожиданно, самолёты с задания возвращались сразу на новый аэродром, как позже выяснилось под Смоленском (посёлок Колодня). Так как часть машин была разбомблена, то нас, около 30 человек откомандировали на дорогу Витебск-Смоленск, чтобы мы добирались на попутных машинах, а навстречу нам вышлют машину. Добравшись до села Калишки, мы попали под бомбёжку, и завязали бой с немецкими мотоциклистами.

После перестрелки мотоциклисты уехали в сторону Витебска. Можно сказать, что это было начало длительного и изнурительного пути отступления.

Мы шли дорогой на Смоленск, так как договаривались, что машина поедет нам на встречу этой дорогой. Около города Рудня мы наблюдали большой воздушный бой, в котором участвовало с обеих сторон около ста самолётов, здесь мы впервые увидели как наш скоростной бомбардировщик, используя высший пилотаж, уходит из-под обстрела, заходит в хвост "мессера" и сбивает его. После окончания боя мы пошли дальше, но вдруг с поля на дорогу вышло несколько солдат и приказали нам стоять и не двигаться. Спросили нас кто мы такие и куда идём. После того, как мы им всё рассказали, один из них ушёл в кустарник и через некоторое время вернулся с пятью человеками, когда они подошли ближе, мы увидели, что среди них генерал артиллерии. Он расспросил нас кто мы и куда идём, старший группы сержант Бочаров всё ему объяснил. Он спросил, есть ли у нас документы. Мы достали красноармейские книжки и другие документы, и он с ними ушел в кустарник. Очевидно, там он с кем-то переговорил и тут же подъехала машина, мы все сели в машину и он довёз нас до шоссе Минск-Москва и высадил, сказав, что у него нет документов, а тут стоят патрули. Мы слезли с машины и пошли дальше пешком. Вскоре мы оказались у моста через какую-то речку. В это время над нами на Смоленск со стороны Орши летели двадцать четыре "Юнкерса". Кто-то из солдат подал команду "Воздух" и мы из-за своей неопытности попали под жесточайшую бомбёжку. У речки, с обеих сторон моста, были вырыты окопы и мы решили в них укрыться. В это время от группы отделяется три немецких бомбардировщика, и начинают бомбить мост и дорогу к нему. Недалеко от нас упало восемнадцать бомб, но к нашему удивлению и мост и мы все остались целы. Две бомбы упали невдалеке от нас и взорвались в воде, нас окатило фонтаном воды.

После бомбёжки мы дошли до окраины Смоленска, там сели в трамвай и доехали до железнодорожного вокзала. Здесь мы были уже как дома, пересели на другой трамвай и приехали на улицу Фрунзе 64, где учились в полковой автошколе. На проходной доложили о себе, к нам вышел какой-то майор, вызвал машину и нас отправили в Колодню, в полк.

Вечером, по прибытию в полк мы встретили тех, кто ехал из Калишек на машинах, все обрадовались встрече и комвзвода Гребенников повёл нас к полевой кухне, мы поели, так как целый день ничего не ели. Не успели мы и отдохнуть, как лейтенант из аэродромной службы сказал, что вся рота связи, кроме расчёта радиостанции, и часть его роты должны грузиться на машины и ехать в село Дубровка, а если там аэродром будет разбомблен, тогда на запасной - в Калуге. Мы погрузились и поехали по маршруту Колодня, Соловьёва переправа, Мещевск, Мосальск, Козельск, Сухиничи, Дубровка. В пути нас несколько раз бомбили. После очередной бомбёжки, когда дали команду "по машинам", я поднялся и среди других солдат увидел перед собой односельчанина Василя Луценко с которым учился в полковой автошколе в Смоленске. Короткое фронтовое свидание, несколько слов и в путь, каждый своей дорогой.

У Соловьёвой переправы через Днепр нас сильно бомбили и многих ранило. На нашей машине тяжело ранило, осколком в позвоночник, старшего сержанта Бочарова, его сдали в госпиталь, остальные несколько человек получили лёгкие ранения и поехали с нами дальше. В Дубровке мы тоже долго не задержались, так как на аэродром не завезли боеприпасы и самолёты вынуждены были после боевых вылетов садиться в Калуге. Через несколько дней нам поступила команда тоже переезжать в Калугу. Я был назначен в наряд и с флажком стоял на перекрёстке, указывая транспорту полка дорогу, куда надо поворачивать, чтобы доехать к новому месту дислокации. Стоял жаркий день, машин не было, я стоял на перекрёстке и вытирал пот со лба. По дороге проходила цыганка, подошла ко мне и сказала: «Солдатик, дай денежку, я тебе всю правду расскажу». Я ответил, что нахожусь на посту и мне запрещается разговаривать с посторонними, кроме того у меня и денег нет. Она говорит: «Дай хоть что-нибудь!». Я пошарил по карманам, нашёл кусок сахара и отдал ей, сказав, что это всё, что у меня есть. Она взяла мою руку, посмотрела, потом заглянула мне в лицо и улыбаясь говорит: «На войне ты не умрёшь, а будешь жить 62 года». Я подумал: «Врёт, наверное», а вслух сказал: «Уходи, видишь, машины едут, меня могут на гауптвахту посадить из-за тебя!» Она оглянулась на подъезжающие машины и ушла. Я потом часто вспоминал эту встречу, и гадал в самом деле она по руке увидела, что я останусь жив на войне или это была просто её выдумка?

В Калуге мы долго не задержались, так как наш полк туда не прибыл. Наш 128 авиаполк базировался в деревне Старое под Гжатском, куда мы и направились. В то время в полку осталось только три исправных самолёта, которые в основном летали на разведку. Вскоре из ремонта вышло ещё два самолёта, но при первом же вылете на разведку в район Смоленска им не повезло. Как рассказывал стрелок-радист, вначале всё шло благополучно: разведали заданный район, отбомбились, перелетели линию фронта и снизились, вдруг раздался взрыв и самолёт стал падать. Весь экипаж, три человека, выпрыгнули с парашютами. Когда я приземлился, ко мне подбежали несколько солдат-ополченцев и лейтенант и кричат: "Hande hoh!". Я им объясняю, что я свой, русский, но так как я был в комбинезоне, они меня за своего не признавали. Лейтенант подошёл ко мне и говорит: "По-русски научился говорить гад, замаскировался" и как врежет по голове, я не сдержался, выругался матом и говорю: "Немедленно отведите меня в штаб, мы летели с разведки, нам срочно надо доложить результаты, а вас всех будет судить ревтрибунал". Когда привели меня в штаб, там уже были штурман и командир полка, который куда-то звонил. Я стал требовать, чтобы лейтенанта арестовали, он начал просить прощения и заплакал. Когда за нами пришла машина, я записал фамилию лейтенанта, но штурман сказал: "Прости ему, они не сегодня так завтра примут бой и ещё не известно, как сложится его судьба". Обиднее всего было то, что нас сбили свои ополченцы, которые как следует, и стрелять не умеют".

На следующий день звено улетело на бомбёжку танковых скоплений, а один самолёт готовили на разведку. Где-то во второй половине дня ему разрешили взлёт, но так как направление ветра изменилось, то взлёт он совершал в ту сторону, где проходила шоссейная дорога. Во

время взлёта самолёт не набрал положенной скорости и, чтобы не врезаться в дорогу, лётчик резко взял вверх и упал на хвост, бомбы взорвались и самолёт разнесло в щепки. Я дежурил на командном пункте и вместе с дежурными офицерами всё это наблюдал.

Через несколько дней лётно-подъёмный состав уехал в Ногинск за получением новых самолётов Пе-2, а нас заменили прибывшие девушки.

Примерно 19 августа 1941 года нас направили на передовую, сначала в 208 стрелковый полк, а затем в 438 стрелковый полк 18 дивизии 20 армии. Меня назначили на должность командира третьего пулемётного отделения третьего взвода третьей роты. Оборону мы занимали у деревни Лосиновка, западнее Дорогобужа, а наша рота удерживала плацдарм за рекой. Бои шли жестокие, немцы старались нас оттеснить за реку, а нам был дан приказ не отступать.

Однажды в период передышки (немцы не наступали второй день) в расположение взвода пришли командир роты старший лейтенант Рюмкин и политрук роты Евлохов, спросили как идут дела, затем политрук говорит: "Вам и командиру первого отделения Погорельцеву присвоили звание младшего сержанта, знаков различия сейчас нет, поэтому прошу нашить их нитками, а потом замените на настоящие". Так я и сделал. Удерживая плацдарм, мы систематически вели бои в которых гибло много и наших и немецких солдат. Для пополнения личного состава нам прислали подкрепление. Их распределили во все батальоны, роты и взвода, в том числе и в наш взвод прибыло человек двадцать. Замполит собрал в деревне Логиновка всех командиров, вплоть до командиров отделений, всего человек 50 - 60. Выступил командир полка майор Нестеров и объяснил положение на нашем участке фронта. Сказал, что командование дивизии и армии приказывает удерживать плацдарм и отступать нельзя. Затем выступил комиссар полка и сказал: "К нам прибыло пополнение, среди них много сибиряков, они хорошие охотники и умеют хорошо стрелять, это нам поможет в бою". Среди прибывших в наш взвод попали и два добровольца-москвича 1922 года рождения (19 лет). При первом же миномётном обстреле немцами наших окопов эти горе добровольцы так громко звали маму, что заглушили и сам обстрел. Кроме того, во время этого обстрела солдат и командир второго отделения, оба из пополнения, выскочили из окопа и побежали в сторону ротной землянки, но добежать не успели, их скосили осколки мин и снарядов. Когда кончился обстрел, я пошёл в ротную землянку и рассказал командиру роты Рюмкину и политруку роты Евлакову о поведении добровольцев-москвичей. Через несколько часов их вызвали в штаб и отправили в тыл. Возвращаясь в своё расположение, я свернул посмотреть на убитых из второго отделения. В это время с них снимали одежду, чтобы осмотреть раны. У командира второго отделения, сибиряка, оказались наложены полные штаны. Я подумал: "Сибиряк, а обосрался".

27 или 28 сентября нас неожиданно ночью вывели с плацдарма на строительство оборонительной линии, строительство которой было закончено через два дня. Окопы со стрелковыми ячейками были отрыты в полный профиль, в ближайшей деревне разобрали сарай из брёвен и сделали над ячейками крыши, оставив только бойницы.

В начале октября 1941 года мы сдерживали на этой линии

превосходящего в силах противника. В этот период в моём отделении было 12 человек вместе со мной. Однажды вечером офицеров вызвали на совещание, вернувшись оттуда, командир взвода сообщил, что приехал генерал и несколько высших офицеров и поставили задачу нашему полку прикрывать отступление дивизии и армии, на занятых рубежах мы должны продержаться сутки, а завтра вечером сняться с занимаемых позиций и занять новый рубеж, о котором проинформировали только командира полка и штабных работников.

Ночью немцы не наступали, только периодически раздавались автоматные очереди и нейтральная зона освещалась ракетами. Рано утром пришёл командир взвода и мы обсуждали предстоящий бой, разбирали возможные варианты. После его ухода я обошёл всех бойцов по ячейкам. На пулемёте было 4 диска, а у каждого бойца по 120-140 патронов.

Примерно в 5-30 утра немцы пошли в атаку, которую мы отбили дружным огнём и часов до десяти было спокойно, затем была вторая атака, которую мы также отбили. В расположение отделения пришёл командир роты и сказал, что если немцы наступают без танков, то не надо их подпускать близко, чтобы их автоматы доставали до наших окопов, а уничтожать их на дальних дистанциях. В заключении посоветовал обратить внимание на левый фланг: там наши могут отступить, и немцы зайдут нам в тыл. Моим заместителем был Гельмутдинов из Казани, отличный стрелок и исполнительный солдат. Когда убило второго номера на пулемёте, я назначил его на место убитого.

Ночью, в соответствии с приказом, полк начал отступление на новые позиции. Отход совершали под артиллерийским и миномётным обстрелом. Моё отделение не отступило, так как штабной офицер до нас не дошел, и мы продолжали отбивать атаки немцев. Большую помощь нам оказывал пулемёт "Максим", который своими очередями заставлял немцев прекращать атаки и ложиться на землю. Обходя ячейки солдат во время небольшой передышки между атаками немцев, я увидел, что по ходу сообщения в нашем направлении бегут командир взвода Старшина Гусаков и политрук Евлаков с наганами в руках, оба что-то кричат. Я пошёл к ним навстречу. Первым подбежал Гусаков и кричит на меня: "Почему не отступаешь?! Видишь, первое отделение погибло, а оставшиеся в живых, вместе с Погорельцевым бросили винтовки, подняли руки и сдались в плен?!" Я ответил, что мне не было приказа отступать. Я быстро обошёл все ячейки с солдатами и сообщил, что сзади нас овраг, по которому нам необходимо отступать на Рождественку и солдаты побежали в овраг. Когда я удостоверился, что все отступили и оглянулся, то увидел, что солдаты нашего и второго взвода бежали по косогору к оврагу, а на горе стояли два немца и строчили по ним из автоматов. Я прилёг на бруствер окопа, прицелился и выстрелил. Один из немцев упал сразу, а второй, очевидно, лёг на землю сам. Я побежал к оврагу, а потом стал догонять своих, но вскоре стемнело, я никого не нашёл. В конце оврага был хутор, дворов десять. В одном из огородов мужчина и две женщины что-то копали. Я подошёл к ним и спросил куда прошли наши солдаты. Мужчина показал в сторону дерева, которое росло в конце огорода. Подойдя к нему я увидел окоп,

на бруствере которого лежал ручной пулемёт Дегтярева и две коробки: одна с диском, а вторая пустая. Я всё забрал и вернулся к ним. Они сказали, что хозяин пулемёта в хате. Я зашёл в хату и позвал, на печке тихим голосом отозвался солдат, забившийся в угол, очевидно, он подумал, что за ним пришли НКВДшники. Я предложил быстрее собираться и догонять своих, но он отказался и я ушёл один. На улице я встретил мужчину, который сказал: "Я вижу, ты настоящий солдат! Я покажу тебе дорогу". "Я младший сержант, а не солдат" - ответил я. Мужчина попросил прощения, вывел меня за хутор на тропинку и сказал: "Ваши пошли по шоссе, которое до деревни идёт буквой "Г", а вы пойдёте напрямик и надеюсь, что их догоните". Я ускорил шаг, тропинка была хорошо видна и пройдя километра три-четыре я услышал впереди шум, это двигалась колонна нашего полка. Меня увидела боковое охранение и проводили в штаб полка. Пулемёт Дегтярева и ленту приказали отдать другим солдатам. До утра мы двигались в колонне.

Погиб командир первого отделения третьего взвода и несколько бойцов, многих ранило. Меня легко ранило в ногу. Всю ночь мы колонной двигались на восток, а на утро пересекли какое-то шоссе и примерно в километре за ним начали занимать оборону. Напротив нас, за дорогой, была деревня, которую называли кто Рождество, а кто Рождественка.

Меня вызвали в штаб. Когда я пришёл, то увидел командира полка, майора Нестерова, работников штаба и командира взвода Гусакова одетого в гражданскую одежду (фуфайка, на ногах ботинки, на голове кепка) и ходившего вокруг телеги, в которую была запряжена чёрная лошадь. Я был удивлён, подошёл к нему и спросил что происходит. Он сказал, что майор мне всё расскажет. Когда заседание штаба кончилось, майор подошёл к Гусакову и сказал: "С богом в путь! Встреча, как условились". Достал из кармана таблетки и одну положил в рот. Немного помолчал и потом обратился ко мне: "Товарищ Ильченко, вы всё видели, командир взвода уехал в разведку. На время его отсутствия, вы назначаетесь командиром взвода. Принимайте и командуйте!". Я растерялся и спросил: "А как принимать?". Тут подошёл старший лейтенант и пояснил, что сначала надо взять на учёт всех солдат взвода и их вооружение и с этого момента нести ответственность за всё, что происходит во взводе. Я пошёл в расположение взвода, где застал командира роты Рюмкина. Он пояснил солдатам и мне как и когда подавать сведения в штаб. Во взводе вместе со мной насчитывалось 24 бойца. Из первого отделения осталось только три бойца и я их присоединил к своему отделению. На этих позициях мы боёв не вели, так как, по данным разведки, немцы наступали километров на пять правее нас. При очередной встрече с командиром полка он сообщил мне, что направил материалы на присвоение мне звания старшего сержанта.

Ночью мы оставили занимаемые позиции и пройдя на восток километров тридцать остановились на днёвку. Днём заметили, что примерно сто пятьдесят немцев по открытому полю шли развёрнутым строем, растянувшись на километр. Метров на двадцать впереди цепи шёл офицер с овчаркой на поводке, а сзади цепи метров в тридцати две группы немцев тащили два станковых пулемёта. Поступила команда себя не обнаруживать, пусть проходят дальше, но после первой цепи

метров через сто появилась вторая группа, которая шла рядом с лесом. Видя что нас неизбежно обнаружат, командование дало приказ контратаковать немцев. Мы лавиной вывалились из леса и стреляя в немцев пошли в контратаку, часть бойцов схватилась в рукопашную, а большинство немцев стали убегать в кустарник к оврагу. Больше всего наших солдат погибло от стрельбы из пулемёта немецкого фельдфебеля, который стрелял прицельно пока один из наших солдат, забежав сзади, не заколол его штыком, после чего почти все немцы поднялись и побежали к лесу, а в этом лесу находилась наша хозчасть. Рядом с тропинкой на небольшой полянке стояла полевая кухня и повар готовил ужин для солдат. Услышав за лесом стрельбу, он взял винтовку, примкнул штык и положил её рядом с кухней. Через некоторое время мимо него с шумом и треском пробежал немец. Повар схватил винтовку, но не успел выстрелить, как по тропинке выбежал другой немец, он направил штык ему в грудь и заколол его, а следом бежит ещё один, он заколол и второго, а третьего он догнал и заколол в спину. После боя, политрук роты на политинформации рассказывал этот случай как пример для бойцов.

В этом бою погиб боец моего взвода Колядин, его ранило в бедро разрывной пулей, а позже началась гангрена. Бой продолжался около часа. Мы вернулись на исходные позиции и я пошел в роту доложить о погибшем солдате и узнал, что в этом бою мы потеряли более трёхсот человек. Послали разведку в близлежащие деревни и вечером оставив в двух деревнях раненых и похоронив убитых, мы продолжили свой путь на восток.

Числа 10-15 октября в разведку ушёл и командир роты старший лейтенант Рюкин, который так же как и Гусаков, из разведки не вернулся. Из командования роты остались я и младший политрук Евлаков. Вдвоём мы и осуществляли командование ротой. В роте тогда насчитывалось 71 боец вместе со мной и политруком.

Однажды в лесу проводили заседание штаба, собрали много офицеров, подводили итоги и обсуждали создавшуюся ситуацию. Майор Нестеров поднял меня и спросил: "Расскажите товарищ Ильченко, почему у деревни Логиновка вы не отступили когда немцы стали обходить ваше отделение слева". Я растерялся и ответил: "Приказа не было вот мы и отбивали атаки, главное пулемёт сильно помогал". Майор посмотрел в сторону какого-то командира без знаков различия и сказал: "Младший сержант оказался стойче вас" и что-то ещё говорил ему, но я не запомнил. Совещание закончилось и мы разошлись по ротам.

Вскоре остро встал продовольственный вопрос. Однажды вечером меня пригласили в штаб. Командир полка спросил не тяжело ли командовать ротой, но присутствующий при этом разговоре политрук роты ответил за меня: "Справляемся". Командир полка сказал: "Бери взвод и с разведчиками и хозвзводом ночью идите в село, разведчики вас доведут. Оттуда доставите продукты для полка и разведаете что происходит в селе". Со мной пошли младший политрук Евлаков и лейтенант из хозвзвода. Разведчики доложили, что на колхозном дворе есть бурт картошки, ворох гороха и несколько коров. Нам из хозчасти выделили две подводы, которые мы загрузили картошкой и горохом. Выехав за село, мы оставили подводы и втроём пошли узнать что

творится в селе, есть ли немцы. Подошли к крайней хате и постучали в окно. Женский голос спросил: "Кто там?" Политрук сказал, что мы попали в окружение и пробираемся к своим. Тот же голос ответил с угрозой: "Идите отсюда, а то за речкой немцы, закричу - они вам покажут как по ночам ходить". Евлаков вскипел, выругался и схватился за гранату, но лейтенант говорит ему: "Если ты совершишь правосудие, то весь полк останется без продуктов". Политрук успокоился и мы пошли к следующему дому. К нам вышел мужчина и рассказал, что за рекой действительно стоит какая-то немецкая часть. Но нас интересовало какие сёла есть впереди по нашему маршруту и есть ли в них немцы. Мужик подробно рассказал в каких сёлах стоят немцы и как эти сёла можно обойти. Мы его поблагодарили и ушли. Прибыв в расположение полка, мы сдали продовольствие и доложили полученную информацию. Командиры накрылись плащ-палаткой и при свете свечи стали по карте прокладывать наш дальнейший маршрут. Придя в роту, я послал четырёх бойцов за продуктами, вскоре они вернулись с продуктами и сообщили, что нам на роту дают лошадь. Гельмутдинов сразу вызвался идти получать её. После того, как он её привел, он ловко штыком заколол её и освежевал. Мы стали варить мясо. Командование решило дать отдых и мы дневали в этом лесу. Днём я обратил внимание, что у некоторых солдат пожилого возраста под глазами опухоли, они пожаловались мне, что у них отекали ноги. Я приказал варить побольше мяса, чтобы все наелись досыта, но и сам не мог много его есть, так как оно было несолёное и чтобы хоть как-то его проглотить я добавлял в рот кусочки сосновой коры, пережёвывал и только после этого можно было всё это проглотить.

На опушке леса я расставил часовых в боевое охранение, но когда через четыре часа привёл им смену, то часовых на месте не оказалось. Я послал в штаб донесение, что часовые сняты врагом, чем вызвал переполох в штабе. В роту прибыли работники штаба и я повёл их на то место где находился пост. Спросил у новых часовых не видели ли поблизости немцев, они ответили, что всё спокойно. Капитан спросил меня, кто по национальности были исчезнувшие бойцы, я ответил, что оба были белорусы. "Тогда всё ясно" - сказал капитан - "Никаких немцев здесь не было". Мы пошли обратно, предупредив солдат о бдительности, по дороге капитан предупредил меня, чтобы я в роте ничего не говорил.

Неожиданно резко похолодало, шёл снег с дождём, а ночью уже были морозы. Нам приходилось очень тяжело, к утру мокрая одежда замерзала и мы были как черепахи в панцире. Ляжешь лицом к костру - спина замерзает, шинель делается как костяная, ляжешь спиной к костру, засунешь руки в рукава шинели - через некоторое время уже не можешь вытащить руки из замёрзших рукавов. После одного из боёв командир полка майор Нестеров пообещал мне, что после выхода из окружения мне будет присвоено звание младшего лейтенанта и я получу под командование взвод.

Много боёв мы провели в окружении, но об одном я хочу рассказать. Ночью мы остановились на днёвку в лесу, а утром, когда рассвело, мы обнаружили, что примерно в трёх километрах от нас находится село. Штаб полка расположился на опушке леса, в овраге. По приказу

командования я расположил взвод на бугру, метрах в ста от леса. Земля была не вспахана, на поле росла свекла. К обеду пригрело солнце, мы окопались и отдыхали, наблюдая за обстановкой. Часа в два дня, неожиданно, по просёлочной дороге, из-за бугра прямо на нас строем идут две колонны немцев, человек по сорок. Дорога проходила метрах в тридцати от нас. Раздумывать было некогда и когда до немцев осталось 120 - 150 метров я дал команду пулемёту открыть огонь по задней колонне, а из винтовок стрелять по передней колонне. Стреляя, я наблюдал, как от пулемётных очередей Гельмутдинова падают немцы во второй колонне, а первая попала под шквальный винтовочный огонь. Многие немцы из первой колонны стали убегать к лесу, где разместился штаб полка, но работники штаба открыли по ним огонь и уничтожили их, лишь один сдался в плен (его расстреляли через несколько дней).

Вечером ко мне подошёл особист (в то время работники КГБ служили в армии в особом отделе) и спрашивает: "Почему ты так близко подпустил первую колонну?". Я объяснил ему, что если открою огонь на дальнем расстоянии, то вторая колонна заляжет и откроет по нам огонь. При этом разговоре присутствовал младший политрук Евлаков, но почему-то промолчал. Вечером, перед началом движения в штаб собрали всех офицеров для инструктажа и командир полка майор Нестеров, увидев меня, спросил: "Почему вы до сих пор носите знаки различия младшего сержанта?". Я ответил, что нечем заменить и он кивнул головой и добавил: "Спасибо за хорошо организованный сегодняшний бой, выйдем из окружения, всё станет на своё место, и будем представлять Вас к награде". Но это так и не произошло.

На совещании начальник штаба доложил, что боеприпасов для ведения боёв мало, снарядов уже давно нет и последние две или три пушки пришлось закопать, чтобы не достались немцам, личного состава осталось немногим более 200 человек, в том числе 82% офицерского и 13% рядового состава. Ранее, дня за два-три, было принято решение послать разведку в направлении Калуги. Разведка вернулась и доложила, что в Вязьме немцы распустили заключённых и они расходятся по домам. Тогда кто-то из офицеров предложил выходить из окружения на Калугу группами по три-четыре человека, а если Калуга занята немцами, то выходить на Тулу. Тут же решили все винтовки, патроны и гранаты принести в штаб. Вернувшись в роту я объявил распоряжение штаба полка, солдаты начали ставить винтовки в пирамиды, но некоторые были не согласны, но я считал, что если в штабе так решили, то другого выхода очевидно у нас нет. По группам нас распределяли представители штаба. В нашей группе было четыре человека: я, младший политрук Евлаков, лейтенант, фамилию которого я забыл, и связист Воробьёв. Мы договорились, что при встрече с немцами будет разговаривать один Евлаков, а мы должны говорить, что мы из Россошанского района и возвращаемся домой.

Первый день прошли спокойно. 20 октября заночевали в бане в какой-то деревне. Хозяйка дала немного хлеба и полведра картошки. Мы её сварили и с аппетитом съели. Утром у хозяйки спросили где мы находимся, она сказала что Выходский район Смоленской области, название деревни я забыл.

Иногда по дороге проезжали немцы на машинах. Одна из машин

остановилась, остановились и мы. Лейтенант сказал, что убегать нельзя иначе всех перестреляют. К нам подошли несколько немцев во главе с офицером, один из немцев, говорящий по-русски, спросил кто мы. Евлаков стал рассказывать, что мы гражданские и идём домой в Россось. "Почему в солдатской форме?" спросил переводчик. Евлаков ответил, что она почти новая и мы выменяли её у солдат. Офицер и переводчик поговорили между собой по-немецки, из всего разговора мы поняли только одно слово: "Гут, гут" и переводчик сказал: "Хорошо, идите". Немцы сели в машину и поехали, а мы пошли дальше, уверовав, что объяснения младшего политрука убедило немцев. Пройдя километров пять, увидели идущего по дороге человека в гражданской одежде, поравнявшись с ним, мы остановили его и начали расспрашивать откуда и куда он идёт. Он рассказал нам, что он заключённый, в Вязьме немцы захватили лагерь заключённых, выдают им документы и отпускают по домам и показал справку, напечатанную на немецком языке с подписью и печатью со свастикой и орлом. После этого мы расстались. Продолжая свой путь, мы размышляли, что с такой справкой можно и через линию фронта свободно перебраться.

В одной из деревень дед рассказал, что Калуга занята немцами и посоветовал идти южнее на Тулу. Евлаков сказал, что для нас это лучше, так как Россось, куда мы якобы идем, находится тоже южнее, и наша версия становится более правдивой, так как мы стали продвигаться от Вязьмы на юго-восток, мы частично изменили свою легенду. Идём мы из заключения, документов нет, потому что во время бомбёжки тюрьмы все разбежались, а возвращаться в тюрьму не захотели, а поскольку мы были из одного города, то решили идти домой в Россось. Евлаков рассказал, что до войны он работал в Россосе секретарём горкома или райкома комсомола (точно я не помню).

Никакие легенды нам не помогли добраться до своих. 24 октября мы зашли на хутор, недалеко от деревни Паново, чтобы поесть и запастись продуктами. В тот момент, когда мы сидели за столом, хутор окружили немцы, зашли и в нашу хату. Когда мы им рассказали свою легенду, они нам не поверили и доставили в деревню Паново. Немцы располагались в сельсовете и в конторе колхоза, а нас загнали в амбар. Возле сельсовета лежали два трупа мужчины и женщины, по чертам лица видимо евреи. Мы переночевали в амбаре, а утром к нам зашли два немца, мы рассказали им, что идём домой. Они о чём-то переговорили между собой а потом и с часовым, который охранял амбар, после чего часовой показал на группу солдат, сидевших у костра возле другого амбара. Мы поняли, что надо идти туда, а немцы вернулись в контору. Утром какая-то женщина принесла ведро картошки, мы высыпали её в костёр, а потом доставали и ели уже печёную. Позже другая женщина принесла ведро уже варёной картошки, мы разделили поровну на всех и ели её прямо с кожурой. Женщина эта стояла рядом, смотрела на нас и плакала. Сказала, что позже ещё принесёт, но так больше и не пришла, а пришли две девочки и принесли два ведра картошки. Часовой их к нам не пустил, а приказал им оставить картошку и отойти в сторону. Они так и сделали, тогда он жестами стал показывать нам, чтобы мы забрали картошку, а ведра вернули (при этом он постучал по ведру и показал на девочек). Так мы полувоенные, полу гражданские оказались в руках у

немцев, и не могли себе представить, какой долгий путь нам предстоит ещё пройти в неволе.

V. В ПЛЕНУ. РОСЛАВЛЬ.

В амбаре нас было 12 человек. Мы все перезнакомились между собой. Среди нас был офицер, который тоже шёл из Белоруссии. Он посоветовал нам признаться, что мы военнослужащие, тогда нас посчитают военнопленными, иначе нас примут за партизан и расстреляют, а фронт, судя по всему, недалеко и вскоре нас могут освободить. Я поинтересовался, кто такие партизаны и он мне разъяснил. На следующий день нас разбудили часовые и выгнали к конторе, где мы стояли возле расстрелянных евреев. Показалось, что нас тоже сейчас расстреляют. Один из солдат сказал, что если кто-то останется в живых, пусть запомнит сегодняшнее число, 26 октября 1941 года, и сообщит нашим, как мы погибли. Из конторы вышел немец и что-то крикнул охранникам, которые, перемежая русские и немецкие слова, дали нам команду повернуться направо и двигаться вперёд. Когда мы подошли к шоссе, то увидели, что по дороге, под охраной, гонят более тысячи человек. К нам на лошади подъехал немецкий офицер, охранник передал ему какую-то записку и тот знаками показал нам, чтобы мы присоединились к колонне. Мы группой пристроились к колонне, а к вечеру колонна вошла в город Вскоды. Нас загнали на территорию льнокомбината или какой-то заготовительной базы, где лежали большие кучи льна. Здесь в отходах мы обнаружили соты из воска, и все начали брать себе по куску и жевать, взял и я кусок, долго его жевал, а проглотить никак не мог.

Утром нас подняли, вывели на дорогу и пересчитали. Поднялся крик, лейтенант сказал, что, наверное, кто-то спрятался в куче льна, чтобы позже убежать. Немцы подожгли лён и действительно оттуда начали выскакивать солдаты, немцы их тут же расстреливали.

На следующий день мы прошли окраиной Спасдемьянска и где-то к обеду прибыли в Федоровку, (прочитал на дороге указатель) на Варшавском шоссе. Нас загнали в какой-то большой двор, и здесь я впервые увидел русских солдат с повязками на рукавах и палками в руках. Евлаков сказал, что это полицаи. Нашу колонну разбили на две группы и подведя к двум помещениям, стали давать баланду в посуду какая у кого есть, у кого ничего не было, те подставляли руки, чтобы не остаться голодными. Мы выпросили у полицейского солдатскую каску и получили четыре черпака супа из брюквы и буряка. Пили по очереди. Лейтенант выругался и сказал, что кормят нас, как свиней и отказался есть. У меня была ложка, которую я сохранил ещё с дома, и мы с Воробьёвым доели этот суп. После еды нас подогнали к воротам и начали грузить в машины. Усаживали так плотно, что мы еле дышали. В колонне на нескольких машинах ехали часовые. Привезли нас в город Рославль, в лагерь военнопленных, который размещался в овощехранилищах. Нас, вновь прибывших, в лагерь не принимали, а держали под открытым небом в отгороженной территории, обнесённой колючей проволокой. Вдоль ограды ходили часовые. Вечером к нам пришла группа немцев, построили нас и переводчик объявил: "Вы

прибыли в лагерь военнопленных города Рославль. Господин комендант просит всех комиссаров и евреев выйти из строя". Вышло три человека, все трое были евреи. Переводчик продолжил свою речь: "Кто знает среди вас комиссаров и евреев, необходимо доложить об этом командованию вермахта, за это получите вознаграждение сто тысяч деньгами и будете отпущены домой". Из строя вышел солдат и сказал, что в строю стоит их комиссар, который заставлял солдат убивать немцев. Два немца подошли и вывели из строя человека, на которого указал этот солдат. Мы с политруком переглянулись, нам стало страшно, так как я был комсомолец и тоже иногда покрикивал на солдат. Тут же, перед строем, этих четверых расстреляли, а нам открыли ворота в общий лагерь.

Что же собой представлял этот лагерь? До войны это было городское овощехранилище, занимавшее территорию примерно пятьсот на пятьсот метров. Территория лагеря была обнесена тремя рядами колючей проволоки с вышками, на которых находилось по два часовых с автоматами. Если кто-нибудь из пленных подходил к ограждению ближе чем на 10 метров, то часовые стреляли без предупреждения на поражение. Пленных в лагере было около тридцати тысяч, располагались они в двадцати одном бараке, длиной по семьдесят метров каждый. В центре лагеря была площадь, на которой собирался лагерный базар, на котором продавалось и менялось всё, что было у пленных при себе: одежда, сапоги, обмундирование, шапки, всё это менялось на хлеб, баланду и другие вещи. С той стороны лагеря, где проходила дорога на белорусский город Кричев, было пригорожено ещё два каменных барака, перегороженных внутри на секции метров по восемь-десять каждая. В этих бараках располагался лагерный госпиталь, но в нём никого не лечили, а каждый больной, попавший туда лечился сам, кто чем может. На той же территории находился двухэтажное здание, которое называли похоронный дом, а людей, работающих там, называли похоронное бюро. Каждое утро к этому дому сносили из барачных умерших за ночь, а днём их вывозили в танковый ров и там бульдозер их зарывал.

В лагере было много офицеров, им был выделен отдельный барак. Тут мы встретились с нашим командиром полка майором Нестеровым и рассказали ему обо всём, что только что произошло. Он подозвал к себе какого-то человека, которого, по-видимому, хорошо знал и начал ему пересказывать наш рассказ. Тот сказал, что всё уже знает, и попросил политрука Евлакова следить за предателем, сказав, что он выдал комиссара батальона из его полка. Мы следили за предателем пока не зашли в овощехранилище и не улеглись отдыхать. Политрук вскоре ненадолго вышел, а вернувшись, спросил не перешёл ли предатель на другое место. Я ответил, что нет. Мы долго не могли заснуть, примерно в час ночи к нам подошёл уже знакомый нам командир с другим человеком, и легли возле предателя, слышалась возня. Через некоторое время, проходя мимо нас, они сказали: "Собаке собачья и смерть". Утром мы перешли в другой барак. А к тому барачу пришли полицаи и немцы и никого не выпускали, а проводили допрос, кто видел как задушили человека. Политрук послал меня узнать, что там творится. Когда я подошёл поближе к барачу, то молодой высокий с рыжими

волосами полицейский закричал на меня и ударил по спине металлическим прутом так, что прут согнулся. Евлаков всё это видел и успокоил меня: "Выслуживаются перед немцами".

Утром, после получения баланды, мы все четверо, младший политрук Евлаков, лейтенант, связист Воробьёв и я, шли к своему барачно-овощехранилищу и встретили командира полка (очевидно, он нас специально поджидал), который предложил Евлакову, лейтенанту и мне перейти в офицерский барак. Я отказался. Евлаков и лейтенант ушли, а я с Воробьёвым вернулся в солдатский барак. Через несколько дней всех офицеров отправили из лагеря на этап.

В лагере кормили очень плохо. Варили очень жидкую баланду из муки и кишок, которые привозили, очевидно, с какой-то бойни, и давали на шесть человек одну 700 граммовую буханку эрзац хлеба наполовину с опилками. Однажды, получив обед, я шёл с котелком, который выменял на лагерном базаре, к своему барачу. Стоявший невдалеке немецкий офицер, окликнул меня и стал кричать "Иуда". Я сказал, что я украинец из Кировоградской области. Он повторяет: "Иуда", а сам достаёт из кобуры пистолет и кричит что-то немецкому солдату. Тот подошёл ко мне и, что-то крича, хотел снять с меня штаны, я стал сопротивляться. В это время откуда-то появился переводчик, подбежал к нам и кричит на меня: "Сними штаны, а то застрелят!", а офицер уже направил на меня пистолет. Я сказал переводчику, что очень холодно (стоял мороз градусов пятнадцать). Он перевёл это офицеру, а тот продолжал кричать "Иуда!". Тогда я поставил котелок на землю, расстегнул штаны и опустил их до колен. От обиды у меня выступили слёзы на глазах. Переводчик о чём-то переговорил с офицером и сказал, чтобы я одевался. Офицер положил пистолет в кобуру. Я надел штаны, взял котелок и пошёл в барак, и только тогда заметил, что человек сорок стояли возле своих барачков и наблюдали эту сцену. .

На следующий день я неожиданно встретился с переводчиком, он спросил меня откуда я родом. Я рассказал и в подтверждение своих слов показал ему свой медальон. Он прочитал и посоветовал: "В дальнейшем, если случится что-нибудь подобное, сними штаны и покажи им свой член. Он у тебя не обрезан, а у евреев обрезан. Они сразу поймут что ты не еврей". Я ещё долго не понимал, как это обрезан, пока один из пленных мне не рассказал, как это делается.

В начале декабря нас начали водить на работы, в основном чистили снег на железнодорожной станции. Мы с Воробьёвым стали попадать в разные команды и вскоре потеряли друг друга. Кормили в лагере очень плохо, тех, кого выводили на работу в город, обычно кормили обедом на работе, а вечером, в лагере они получали лагерный обед и ужин сразу, поэтому голод чувствовался меньше.

Я часто попадал в рабочие команды. Работали мы вместе с гражданскими женщинами по уборке снега на железнодорожной станции, у одной из них я купил очень дёшево детское одеяло, правда, старенькое. Скорее всего она меня просто пожалела и поэтому так дёшево мне его продала. В бараче я прорезал дырки для рук а сверху сшил, поддёрка получилась, конечно длинновата, ниже колен, наверно поэтому, когда я стал примерять эту "одежду" в бараче, то пленные смеялись, говоря, что я похож на черкеса в бурке. Идя на работу я

поддевал её под шинель и мне было тепло, так как она была длиннее шинели, но это чуть не стоило мне жизни.

Однажды вернувшись с работы в лагерь и пройдя проходную, я зашёл на лагерный базар. По базару ходили немецкие солдаты. Вдруг один из них подбежал ко мне, отвернул полу шинели, увидел мою поддёвку и закричал: "Партизан!", указывая на меня пистолетом. Меня сразу же обступили немцы и пленные, один из немцев говорит по-русски: "Сними шинель", я снял, "Сними и это" показывает на поддёвку, я снял. В это время откуда-то появился Воробьёв и говорит: "Это солдат из нашего полка - Ильченко Михаил". Тогда солдат, говоривший по-русски, спрашивает: "Какой у тебя есть документ?". Я достал медальон и подал ему, он вслух всё прочитал и перевёл по-немецки, немцы о чём-то переговорили между собой, и он спросил: "Зачем ты это одеяло сделал?". Я ответил: "Чтобы было тепло". Он перевёл это немцам, и они расхохотались, у одного из них был фотоаппарат, он сфотографировал меня в этой одежде и меня отпустили. Когда я шёл к своему бараку, один из военнопленных посоветовал: "Если хочешь жить, то обрежь поддёвку выше колен, чтобы не выглядывала из-под шинели". Я последовал его совету, обрезал поддёвку, а из обрезка сшил жилет-безрукавку и продал его на базаре за порцию супа.

Иногда мы работали на станции в вагонах, в которых жили немцы (мыли пол, подметали, топили печки), наверное, поэтому нам устроили баню. Отсчитали сто пять человек, отделили в бараке и на следующий день погнали на станцию. Оставили в каком-то дворе, разложили костёр, около которого мы грелись. Сильно хотелось есть, а по двору бегала собака. Один из пленных попросил охранника убить собаку, тот спросил разрешения у офицера, офицер, по-видимому, разрешил и часовой дал по собаке очередь из автомата. Пленные тут же разделали её, попросили ведро с водой, помыли мясо и сварили. Ели собачатину сколько кому досталось, а часовые смеялись над нами. Немцы стали стрелять в пролетающих грачей, мы смалили перья на костре, разделявали птиц, выбрасывали кишки, а остальное варили на костре и ели.

К вечеру нас загнали в баню, а нашу одежду пропарили в автоклаве. Мы помылись, оделись и нас загнали в подвал дома, где в стенах остались две дыры вместо когда-то бывших окон. На улице январь месяц, мороз градусов двадцать пять, мы после бани. Кто-то из пленных обругал немцев как только смог. Все стояли прижавшись друг к другу, я оказался в середине и мне было тепло. Рядом со мной стоял солдат, по разговору которого я понял, что он с Украины. Я спросил его, откуда он. Он ответил, что фамилия его Кавун, а родом он из Днепропетровской области. В подвале нас продержали до утра, а утром, когда нас выпустили на улицу, оказалось, что четыре человека умерло. Нам дали баланду и хлеб, завтрак, привезённый из лагеря, и погнали чистить снег на путях.

В феврале 1942 года нас в очередной раз выгнали на очистку снега. Стоял очень сильный мороз и я отморозил пальцы рук и ног. Через несколько дней кожа стала облазить, и я показал это товарищам. Они позвали старшего барака и тот отвёл меня в так называемый госпиталь. По-видимому в мирное время это была контора овощехранилища, в

которой был клуб или красный уголок. Теперь в этом зале стояли двухэтажные нары для больных. Больных обслуживали и немецкие и русские врачи. В госпиталь почти каждый день привозили тяжелораненых солдат и почти все они умирали в первые двое суток.

Меня осмотрел русский врач, приказал санитару записать меня в книгу и показать место, где я должен лежать. Вначале я лежал на нижнем ярусе, но там было очень холодно. Мне посоветовали перебраться на второй ярус. Свободное место на втором ярусе было только недалеко от дверей, куда я и перебрался. Возле дверей стояла буржуйка, сделанная из бочки. Передвигался я на пятках, с палкой. Я набирал на улице снег, ставил его на буржуйку, а потом, в горячей воде стирал тряпки, которые использовал вместо бинтов. Я отморозил на левой ноге мизинец и большой палец, на правой ноге все пальцы и на левой руке частично мизинец и безымянный палец, все отмороженные пальцы почернели. Во время обхода русский врач сказал, что надо оперировать, но немцы не дают никаких лекарств.

Вскоре он пригласил меня на приём, расспросил меня, откуда я родом и сказал, что он хоть и не украинец, но служил в армии в Полтаве. Тут же были два санитары, основная задача которых была выносить мёртвых и фельдшер (казанский татарин или башкир, это было видно по лицу). Врач сказал: "Надо ампутировать пальцы, иначе ты умрёшь от гангрены". Я согласился, лёг на топчан, один из санитаров сел мне на обмороженную руку и держал её своими руками. Врач сказал: "Стисни зубы!" и начал резать мёртвые части пальцев, потом смочил мою тряпочку в марганцовке и завязал пальцы. Затем, очевидно отвлекая меня, ещё раз спросил, откуда я родом, я назвал свой адрес, а он сказал: "Действительно земляк. Ну, теперь держись! Закуси зубами угол шинели". Мне привязали ноги к топчану, а второй санитар лёг поперёк меня на грудь. Я увидел, как врач берёт кусачки, а фельдшер-татарин взял ножницы и они стали обрезать мне мёртвые части пальцев на ногах. Трещали кости, боль была невыносимая, я сжимал зубы, из глаз лились слёзы, но я не проронил ни звука. Когда они закончили и меня отпустили санитары, я выпустил изо рта угол шинели, оказалось, что он еле держался одним краем, я его откусил. Врач сказал: "Извини, земляк, нам, кроме марганцовки, ничего не дают. Бог даст, выживешь, ты ещё молодой и на операции держался молодцом". Перевязав раны, санитар помог мне дойти до своих нар и я еле на них залез.

На следующий день, утром, во время завтрака, ко мне подошёл врач, дал бумажный бинт и сказал: "Это всё, чем я могу тебе помочь. Завтра утром накипяти воды и сделай себе перевязку. Размочишь повязку горячей водой, потому что она от крови присохнет. Наверное, мы с тобой больше не увидимся, так как меня переводят в другой лагерь. В мирное время я бы гордился сделанной операцией".

На следующий день я так и поступил, как советовал мне врач. Сначала перевязал правую ногу, где ран было больше, затем левую ногу и руку. Кровь уже не шла и я чистыми бинтами всё перевязал. Помогал мне пожилой солдат, лежавший рядом со мной, он был не ходячий, у него были раны на боках, и я его периодически переворачивал. После перевязки он сказал мне: " Сынок, ты выживешь. Я убедился в этом, когда посмотрел на твои раны, а я, очевидно, останусь здесь навсегда.

Запомни, пожалуйста, я из Николаевской области, фамилия моя Задорожный."

В госпитале умирало много раненых. В марте стало теплее, начал таять снег на крышах. Я стал уже сносно передвигаться, раны стали заживать. Я стирал тряпки и себе и деду. На нижнем ярусе нар лежал Колька-десантник. У него были обморожены ноги выше щиколоток, мы с ним часто обсуждали, как мы будем жить в мирное время с обмороженными ногами. Он познакомил меня ещё с одним молодым солдатом (его звали Иваном), у которого пуля прошла сзади глаз и, очевидно, задела зрительные нервы и он ослеп. В лагере свирепствовал тиф, который не обошёл и меня. Я лежал без сознания три дня. Дед ухаживал за мной, получал на меня паёк, баланду съедал, а хлеб оставлял мне. На третьи сутки я пришёл в себя, но был так истощён, что не мог стоять на ногах. Весь оставленный мне хлеб я съел. Ухаживали за мной и выходили меня дед и Зуев из Челябинской области. Через несколько дней я уже смог свободно передвигаться, а Зуев стал жаловаться на сильную боль в ране. Я нагрел воды и стал перевязывать ему рану в локтевом суставе, (кость была раздроблена) и обнаружил на бинте и в ране червей. Бинт я прокипятил и высушил возле бочки, взял иголку и осторожно вытащил из раны несколько червей и две маленькие косточки, перевязал рану и боль утихла. На следующий день повторил процедуру. Я попросил у санитаря, который держал меня во время операции, марганцовки для себя и для Зуева и рассказал ему, что у него в ране завелись черви. Санитар сказал, что марганцовки нет и предупредил меня, чтобы я о состоянии раны Зуева никому не рассказывал, потому что если об этом узнают немцы, то будет плохо, однако вечером принёс флакон марганцовки. С её помощью и благодаря частым перевязкам мы добились, что наши раны стали заживать. Когда раны стали засыхать я обнаружил, что у меня из трёх пальцев выглядывают кости.

Однажды утром всех ходячих выгнали из госпиталя на площадь, где построили всех пленных. После возвращения они рассказали, что на площади повесили двух таджиков или узбеков, которые разделявали трупы и продавали мясо на лагерном базаре, выдавая его за говядину.

В конце марта, очевидно после ожесточённых боёв на фронте, в госпиталь поступила очередная партия раненых. Я лежал с краю и до конца нар было ещё метра четыре. Почти рядом со мной положили человека без сознания, судя по гимнастёрке - это был офицер, у него выше локтя была оторвана рука и культя перевязана резиновой трубкой. У двери на стуле сидел часовой, который периодически подходил к нему и проверял очнулся он или нет. Через некоторое время он очнулся и, не шевелясь, сказал мне: «Лежи тихо и не шевелись», через некоторое время он спросил: «Где я нахожусь?» Я ответил, что мы находимся в лагере для военнопленных в городе Рославль. Он несколько минут помолчал, а затем спросил: «Ты коммунист или комсомолец?» Я шёпотом ему ответил, что об этом здесь говорить нельзя. «Ясно» - сказал он - «Мне с тобой необходимо поговорить» и потерял сознание, а через несколько часов, так и не придя в сознание, скончался, обнаружилось это только при раздаче обеда. Часовой куда-то ушёл и вернулся с двумя офицерами, которые заставили санитаров забрать его

с нар и унести к другим умершим.

Как-то ко мне подошёл санитар Алексей из похоронной команды и предложил: «Может быть у тебя есть что-нибудь продать или обменять на продукты, то давай мне я в городе обменяю». Я отдал ему сапоги и кожаный ремень, а вечером он принёс мне крупы и хлеба, это была солидная прибавка к лагерному пайку. Позже, разговаривая с Алексеем, я узнал, что с нового года они вывозят хоронить по 300-400 человек в день, а в один из дней установили рекорд – похоронили 420 человек. Всех умерших хоронили в противотанковом рву: на дне рва выкладывают трупы друг на друга штабелем, когда ров заполнялся больше, чем на половину, приезжал бульдозер и засыпал трупы, а затем начинали выкладывать следующий штабель. Алексей посоветовал мне куда-нибудь уехать из этой смертельной ямы, но я остался без обуви. Когда мёртвых уносили из палаты, то обувь складывали у дверей, я украл там себе большие валенки, но обнаружил в них вшей. Я попросил у Алексея ведро, набрал с крыши талой воды, вскипятил её, залил валенки, а затем и помыл их в горячей воде. Высохнув, они стали как новые, малоношенные и на каблуках. Я отдал их Алексею и он выменял их на булку хлеба. Я сделал гешефт: за полбуханки я выменял рабочие ботинки, как раз 43 размера и стал обут.

В апреле, когда сошёл снег, Зуев стал ходить в лагерь и рассказывал нам последние новости. Он рассказал, что немцы записывают русских добровольцев в свою армию, обучают их, обмундировывают в свою форму и куда-то отправляют, одни говорят в Югославию, другие – во Францию, но это только слухи.

Когда в лагере закончилась эпидемия тифа, в лагерном госпитале опять появился немецкий врач, в сопровождении ещё одного немца, переводчика и нового русского врача с санитаром он сделал обход и диктовал санитару два списка: один на выписку в общий лагерь, а второй – на лечение. Подошли они и ко мне, переводчик спросил кто я. Я ответил, что я Ильченко Михаил Алексеевич родом из села Иванковцы Знамянского района Кировоградской области. Немцы через переводчика спросили кем я работал. Я ответил, что в колхозе я работал пастухом и работал в поле: сеял, полон и выполнял другие работы. Немец сказал: «Гут, бауэр». Я попросил, чтобы меня записали в список и отпустили домой, но переводчик сказал: «Сиди пока сидитя». Когда обход закончился, я слез к Николаю, пришёл слепой Иван и мы стали делиться впечатлениями. Иван был очень возбуждён и радовался тому, что немецкий врач пообещал отправить его в Одессу в клинику, где ему сделают операцию и он снова будет видеть. Николаю пообещали после лечения отправить учиться на сапожника и устроить на работу. Я им немного завидовал. Какие мы были наивные! Если бы мы знали тогда, что нас ждёт утром!

Вечером пришли санитары, принесли кастрюлю супа и стали вызывать по списку тех, кого записали на отправку, забрали посуду и налили им суп. Говорили, что это их подкармливают перед отправкой. Утром, когда я проснулся, то услышал на нижних нарах маты и кто-то сказал: «Потравили, гады, людей!». Мы обнаружили, что около тридцати семи человек, которые ели суп, умерли, среди них были и семеро моих знакомых, в том числе Николай и Иван. С ними я был особенно дружен,

так как они были десантники, а я служил в авиации. Их отнесли в «похоронное бюро», так мы называли место куда сносили мёртвых со всех барakov. Так я потерял своих новых друзей.

В конце апреля снова был обход немецких врачей и госпитального русского врача. Я решил, учитывая опыт предыдущего обхода, чтобы сохранить свою жизнь, проситься на работу. Переводчик сказал, что отбирают пленных на работу в Германию и осматривают, чтобы не попали больные. Меня записали и сказали, чтобы завтра, в 8 часов мы были на построении на лагерной площади. В ботинках я ходить не мог, так как кости упирались в носок и я сильно хромал, пришлось на лагерном базаре купить за пол-пайки хлеба купить сандалии, пошитые из шинели, в них я ходил свободнее.

На плацу стали зачитывать список и строить нас в колонны по пятьдесят человек. Когда построение закончилось, нас стали осматривать немцы, увидев, что я в сандалиях, меня хотели вывести из строя, но я показал ботинки и сказал, что у меня мозоли. Немец сказал: «Гут, гут» и я прошёл отбор. Вечером нас поселили в отдельный барак, распределили по вагонам, назначили старшего по вагону и выдали ему список, предупредив, что он отвечает за каждого записанного в его список. Ночью был воздушный налёт, Рославль сильно бомбили советские самолёты, а утром пошли разговоры, что наши уже в ста километрах от Рославля. Многие стали сомневаться ехать или нет. Близких знакомых у меня не было и мне не с кем было посоветоваться, как мне поступить. Один из пленных рассказывал, что он был на работе в городе и там ему говорили, что в двадцати километрах от города партизаны уже освободили деревни и к ним на помощь пришла кавалерия.

Пятого мая нас построили, подводили колоннами к проходной, проверяли по списку и выпускали за ворота. Наша колонна, выйдя за ворота, повернула на дорогу, которая вела на Кричев, как было написано на указателе. Пройдя километра два, мы увидели стоящий железнодорожный состав, в который шла погрузка пленных, вышедших ранее. Подошёл немец и старший вагона доложил ему, он пересчитал нас, назвал номер вагона и мы пошли к вагону. К нам подъехала полевая кухня, русские повара с белыми повязками на рукавах стали наливать нам баланду, а немцы из машины давали каждому по буханке эрзац хлеба. После этого мы поспешили в вагон, чтобы занять лучшие места на нарах. Подошедший переводчик сказал, что нам ещё выдадут сыр и это будет наша еда на три дня. Подошли немцы с картонным ящиком и старший вагона зачитывал по списку и мы получали пачку сыра по сто грамм и все дружно стали есть. Я сразу съел баланду и полбуханки хлеба, рассчитывая, что на два дня хватит и по четвертинке хлеба и по пол сырка. К вечеру вагоны закрыли и только часовые ходили вдоль состава по обеим сторонам. Для часовых был выделен отдельный вагон. Перед сном мы обсуждали каким путём нас повезут в Германию. Ночью прицепился паровоз и мы тронулись в путь. Утром подъехали к какому-то городу и часов в девять остановились на станции. Я пробрался к окну, увидел знакомые очертания Смоленской крепости и объявил всем, что мы в Смоленске. Через несколько минут к нашему вагону подошёл обходчик, который проверял смазку в подшипниках

колёс, и мы уточнили у него, что находимся в Смоленске, нагнувшись, он тихо сказал, что отсюда поезда идут только на Полоцк. Я пояснил сидящим в нашем вагоне, что служил в Смоленске на улице Фрунзе 64, и отступая с боями тоже проходил здесь, поэтому хорошо знаю эти места. После обеда мы поехали дальше. Сидевшие у окна, сказали, что проезжаем мимо поля ржи и рожь уже высокая, а я сказал, что сегодня Григорьев день и по народным приметам ворона должна уже спрятаться во ржи. В вагоне я познакомился с Семёным Прокофием Яковлевичем, Долбёжкиным Михаилом и Хруничевым Михаилом, за время пути мы сдружились и держались вместе. На третий день поезд остановился на станции Молодечино. Нас построили перед вагонами и к каждому по очереди подъезжала походная кухня и каждому раздавали по четвертинке хлеба и по литру супа. Повара были из пленных, мы спросили их не знают ли они куда нас повезут. Они сказали, что повезут нас в Литву или в Польшу. Тут нашлись среди нас знатоки, которые стали рассуждать, где жить лучше в Литве или в Польше. За время дороги умерло три человека, их погрузили на подъехавшую подводу и увезли. Пришли местные пленные, вынесли из вагонов параши, куда мы опраивались во время пути, почистили вагоны, произвели дезинфекцию и только после этого нас посадили по вагонам. К этому времени мы уже все поели и спрашивали у пленных будут ли нам давать ужин или нет, но они ничего не знали, а когда мы спросили об этом у часового, он ответил коротко: «Морген», завтра значит. Через некоторое время состав тронулся дальше.

VI. НА ЧУЖБИНЕ. ЛИТВА.

Утром, когда поезд остановился на какой-то станции и паровоз отцепился от состава, мы подумали, что дальше нас не повезут. Сидевший у окна, докладывал нам, что часовые ходят вдоль состава и вдруг как закричит: «А говорят-то не по-нашему!». Через некоторое время появилось много солдат и часовые стали открывать вагоны. Мы построились перед вагонами и пришедшие немцы стали нас пересчитывать, а через некоторое время вывели нас на привокзальную площадь и я на здании вокзала прочитал «Новая Вилейка». Часа полтора нас гнали пешком в лагерь, где мы выстроились на лагерной площади. Прошёл солдат и проследил, чтобы мы стояли по четыре человека, а тощий фельдфебель в очках ещё раз стал пересчитывать нас, дошёл до меня, показывает на свой носок сапога и говорит: «Ком», я тоже выставил ногу и пошевелил пальцами, он как заорёт на меня. Стоявший невдалеке полицейский подбежал, схватил меня за грудки и со всего маху врезал мне по уху. Я закричал: «За что?», а полицейский пояснил: «Ты оказался сотым по счёту и должен был выйти вперёд, а потом по сотням будут вести подсчёт сколько вас прибыло, будут брать на учёт и каждому присвоят номер». После пересчёта в бараки нас не пустили, а поочерёдно группами гнали в лагерную баню. Все мылись в душе, а потом нас осматривали русские врачи. Когда подошла моя очередь, врач посмотрел на мои ноги, и так и ахнул: «Это же у Вас кости торчат! Как Вы с такими ногами попали на отправку?» Подошёл и второй врач, я подробно всё рассказал и второй говорит первому: «Постарайся

направить его в Вильно, в госпиталь для военнопленных, а пока пусть идёт в барак».

Мне объявили, что мой номер 21945 и я должен отзывать по этому номеру, так как фамилию называть не будут. Нам выдали обед, мы поели и старший барака стал рассказывать нам какие в лагере порядки и предупредил, что тех, кто не подчиняется, жестоко наказывают. Ещё он рассказал, что нас разобьют на команды и мы будем ходить на работу. На работе будут давать обед, а по возвращению в лагерь дают сразу и лагерный обед и ужин. «Так что тех, кто работает, кормят хорошо» – закончил он информацию и ушёл.

После ужина к нам стали приходиться пленные из других барачков вроде бы искать земляков, а на самом деле нас расспрашивали о положении на фронте, так как мы были ближе к фронту. Мы рассказывали всё, что знали или слышали сами. В конце разговора они предупредили нас, что при старшем барака такие разговоры вести нельзя, так как сразу же узнают немцы и строго накажут.

Утром, после подъёма, нас покормили, затем пришёл старший барака, назвал мой номер, осмотрел с головы до ног и спрашивает: «Что у тебя болит?» Я ответил: «Ноги». Он вывел меня на площадь, где уже находилось несколько человек, а когда собрали шесть человек, подошёл немец со списком, проверил имя, фамилию, отчество и номер каждого и вывел нас за ворота, где стояла крытая машина. Он дал нам команду садиться в кузов и сам тоже сел с краю, возле заднего борта, крикнул что-то по-немецки и машина поехала.

Ехали не долго, проехали вдоль какого-то кирпичного строения, заехали в арку и оказались в квадратном дворе, мощённом брусчаткой, окружённом зданием со всех четырёх сторон с проходом только через арку. Машина остановилась, немец спрыгнул и приказал слезть и нам. Подошли несколько женщин в халатах и стали нас разбирать и уводить по палатам. Меня взяла пани Ванда, так она представилась, на вид ей было лет двадцать – двадцать пять, она была также молода, как и я. Она повела меня на второй этаж, завела в палату и говорит: «Это Ваша койка». Я был удивлён, после Рославля, где спали на досках, подстелив шинель и этой же шинелью укрываясь, эта палата показалась мне раем. В палате нас было шесть человек. Помню у дверей лежал Соколов, а рядом со мной крымский татарин Хаяли. Кушать приносили в палату. Утром пришла пани Ванда, стала убирать палату и открыла окно. Через открытое окно я услышал необычную музыку и высунулся в окно, чтобы рассмотреть откуда она доносится, но пани Ванда окликнула меня и сказала, что высовываться из окна нельзя, потому что часовые могут застрелить. Музыка доносилась из костёла, расположенного невдалеке. Пани Ванда сказала, что это играет орган. Я впервые услышал это слово, но промолчал.

Через день был обход. Один врач был немец, а другой или поляк, или литовец, присутствовала и пани Ванда. Что они говорили, я не понял, но когда они ушли, пани Ванда сказала: «Вас будут оперировать. Красовский хороший доктор».

Через несколько дней к нам в палату зашла другая медсестра, пригласила меня с собой и повела в кабинет врача, где сидел Красовский. Он подробно расспросил меня где и при каких

обстоятельствах я обморозился, кто делал мне операцию. Я ему всё подробно рассказал. По окончании моего рассказа он покачал головой и переспросил: «Так Вы украинец?» «Так точно!» ответил я и протянул ему бумажку из солдатского медальона. Он внимательно посмотрел её и говорит: «Вам необходимо делать операцию, иначе кости, которые выглядывают из ран, добра вам не принесут, может начаться гангрена». Я согласился на операцию. Меня перевели в другой кабинет, предложили лечь на стол, доктор позвал медсестёр, они пристегнули ремнями ноги к столу и предложили: «Закройте глаза, дышите через нос и считайте». Мне на лицо положили вату, я начал считать, вдруг вата стала мокрой, через некоторое время, когда я считал третий десяток, я услышал, как врач сказал: «Добавь ещё». Вата опять намочила. Помню, я твёрдо сказал: «Пятьдесят один» и мой язык стал заплетаться. Дальше я ничего не помню и не знаю, как я оказался снова в палате. Очнулся я от сильного удара по щеке, хотел поправить ногу, но нога оказалась привязанной к растяжке и была задрана вверх. Открыв глаза, я увидел перед собой врача Красовского и пани Ванду, которая повторяла: «Вот и хорошо, что очнулся». Я увидел, что на правой ноге намотано много бумажного бинта, который насквозь пропитался кровью, а на левой ноге было только два пятна крови около большого пальца и мизинца. Через день пани Ванда принесла мне костыли и отвязала ногу от растяжки. Когда меня вызвали на перевязку, сестра провожала меня в кабинет, так как я не умел ходить на костылях. Во время перевязки ноги осмотрел врач и сказал: «Заживание идёт хорошо». Назад в палату я возвращался легче, повязка была мягкая и не давила на раны, можно было уже наступать на пятки. Вернувшись в палату, я поставил костыли и лёг на кровать. Один из пленных рассказал, что меня привезли из операционной часов в одиннадцать и я спал до трёх часов, им показалось, что меня усыпили насмерть, они позвали медсестру из операционной и она с пани Вандой не могли меня разбудить. Все в палате стали возмущаться и позвали врача Красовского, который стал бить меня по щекам, после чего я проснулся и все успокоились.

Хаяли рассказал, что он до войны работал бондарем на винзаводе, вина можно было пить сколько хочешь, потом говорит: «У меня обморожены пальцы на левой руке по два сустава, но главное, что правая рука целая и я смогу снова работать бондарем, приезжай к нам работать, рабочие нам нужны».

Вечером один из пленных в палате рассказал большую новость, которую он случайно узнал. До войны в здании госпиталя был монастырь, а сейчас немцы сделали здесь показательный госпиталь для военнопленных и привозят сюда международные комиссии и делегации красного креста, смотрите, мол, как мы содержим военнопленных. Всему миру очки втирают.

Через несколько дней я уже отдал костыли медсестре и стал ходить без них, но ходить нам никуда не разрешали, день и ночь мы находились в палате.

Все в палате заметили, что пани Ванда выделяет меня из прочих больных. Если она заходит в палату, то первой подходит к моей кровати, часто разговаривает со мной. Стали говорить: «Может она тебя отсюда как-нибудь вытащит». Однажды я после очередного разговора, когда мы

остались в палате одни, я, как бы невзначай, сказал: «Когда выйду отсюда, мы с тобой поженимся». Она сразу застеснялась, отошла от меня, стала протирать пол и несколько раз повторила: «Сейчас не время об этом говорить».

Лето подходило к концу. В Литве праздновали какой-то праздник и по этому случаю нам на обед дали чистый суп и грамм по сто кровяной колбасы, мы всё с аппетитом съели. Не сравнить этот праздничный обед с брюквенным супом или супом с неочищенной картошки, которые мы обычно ели.

Раны у меня зажили и на очередном обходе врач сказал, что я поеду назад в лагерь. Я обрадовался, что снова увижу своих друзей по Рославлю, но был жестоко разочарован. Нашу группу, около двадцати человек, перевезли здесь же в городе, в так называемый выздоровительный лагерь, где я и находился до начала марта 1943 года. Лагерь был небольшой. Трёх или четырёх этажное здание было построено в виде буквы «Г». В центре находился вестибюль, где из большого котла нам выдавали суп, а в помещениях вокруг вестибюля располагались кабинеты врачей. Мы жили в комнатах по 50-60 человек, спали на двухъярусных нарах. Кормили нас плохо, но зато каждую неделю проверяли состояние здоровья. Я сильно похудел, с восьмидесяти двух килограмм дошёл до пятидесяти восьми с половиной килограмм.

Однажды, получая возле котла обед, я увидел, как один из солдат вытащил какую-то справку, и ему дали две порции обеда. Я рассказал об этом в комнате, и один из пленных объяснил мне, что это перебежчик, который добровольно сдался в плен. Он предатель и после войны его будет судить ревтрибунал. Так я узнал, что в нашем лагере содержатся и те, кто сражался до последнего патрона и те, кто добровольно сдались в плен. Предатели содержались в другом крыле здания и питались лучше нас. От этого мы морально страдали ещё больше.

Однажды в вестибюле я обнаружил в мусорном ящике несколько коробок из тонкого картона, забрал их, нарезал тридцать шесть карт, у одного из пленных попросил красный и синий карандаши и нарисовал карты. В лагере служил однорукий полицейский по фамилии Иванов, который увидел у меня карты и отобрал, я попросил его принести картона и я нарисую себе другие карты. Все пленные притихли, а когда он ушёл, сказали: «Жди карцера!». Через некоторое время, всем на удивление, Иванов принёс мне пол котелка супа. На утренней поверке ко мне подошёл переводчик и спросил: «Ты художник?». «Нет» - ответил я. «А почему же ты тогда нарисовал карты как настоящие?». Я рассказал, что рисовать учился в школе и два года в колхозе выпускал стенгазету и рисовал в ней. «Портреты рисуешь?». «Нет». На этом он потерял ко мне интерес и мы разошлись. Через несколько дней Иванов повёл меня в какое-то помещение, там было много всяких коробок и листов картона. Он дал мне ножницы и одну карту для образца и сказал: «Нарежь и нарисуй две колоды, себе и мне». Я на радостях нарезал шесть колод. Когда он увидел это, то сказал: «Тебе одну, а остальные мне!». Мне, конечно, стало обидно, но ничего не поделаешь. Иванов принёс мне чернильницу, ручку с пером и два карандаша, тёмно-синий и красный. На работу нас не водили, свободного времени было достаточно, до обеда я

нарисовал целую колоду. Иванов пришёл, посмотрел и я заметил, что карты ему понравились, он забрал колоду и принёс мне суп и грамм двести хлеба. Я тут же поел и стал рисовать дальше.

Украинцев с западных областей отпускали домой, если за ними приезжали родственники. Однажды по лагерю объявили, что все, кто хочет написать домой письмо, должны записаться. Я тоже записался. Через некоторое время пленные стали говорить: «В коридоре поставили стол, наверное, будет отправка». К столу стали вызывать всех, кто записался по номерам, вызвали и меня. Я подошел к столу, мне дали ручку и открытку, посадили к столу и сказали: «Пиши!». На открытке типографским способом были написаны разные варианты, надо было только подчеркнуть нужное, ничего лишнего писать не разрешалось. Я подчеркнул, что обморожен, живу хорошо, написал свой домашний адрес и поставил свой личный номер 21945, так как ничего другого писать было нельзя. Я вернулся в палату, где один из пленных стал ругать меня, что я отправил открытку. «Открытка попадёт не к тебе домой, а в полицейский участок и если ты коммунист, то они сообщат сюда и тебя расстреляют» – сказал он. Я сказал, что я не коммунист, а комсомолец, пожалел о том, что написал, но ничего исправить уже было нельзя.

Через несколько дней нас отобрали по номерам, выдали сухой паёк, пригнали на железнодорожную станцию и погрузили в вагоны. Ночью поезд тронулся в путь, а утром нас выгрузили из вагонов и пригнали в какой-то лагерь. Полицейский привёл нас в барак, где стояли трёхэтажные нары. Я занял место на втором ярусе. Через некоторое время нам выдали дневной паёк хлеба и чай, на обед дали около литра супа из нечищенной картошки, а вечером снова чай. Старожилы рассказали нам, что мы в лагере Шауляй и что дисциплина здесь жёсткая.

Была только середина марта, а комендант лагеря утвердил такой распорядок дня: утром все выходили и строились возле барака, раздевались до пояса и делали полчаса зарядку на холоде. Многие заболели и умирали.

Однажды я встретил Груничева Михаила, знакомого мне по Рославлю, он повёл меня в другой барак, в котором было много знакомых мне по Рославлю, Семин Прокофий, Долбёжкин Михаил и другие. В этот же день я стал просить старшего барака отпустить меня в этот барак, к своим, он пообещал переговорить с начальством. Утром, на поверке, ко мне подошёл начальник лагерной полиции и спросил: «Почему ты хочешь перейти в другой барак». Я ответил, что у меня там много знакомых. Он сказал старшему барака: «Запиши в сведения и пусть идёт». Когда я пришёл в новый барак, то старший барака не хотел меня принимать, говоря, что у него всё укомплектовано по норме. Ребята уговорили его, что потеснятся, он согласился.

Нас, как сильно истощённых, на работу не брали, но разрешали заниматься ремеслом и продавать свои изделия. За главными воротами стояли сбитые из досок столы, на которых пленные выставляли свои поделки. Здесь было всё, что можно изготовить из дерева, в основном игрушки. К столам подходили дети и выбирали себе то, что им нравилось. Пленные находились с этой стороны забора. Расчёт

происходил в основном продуктами питания через полицейского или немецкого часового. Я отдал пол-пайки хлеба за ножик, сделанный из пилы по металлу и за два дня смастерил игрушечную швейную машинку, у которой крутились колёсики, иголка была сделана из остро заточенной палочки. Я старался сделать её более похожей на ту, которую я видел дома у дядьки Ивана. Я вынес её на базар, через некоторое время ко мне подошла девочка лет десяти-двенадцати и спросила: «Где твоя игрушка?». Я показал ей, она посмотрела и убежала, а я остался ждать, в надежде, что со мной рассчитаются и я хоть немного утолю голод. Через некоторое время она принесла грамм двести сала и полбулки хлеба. Немец часовой вышел взял хлеб и сало и пошёл через проходную, я подошёл ближе к дверям ожидая его. Он вынес мне только хлеб, я удивился и спросил: «А где сало?». Стоящий невдалеке полицейский сказал: «Бери быстрее и беги, а то всё заберёт и ещё изобьёт». Я взял хлеб и по дороге к бараку почти всё съел, оставив только кусочек на ужин.

Утром я опять пошёл делать швейную машинку, вдруг прибегает Прокофий и говорит: «Там набирают на торфоразработки и на работу к пану, скорей иди, может и тебя запишут!». Я подошёл к стоящему в гражданской одежде высокому мужчине, который разговаривал по немецки с немецким офицером и обратился к нему: «Я хочу поехать на работу, до войны работал в колхозе и многое могу делать». Он повернулся ко мне и спросил по-русски: «Откуда ты родом?». Я ответил, он о чём-то переговорил с немцем и сказал мне: «Пройди десять шагов туда и обратно». Я очень старался пройти хорошо и когда вернулся он спросил у меня мой номер, фамилию, имя и отчество, всё записал, сказал, чтобы никуда не уходил и вместе с офицером ушёл в комендатуру. Мы все отобранные простояли возле ворот до обеда, потом пошли получили баланду, поели и опять вернулись к воротам. Через некоторое время к воротам подъехало пять подвод и на одной из них сидит этот человек, оказалось он и есть пан. Он зашёл на проходную и вышел на территорию лагеря с четырьмя немецкими часовыми, которые отогнали нас подальше от ворот и начали вызывать по номерам. Тот, чей называли номер, должен был назвать свою фамилию, имя и отчество. Нас отобрали шестнадцать человек, открыли ворота, мы с хозяином вышли, он сказал что-то ездовым по-литовски, повернулся к нам и сказал: »Садитесь по четыре человека на подводу». Мы расселись и поехали. По дороге мы заехали на базарную площадь, там хозяин забрал на свою подводу трёх женщин, а вокруг нас собрался народ. Ездовой что-то сказал им, одна из женщин дала на нашу подводу кусок хлеба. Мы стали разрезать его и взвешивать на примитивных весах, чтобы всем досталось поровну. Собравшиеся стали что-то обсуждать между собой. Потом на все подводы стали давать продукты, у кого что было, мы подкрепились. Хозяин что-то сказал обступившим нас людям, и мы поехали дальше.

Часов в десять вечера мы приехали в имение Жеренай, там нас уже ждали, накормили и отвели спать в какой-то сарай. Утром мы внимательно всё рассмотрели. Это был большой животноводческий комплекс, в котором разводили и овец, и коней, и коров, и всякую птицу. Посередине двора стоял тот сарай с нарами, в котором мы ночевали,

очевидно, специально переделанный для работников из конюшни. На завтрак нам дали по куску хлеба и по стакану обезжиренного молока. Я не пил молока уже больше двух лет и оно показалось мне очень вкусным. Нам рассказали, что в 1940 году в четырёх ближайших имениях русские организовали колхоз, а сейчас мы будем здесь работать.

Немецкие охранники уехали и мы стали относительно свободными. Вначале нас поставили чистить коровники. Дело в том, что у них хозяйство вели немного не так как у нас. Они зимой не убирали каждый день навоз из коровников, а просто подсыпали новую подстилку из соломы, так что к весне слой навоза становился более метра. Навоз перегнивал и выделял тепло. Мы грузили этот навоз на телеги и вывозили на поля.

Во время работы возникла проблема общения с литовцами. Около нас вертелся сын местного плотника по имени Август. Мы стали спрашивать у него как по-литовски называются те или другие вещи, а он принёс нам русско-литовский словарь, который сохранился у меня и после войны, по которому мы стали изучать литовский язык. Вначале мы работали очень плохо, так как были сильно истощены, примерно через месяц мы немного поправились и нас повезли на торфоразработки.

Перед отправкой, к нам приехал управляющий одного из ближайших имений, которое принадлежало немцу, жившему в Литве до прихода наших войск, после начала войны немецкое командование вернуло ему это имение, он отобрал себе четырёх человек перебежчиков: Педченко, Цимковского, Спиридонова и ещё одного, фамилию которого я забыл, и увёз их на подводе. Остальные двенадцать человек отправились на торфоразработки.

С нами на торфоразработки приехали работать три литовца, один из них немного говорил по-русски, он пояснил, что нами будет руководить механик Шнякс, который что-то исправлял около локомотива. Мы позавтракали и стали расчищать от мелкого кустарника площадку для сушки торфа, заодно собирая с него прошлогодние ягоды. К обеду всё наладилось, локомотив установили на место и закрепили, установили транспортёр для торфа от карьера к прессу. Локомотив затопили сухим торфом и сели обедать. После обеда расставили рабочих по местам и запустили пресс. Самая трудная работа была в карьере: люди стояли в грязи и в воде и грузили торф на транспортёр. Оттуда он попадал в смеситель, где перемалывался, а затем шнеком продавливался через экструдер и в виде ленты выходил из мундштука, где струной нарезался на ленты длиной около полуметра. Я принимал эти ленты на специальные доски и укладывал их на вагонетки в четыре яруса. Три человека катали вагонетки, а два человека выкладывали торф с досок на землю, для просушки.

Нам, двенадцати пленным отвели большую пустую комнату и первую ночь мы спали на полу. Утром приехали плотники с материалами и сбили нары на всю длину комнаты.

Вместе с нами работали муж и жена Каминские, у них было семеро детей. Он был доволен, что начались торфоразработки, так как его жена готовила нам кушать три раза в день, за что ей платили зарплату. До присоединения Литвы к СССР они батрачили на пана. Однажды в воскресенье он рассказал нам о пане. Болеслав Лютик по

национальности русский, родом из Новосибирска. При правительстве Сметаны в Литве он был министром внутренних дел. Ему принадлежало 500 гектар угодий и 300 гектар торфоразработок и леса. Паном он был хорошим, своим рабочим платил больше, чем другие паны, а осенью, после уборки урожая и обмолота, каждый год устраивал праздник урожая. К этому дню варили много пива. В начале праздника он всех благодарил за работу, выдавал всем сверх зарплаты премию: мужчинам по пять латов, а женщинам по три лата, после чего люди гуляли и пили пиво.

После прихода Советской Армии, он собрал в имении собрание, выступил на нём и объявил, что он передаёт всё своё имение и животных в совхоз. Просил, чтобы советское командование приняло всё по акту. После него выступил комиссар, долго говорил, а в конце сказал, что надо выбрать директора совхоза и предложил на эту должность плотника Григоркаса. Такого ещё не бывало в Литве. Так и решили, после чего мы все стали совхозниками, а наш пан по рассказам наших совхозников, которые ездили в город, стал комендантом города Шауляй.

В начале войны, когда в город вошли немцы, он вернулся в имение, но тех начальников, которые были назначены Советской властью, он от работы не отстранил, только директор совхоза снова стал плотником.

На торфоразработках мы проработали около месяца. Однажды к нам приехал хозяин имения, походил, посмотрел что уже сделано и сказал: «Сюда придут работать женщины, а вас заберём на уборку клевера, пока стоит хорошая погода». Потом, после небольшой паузы, сказал: «Русские под Сталинградом разбили немцев и уже подошли к Ростову». Поскольку я географию знал лучше других, то стал объяснять своим где это происходит. Болеслав Лютик (?) посмотрел на меня и спросил: «Своих ждёте?». Я переступил с ноги на ногу и ничего не ответил, но думаю, он всё понял и без слов.

Я везде, где был, указывал свой домашний адрес, но ни на что уже не надеялся и был очень удивлён, когда он взял меня в поездку на станцию Попеляны и по дороге отдал мне два письма из дома, написанные рукой моей сестры. Пока мы ехали, я несколько раз перечитал эти письма. В Попелянах мы оставили подводу на одной из улиц и, пройдя несколько кварталов, зашли в какой-то дом, хозяин нас вежливо принял, приказал какой-то женщине накрыть стол и мы сели обедать. Хозяин поинтересовался в каких частях я служил, какое имел звание. Я подробно всё ему рассказал, он изредка задавал мне уточняющие вопросы. После того как я закончил рассказ он о чём-то по-литовски переговорил с моим хозяином. Потом он позвал женщину лет тридцати и велел ей проводить меня к подводе. Она повела меня к подводе другой, более короткой дорогой, завернули за угол и она сказала: «Вон ваша подвода, к ней пойдёте один» – и улыбувшись добавила – «Когда будете идти, на меня не оглядывайтесь». Я подошёл к подводе, а с другой стороны к ней уже подходил Болеслав Лютик. Сели в подводу и он сказал по-литовски ездovому: «Поехали на элеватор». Это я понял и без переводчика. Подъехав к элеватору он слез и зашёл в контору, через некоторое время вернулся и сказал: «Наши ещё не приехали». Мы с ездovым сидели и молчали, так как не знали языка друг друга, каждый думал о своём. Вскоре из-за бугра показалось несколько подвод и

ездовой закричал что-то по-литовски Лютику. Подъехали подводы, пан Лютик забрал у них какие-то бумаги и пошёл с ними в контору, а наш ездовой позвал Юзика (?) и пошёл разговор. Зерно разгрузили в склад и стали собираться домой. Я возвращался на другой подводе, вместе с Юзиком, а пан уехал отдельно. Отъехав немного от города, все остановились, достали две бутылки самогонки и стали выпивать. Юзик напился и всю обратную дорогу пел песни и ругался, а я правил лошадьми.

Когда мы закончили работу по скирдованию клевера, нас опять привезли на торфоразработки вместе с женщинами, которые сушили брикеты торфа. К этому времени я уже немного мог говорить по-литовски. Одна молодая девушка работала рядом со мной (что делали?) и так как работали мы быстро, то обогнали всех и ушли далеко вперёд. Женщины, которые отстали, стали ей что-то говорить, она ответила им, посмотрела на меня и засмеялась. Дошли до края поля и сели отдыхать. Она спросила есть ли у меня жена и дети. Я ответил, что я не женат. Тогда она спросила: «А девушка у тебя есть?» Я ответил: «Нет». В это время мимо нас проходил механик Шнякос и сказал: «Николос (так меня называли все литовцы) с ней можешь обо всём говорить, она до войны была секретарём комсомольской организации».

Началась молотья, когда молотили в отделении Полесье, управляющий Большунас Ионас отозвал меня: «Я заберу контроль, а ты будешь записывать мешки. На четыре подводы ложи по одному мешку лишнему, без записи, а на одну подводу, вот на эту, ложи точно. Вокитис отдавать не надо, надо запас литовцам». Я всё понял и говорю: «Согласен, мне всё равно, если немец и обнаружит, то с пленного меньше спрос.» Тогда я о последствиях не думал, а могло всё кончиться трагически.

Потом нас перевели в имение Дягули, где мы также обмолачивали хлеба. После чего нас вернули на торфоразработки, где мы работали на сушке торфа, периодически переворачивая его, а сухой складывали в клетки. Началась осенняя севба, рядом с торфоразработкой была земля одного хозяина. Он вспахал эту землю и вручную засеял её, а боронила девушка лет семнадцати или восемнадцати. Она часто приходила к нам и почему-то заметила меня. Когда она проходила мимо нашего жилья и заглядывала в окно, мужики говорили: «Мишка выходи, к тебе пришли». Однажды Каминский говорит: «Она просила, чтобы ты ей помог, потому что она очень устала». Скорее всего он соврал, потому что когда я подошёл к ней она насторожилась и хотела убежать, но я объяснил ей, что пришёл помочь, взял лошадь под уздцы и стал боронить, а она стояла как вкопанная, очевидно не зная как ей поступить. Я прошёл поле до конца и вернулся назад. Она подошла ко мне и говорит: «Дай мне». Я сказал ей: «Отдыхай» и показал на траву. Она пошла и села на траву. Я боронил около часа, работа уже подходила к концу, когда пришёл её отец и они начали о чём-то громко говорить, потом он прошёл по полю и увидел, что я боронил не так как они, только вдоль поля, но и прошёл поперёк поля, после чего поле стало ровнее. Я сделал ещё две ходки туда и обратно и закончил работу, подъехал к телеге и стал распрягать лошадей, поставив их возле воза, на котором лежало сено. Разнуздав и похлопав коня по холке, сказал: «Кушайте, вы наработались». Хозяин

подошёл ко мне и на ломаном русском языке спрашивает: «Кушать хочешь?». Я покачал головой, мол нет, мне было стыдно перед девушкой признаться что я голоден, но он позвал меня, вынул из торбы кусок сала и пол булки хлеба, порезал и говорит: «Кушай, Праниса сказала, что ты много работал». Я не удержался, взял кусочек сала и хлеба и стал есть.

Через несколько дней он попросил у управляющего отпустить меня на один день поработать с ним. Мы шли по степи, пока не подошли к каналу. Он сказал: «Будем косить сено вдоль канала, два километра. Женщины будут загребать, а ты будешь носить в кучи». Поработали до обеда и сели кушать. После еды он сказал: «Праниса, иди за подводой, надо вывозить траву». Она что-то сказала и показала на меня, мать на неё закричала, она покраснела и насупилась, тогда я сказал хозяину: «Давайте я буду косить, а вы идите за подводой и сразу будете грузить кучи на подводу». Я пошёл, взял косу и стал косить, он подошёл, посмотрел как я кошу, что-то сказал жене и ушёл, а мы остались втроём. Оставалось косить до конца метров двести, но я уже сильно устал и сел отдохнуть, в это время в начале поля появился отец с подводой и стал грузить сено. Я встал и начал косить, чтобы успеть докосить, пока хозяин соберёт все кучи. Так получилось, что мы почти одновременно кончили косить и собирать сено. Стали собираться домой и из их разговора я понял, что мать не хочет, чтобы мы с Пранисой шли вдвоём пешком, они с отцом поругались и в результате женщины поехали на подводе, а мы с хозяином пошли пешком и значительно отстали. Пройти надо было километров пять. Когда мы пришли домой, то лошади были уже распряжены и на столе стояла еда, мы помыли руки и сели кушать. Хозяин спросил откуда я умею всё делать. Я ответил ему, что жил в селе и всё это делал. Я вытащил свой солдатский медальон и стал раскручивать его. Когда я вытащил бумажку, то Праниса первая схватила её и стала читать, прочитала «Украина» и стала что-то объяснять матери, тогда бумажку взял отец и долго рассматривал её. Я объяснил, что медальон пишется на случай смерти солдата, чтобы потом можно было узнать кто погиб. Потом хозяин спросил сколько мне заплатить, я сказал, что денег не надо, а пусть даст немного еды. Он что-то сказал Пранисе и та принесла булку хлеба килограмма на три, затем вышла из хаты, принесла две четвертины сала и положила их на хлеб. Хозяин спросил: «Хватит?» Я сказал: «Достаточно, даже многовато». Праниса завернула сало в газету, подала мне вместе с хлебом и улыбаясь что-то говорила. Я понял только, что мать сказала ей: «Он же пленный». Я взял заработанное, поблагодарил их и ушёл. Придя в лагерь, отдал всё хлопцам. Они сразу разделили всё поровну на всех и полакомились, потом стали расспрашивать в каком состоянии дороги, какие леса, есть ли немцы. Я сказал, что был в степи и ничего не видел.

Поздней осенью, когда ночи стали уже холодными, нас переправили в Жеренай. Ночевали мы на большом скотном дворе, наша работа заключалась в подготовке его к зиме. Однажды в имении появилась Праниса, принесла мне булку хлеба и сала и сказала, что отец просил, чтобы я пришёл к ним, а это километров пять-шесть. Я ей объяснил, что нам отлучаться нельзя, если кто-нибудь из нас куда-то уйдёт – это будет

считаться как побег, его расстреляют, а остальных вернут в лагерь. С нами работал молодой парень – Валька. Однажды видим, он в немецкой форме, с винтовкой ходит по хутору. Август сказал нам, что он поступил на службу в немецкую армию.

Третьего декабря 1943 года мне приснился удивительный сон, который не давал мне покоя. Приснился мне мой дом в Иванковцах, в хате мать, брат Гриша и сестра Оля. Повернулся я к столу и вижу, что за столом сидят члены правительства СССР: Сталин, Молотов, Жуков и Тимошенко. На столе разные закуски и выпивка, по-видимому, какой-то праздник. Члены правительства о чём-то поговорили с нами (сейчас уже не помню темы разговора) и стали выходить во двор, а за ними пошли и мы. По небу с севера на юг пролетали ракеты или мины и оставляли за собой горящий след, всё небо было в огненных росчерках, но взрывов слышно не было. Кто-то из членов правительства сказал: «Это наши войска обстреливают село Дмитровка и станцию Знамянка». А Жуков, обращаясь к матери сказал: «Ваше село сохранят целым». Затем всё пропало. Утром я рассказал этот сон товарищам и мы долго гадали, что он может означать, но как позже оказалось, никто из нас не смог его правильно истолковать, и только много лет спустя я узнал, что произошло в этот день - 3 декабря 1943 года.

Работу в Жеренае мы закончили и нас перевели в отделение Дягуоли строить коровник. Мы подносили брёвна плотникам, а готовые, отёсанные брёвна затаскивали на крышу. В Полесье привезли эвакуированных из-под Жиздры, Семён с женой и ребёнком, Паша с сыном или племянником, Шура с дочкой Зиной и Катя. Их тоже привозили строить коровник. Мы расспрашивали у них когда у них были бои и когда их немцы эвакуировали, спрашивали какое расстояние от них до Москвы, Вязьмы и всем нам известного Рославля. Однажды к нам приходил какой-то прибалтнённый и стал рассказывать, что он сбежал из лагеря и живёт в лесу. Литовцы его хорошо приняли, накормили. Так как он разговаривал с украинским акцентом, я спросил откуда он родом, он ответил: «Из Одессы». Затем он ушёл и больше мы его не видели. Я с Корецким Костей стал усиленно изучать литовский язык. К нам присоединились Семин Прокофий Яковлевич, Долбёжкин Михаил, Логвиненко Иван, Деев Михаил, Груничев Михаил и стали поговаривать о побеге. У Юзика я стал расспрашивать как пешком добраться до Украины, какими дорогами надо идти, говорил, что соскучился по дому. Он стал рассказывать: «На север посёлки Можейки и Акмены, на восток – Паневежис и много лагерей с пленными, а на Украину надо идти на юг, только надо обходить Каунас и Вильно, там тоже много лагерей с пленными и много немцев. Между Вильно и Каунасом леса и болота, там можно легко пройти». Я всё это рассказал товарищам и мы решили готовить побег на второе апреля 1944 года. К нам приходили в гости из соседнего имения перебежчики Педченко и Цитников, разговаривали с нами на разные темы, но о побеге мы с ними не говорили. Но по-моему предположению, по-видимому кто-то из нас всё-таки сболтнул им что-то лишнее, так как ночью 28 марта нас окружили литовские националисты и немецкая жандармерия и увезли всех в Шауляй, в лагерь, а они остались в имении.

В лагере нас, как неблагонадёжных, поместили в отдельную зону, где

был всего один барак, в котором было уже около ста человек таких же как и мы и каждый день привозили ещё по несколько человек, так что через несколько дней нас стало около ста пятидесяти человек. Наша зона была обнесена четырьмя рядами колючей проволоки. Обеденные столы стояли вдоль этого заграждения, а с другой стороны стояли столы власовцев из РОА (Русская освободительная армия, воевавшая на стороне немцев под командованием генерала Власова). Обед выдавали одновременно, но нормы были разные: нам выдавали на день на 10 человек буханку хлеба, а власовцам одну буханку давали на троих, стограммовый брикет сыра нам давали на двадцать человек, а власовцам на одного. Таким образом нас пытались агитировать служить в РОА.

В конце апреля или в начале мая, на пасху, к нам в лагерь пришли человек пять немцев, русский офицер в форме лейтенанта немецкой армии с нашивками РОА и с ними батюшка. Нас построили в шеренгу и перед нами выступил с речью офицер-власовец. Он сказал, что русская освободительная армия ведёт свою историю с народного ополчения под руководством Минина и Пожарского, доблестно защищавших русский народ и призвал нас записываться в её ряды. После него выступил батюшка, поздравил нас с праздником святой пасхи и тоже призвал записываться в РОА. После них выступил переводчик, восхваляя доблестные немецкие вооружённые силы, а в конце своей речи предложил желающим служить в РОА, сделать два шага вперёд. Никто из строя не вышел. Он сделал паузу и снова повторил команду. Вышло шесть человек. Он повторил предложение несколько раз, но больше никто не вышел. Немцы раскричались и загнали нас в барак. Ужин в тот день не давали. Мы все гадали, что они с нами сделают. Утром нам выдали завтрак и снова загнали в барак. Часов в двенадцать дня в барак пришёл полицейский назвал мой номер и повёл меня к проходной, где я увидел подводу и около неё Юзика и бригадира. Они поздоровались со мной и сказали, что ждут меня и привезли мне покушать, бригадир стал пальцами изображать идущего человека и ещё раз повторил, что ждут меня. Я сказал им, что всё понял. За ограду меня не пустили, а полицейский принёс мне несколько пирожков и больше чем полбуханки хлеба. Я взял, поблагодарил, мы попрощались, они поехали домой, а я стоял и смотрел вслед уезжающей подводе, пока полицейский, из пленных, не стал кричать на меня, чтобы я шёл в барак, так как здесь зона безопасности и могут застрелить. Вернувшись в барак, мы разделили хлеб и пирожки среди тех, кто работал на хуторе. После того, как мы поели я отошёл с Прокофием Яковлевичем в сторонку и рассказал ему о нашем разговоре с бригадиром. Он сказал: «Если будут нас выводить на работу, тогда и обсудим это дело».

На следующий день полицейский объявил нам, что нас поведут в баню, и при этом ехидно рассмеялся. Вскоре мы поняли причину его смеха. Нас завели с одной стороны барака, раздели догола, забрали всю одежду и по два человека заводили в комнату, где осматривали рот и задний проход. Я не мог понять, что они от нас хотят. В следующей комнате уже мылись. Я взял ушат, набрал воды, стал мыться и спросил у рядом моющегося пленного: «Что они у нас искали, что везде заглядывали». «Напильники и ножовки по металлу» – ответил он. Я

удивился, я не мог себе представить, что это можно спрятать в таких местах. После мытья нам выдали нательное бельё из плотной бумаги, такой из которой делают мешки для цемента, и старую латанную немецкую форму, кто-то сказал, что немцы из нас хотят восстановить кайзеровскую армию, только вот погоны не выдали. На ноги выдали деревянные колодки, в которых было тяжело ходить, не то чтобы бегать. После бани нас покормили обедом и под усиленным конвоем погнали на железнодорожную станцию. Нас загнали в пульмановский вагон, перегороженный крепкой проволокой на две части. В одной части находились часовые, а за перегородкой мы. В перегородке в углу был сделан лаз, через который мы пробирались внутрь. До вечера мы так никуда и не уехали. Вечером нас по команде построили перед вагонами, приехала полевая кухня и нам стали раздавать ужин. Мы стали спрашивать у охраны куда нас повезут. Один из полицейских с повязкой на руке сказал нам: «Вас, как неблагонадёжных для рейха, увозят под усиленной охраной. Разве вам переводчик в лагере не говорил?» Мы ему рассказали как после неудачной агитации в РОА немцы ругались и кричали, а вечером не дали ужина. Полицейский говорит: «Это вы ещё легко отделались, бывает что отбирают заложников и расстреливают их». Тут мы увидели, что с другой стороны железнодорожных путей стоит много гражданских людей и кто-то подал идею спеть песню. Сначала спели «Катюшу», немцы промолчали, затем спели литовскую песню, народу собралось гораздо больше. Подбежал какой-то немецкий офицер и начал кричать на часовых, подбежали ещё с десятков немцев и нас стали загонять в вагоны. В вагоне садились «ёлочкой», в затылок друг другу, проволочный лаз прибили и поезд тут же тронулся.

Выгрузили нас на какой-то станции и пешком пригнали в лагерь в городе Торн, в Польше. Нас поместили в отдельные бараки, отгороженные от другой территории колючей проволокой. Старожилы этого лагеря рассказали нам, что лагерь разделён на зоны, в каждой зоне пленные из одного государства, русских кормят хуже всех, а американцев и французов лучше всех остальных. Недавно сюда привезли итальянцев, уже и союзников немцы сажают в лагерь. Через неделю нас снова погрузили в вагоны и отправили в путь. Через две ночи и один день нас выгрузили и снова пешком погнали в лагерь. До Штаргардта мы шли долго. В этом лагере мы пробыли около месяца. Нас выводили на работу, а поочередно, группами оставляли в лагере, записывали в какие-то книги и фотографировали. В руки давали трафарет с новым лагерным номером, который надо было держать на уровне груди. Фотографий нам не давали. Бывалые мужики посоветовали мне при фотографировании скривить лицо, чтобы в случае побега, по фотографии труднее было бы меня опознать, я так и сделал.

Через некоторое время нас, около двух тысяч человек, построив в колонну, пешком погнали в порт Штетин. В порту нас несколько раз пересчитали, а затем стали грузить в трюмы пароходов. К вечеру всех погрузили, а ночью куда-то поплыли. Из трюма ничего не было видно, кроме клочка неба через люк. Ёмкости для туалета стояли на палубе и немцы водили туда по два человека. После возвращения они рассказывали, что кругом море, а по отношению к солнцу, плывём на

север. Днём вернувшиеся рассказывали, что с двух сторон вместо берегов горы, а корабль продолжает плыть. Наконец остановились. Мы подошли к люку и спросили у часового: «Мы поплывём дальше или нет?» Он ответил «Осло. Мы домой! Вы здесь». Так мы узнали, что прибыли в Норвегию. Как и всегда нас поселили в пересыльном лагере. Я обратил внимание, что один из пленных Шауляйского лагеря, очень похожий на еврея, несколько раз разговаривал с немецким оберлейтенантом. Я был удивлён, везде немцы немедленно расстреливали евреев, а этот якшается с немцами. Я спросил об этом у старожилов лагеря и мне рассказали, что это Иванов Михаил Иванович, у него отец русский, а мать еврейка и поэтому оберлейтенант сохранил ему жизнь и он с этим немцем давно дружит.

VII. В ПЛЕНУ. НОРВЕГИЯ.

Норвегия встретила нас дождями и сильным ветром. В пересыльном лагере мы прожили не больше недели, затем нас поездом перевезли километров на тридцать в другой лагерь. Утром, по прибытию, к вагонам подъехало около двадцати машин, нас погрузили и повезли в город Тронхейм, где мы стали работать: носили железные прутки из порта на базу, где-то около километра. Вместе с нами работали пленные из местного лагеря, среди них я неожиданно встретил Литвиненко Ивана Мефодьевича, жителя нашего села, бросив пруты, мы обнялись и долго разговаривали, пока не подошёл часовой и прикладом не ударил меня по спине, а Иван не дожидаясь экзекуции убежал. Я поднял прутки и понёс, а часовой шёл следом за мной на базу. Я положил прутки в штабель и к нам подошёл переводчик, часовой ему что-то рассказал и переводчик спросил у меня: «С кем ты разговаривал?» Я объяснил, что встретил земляка, из родного села. Он спросил мой номер, фамилию, имя, отчество, место рождения и отпустил меня, больше я с ним не встречался. Все переезды и лагеря мы, двенадцать человек из лагеря Жеренай, держались вместе. Через две недели нас снова погрузили в трюм парохода и вечером корабль отчалил из порта Тронхейм. Утром, выйдя на палубу по нужде, я видел, что мы плывём каким-то фиордом и вскоре корабль причалил к берегу и мы стали выгружаться. На портовой площади стояло небольшое здание на котором было написано «Фауска». Нас вызывали по номерам и разбили примерно на восемь групп, всех переписали и две группы, в том числе и нашу, пешком повели через гору. По дороге увидели пленных, работающих в карьере, успели перекинуться парой фраз, они сказали нам, что до лагеря километра четыре. Возле ворот лагеря, на которых было написано по-немецки «Штраум», нас остановили. Из ворот вышел небольшого роста гауптман, подошёл ко второй группе, переговорил с охраной, пересчитал пленных, дал команду и их завели в лагерь, а нашу группу погнали дальше. Шли мы часа три и вдруг с горы открылся вид на лагерь у подножия. Нас подвели к воротам лагеря, вышли лагерные полицейские, строем пришло человек двадцать и обступили нас. Здесь же был и оберлейтенант, который сопровождал нас из Шауляя. Нас завели во двор, закрыли ворота и каждому в пазуху стали засыпать какой-то порошок. Потом переводчик дал команду разойтись по баракам. Бараки

были сбиты из досок, поверхность которых была покрыта прессованным картоном. Внутри стояли двухъярусные нары. Мы, все двенадцать человек, сразу заняли места на верхнем ярусе. Около входных дверей стояла буржуйка, сделанная из бочки, а возле неё лежала куча дров. К нам в барак зашёл чех-переводчик и начальник лагерной полиции, москвич, старший лейтенант Петлин и сказали, что надо выбрать старшего по бараку. Многие предложили меня и меня назначили старшим по бараку, хотя я не очень этого хотел. Утром в лагере появился оберлейтенант и к нему сразу же подошел еврей Иванов, вскоре вызвали меня и переводчик объявил, что германское командование назначает старшим барака Иванова. Я согласился.

Нас повели на работу в гору, носить метровые брёвна с делянки в лагерь, к двум баракам, где жила охрана и немцы. По дороге старожилы рассказали, что посёлок называется Мигарден, пленные работают в основном на заготовке дров, кроме того работают в порту и на строительстве туннеля.

Постепенно мы втянулись в лагерную жизнь. Однажды, после работы, я пошёл в санчасть и показал русскому врачу свою ногу. Она у меня, на месте операции, опухла. Он посмотрел и сказал, чтобы я возвращался в барак, а утром, на поверке, вызвали мой номер. Ко мне подошёл полицейский Васька, по прозвищу Урмахер (по-немецки часовщик) и повёл меня в барак, где располагалась санчасть, там сидел русский врач Спиридон и немец. Спиридон попросил показать ногу немецкому врачу. Я разулся и поставил ногу на стульчик, стоявший перед ним, он взял пинцет и потрогал все зажившие раны. Я рассказал, что операцию делали в госпитале города Вильно. Он выслушал меня, сказал: «Гут, гут» и знаками показал, чтобы я обувался. После этого меня заменили в гольцкоманде и я стал выполнять дворовые работы вместе с младшим воентехником Ворониным, он был ранен в локтевой сустав и рука плохо гнулась в локте. Мы пилили и кололи дрова, носили их к печкам, выполняли и другие работы.

В середине декабря мы, как всегда, вышли пилить дрова. Шёл крупный редкий снег, было 10-15 градусов мороза. Вдруг Воронин говорит: «Давай поменяемся местами». Я перешёл на его сторону, а он шёпотом мне говорит: «Там, возле караульного помещения стоит Васька». Я не знал кто это такой, поэтому был удивлён такому поведению Воронина. Через некоторое время зазвучала сирена, нас сразу же загнали в барак, и по вышкам разошлись немцы с автоматами. Часам к одиннадцати всех привели в лагерь, нас построили на площадке в окружении немецкой охраны. Переводчик отдал приказ: «Всем встать на расстоянии два метра друг от друга и раздеться до пояса». Мы разделись и гауптман, а с ним ещё два немца, стали обходить строй и осматривать каждого со спины. Вывели из строя четырёх человек. Мой сосед, стоявший рядом шёпотом сказал: «Мишку Богоявленского забрали» Я спросил: «Кто он?», а сосед ответил: «Младший лейтенант». Этих четырёх вывели из лагеря и поставили возле караульного помещения, а нам разрешили одеться. На территорию лагеря зашли два немца, один из них был в комбинезоне, они пошли в лагерьный клуб, затем один из них вернулся к воротам и повёл за зоной группу немцев. Нам приказали разойтись по баракам и закрыли окна. Вечером, на поверке, комендант лагеря через

переводчика сказал, что эти четверо виновны и их повезли в госпиталь в Бодо. Мы не понимали смысла сказанного. Через несколько дней один из немцев, пленные между собой называли его «кучер», получил и стал ходить с крестом и медалью. Один из охранников сказал, что крест и медаль он получил за казнь четырёх русских пленных.

Шёл апрель месяц 1945 года, мы обжились в лагере и стали больше доверять друг другу. В шестом бараке жили советские чиновники: прокурор, судья и другие начальники. Однажды переводчик привёл полицейского Бориса, который раньше работал в нашем лагере и он сказал охране: «Я знаю многих, кто делал подкоп и готовил побег в Швецию, я их выведу на чистую воду!». Начальник полиции, старший лейтенант, под видом проверки барачков обошёл бараки и в шестом сообщил зачем появился полицейский Борис. Вечером один из пленных, хорошо его знавший, пригласил его зайти в шестой барак, он согласился, но живым он оттуда уже не вышел. В бараке состоялся суд по всем законам СССР, был и прокурор и защитник. Его, как изменника Родины, присудили к высшей мере наказания, к смертной казни через повешение. Приговор привели в исполнение ночью, отвели под руки в туалет и там повесили. Утром, пока мы стояли на площади, немцы искали по барачкам Бориса, а нашли его в туалете. Привели собаку, но она след не взяла. В бараки нас загнали только перед обедом, ни завтрака, ни обеда нам не дали, выдали только ужин, правда с дневной нормой хлеба. После этого дня нас опять стали брать на работу. Пленные, работавшие на строительстве туннеля обратили внимание, что их заставили бурить шпурсы в начале тоннеля. Вскоре, один из норвежцев, работавших каким-то начальником, сказал, что в тоннель загонят русских пленных и подорвут вход, чтобы они все там умерли. Эта весть сразу же облетела весь лагерь. Кто верил этому, а кто и нет. Утром, на поверке, чтобы нас успокоить, комендант лагеря через переводчика сообщил нам, что на наш лагерь ожидается налёт английской и американской авиации, так как немецкое командование несёт за нас ответственность, во избежании потерь, необходимо провести тренировку и всем спрятаться в тоннеле. В это время прозвучала сирена и переводчик дал команду: «Колонной, бегом в тоннель!» Но не один пленный не тронулся с места. Комендант лагеря заорал и вызвал человек десять охранников, они стали нас избивать и гнать в тоннель. Тогда начальник лагерной полиции старший лейтенант Петлин Василий подошёл к переводчику и сказал, что весь лагерь знает, что их хотят замуровать в тоннеле, так как видели, что пленные бурили шпурсы у входа в тоннель по всей окружности. Переводчик перевёл всё это коменданту, тот что-то кричал, а потом крикнул солдатам и те прекратили нас избивать, подошли к коменданту и все вместе вышли из лагеря.

Через фиорд мы увидели, что норвежцы вывесили на своих домах свои национальные флаги. Нам дали команду разойтись по барачкам, позавтракали, обед выдали тоже вовремя, но нас всё время мучил вопрос: почему норвежцы вывесили свои флаги?

VIII. НОРВЕГИЯ. ПУТЬ НА РОДИНУ.

Четвёртый день нас не выводили на работу. Утром первого мая несколько норвежцев подошли к воротам лагеря и говорят: «Гитлер капут! Победа!» и попытались открыть ворота, но немцы им не дали. Второго мая мы увидели, что на вышках вокруг лагеря уже нет часовых, мы подошли к воротам и позвали начальника караула, с ним поручили говорить начальнику лагерной полиции старший лейтенант Петлин. Начальник караула пояснил, что комендант лагеря сердится, что мы не выполнили его приказ и не пошли в туннель, поэтому не разрешает снять охрану лагеря. Мы начали кричать и возмущаться, к воротам подошла группа немецких солдат, человек двадцать, и один из них зашёл в караульное помещение, вынес ключи, открыл ворота и, показав на дорогу, сказал: «Ком!». Мы боялись выходить за ворота, думали что это провокация, но когда из караульного помещения вышли солдаты с автоматами через плечо и пошли в казарму, а начальник караула повесил замок на караульное помещение и тоже ушёл, мы осмелели и вышли из лагеря. Некоторые из тех, кто работал в порту, пошли в порт, а вечером принесли с собой в лагерь большую рыбу. Третьего мая в лагерь пришла группа Красного Креста Норвегии и Швеции и объявила, что все пленные должны снабжаться продуктами по второй норме советских солдат и составили примерный перечень продуктов. Начальник лагерной полиции Петлин, взяв от каждого барака по два человека, пошёл на склад и принёс оттуда каждому по сто граммовому брикету сыра, десять сигарет, пачку табака и полбуханки хлеба. Когда нам стали всё это выдавать, нам даже не верилось в то, что происходит, но это было так. Сразу многие, в том числе и я, ринулись в порт и, у подъехавших на катере норвежцев, стали просить рыбу. Они на пальцах показали: две сигареты – одна рыба. Весила она килограмма четыре – пять. Я тоже выменял, сварил и добавлял её и к обеду и к ужину.

Не обошлось и без потерь. Наш друг, Долбёжкин Михаил, знакомый мне ещё по Рославлю, со своим другом земляком записался в Русскую Освободительную Армию и его вместе с другими добровольцами перевели в лагерь Бубик, откуда перевели всех пленных в другие лагеря, а туда направляли только добровольцев.

Записался в РОА и лагерный врач Спиридон. Числа десятого мая он пришёл в лагерь в гости к знакомому, но его жестоко избили. Один из пленных объяснил, что когда они готовили побег, подготовку возглавлял майор (фамилию он не назвал) и младший лейтенант Богоявленский Михаил, Спиридону поручили достать снотворное, чтобы вечером подсыпать в пищу охране, чтобы можно было забрать у них оружие. Но немцы обо всём узнали и, по рассказам норвежцев, майора и Мишку казнили за лагерь на горе, ударами кайла в грудь. Я предложил найти их трупы и похоронить, но он ответил, что они уже ходили, но ничего не нашли, по-видимому, трупы похоронили где-то в другом месте.

Примерно недели через две в лагерь приехал представитель командования Советской Армии и приказал оформить списки всех военнопленных по армейскому принципу (разбить всех на отделения, взводы, роты и т. д. офицеров и младших командиров оформить на соответствующие должности командиров отделений, взводов, рот). Когда он предложил назначить ответственного за эту работу почти все предложили старшего лейтенанта Петлина. Он переспросил: «Не

ошибаетесь ли Вы поручая ему эту работу?» Многие пленные стали выступать в его защиту. Смысл всего сказанного сводился к тому, что хоть Петлин и был начальником лагерной полиции, но это была только маскировка. Выслушав доводы пленных, представитель сказал: «Если это так, то быть по-вашему!» На прощание он сказал: «Скоро придет пароход и Вы все вернётесь на Родину» и уехал. Мы долго спорили, куда нас повезут, одни говорили, что в Мурманск или в Архангельск, другие утверждали что в Ригу или в Ленинград, были и другие варианты.

И вот объявили сбор, мы в лагере построились повзводно в соответствии с составленными списками и двинулись в порт. Получили питание на одни сутки и погрузились на пароход. Вечером пароход вышел из порта. Нам разрешили находиться на палубе и я по заходу солнца определил, что мы плывём на северо-восток, многие сразу решили, что везут нас в Мурманск или в Архангельск. Один пожилой солдат сказал, что везут нас прямо на Соловки. Я впервые услышал это слово и ничего не понял, тогда этот солдат разъяснил мне, что это острова, куда ссылают преступников и врагов народа, там они умирают от голода и болезней или их расстреливают, мало кто из них освобождается.

Я сильно расстроился, думал неужели и меня считают преступником и стал перебирать в памяти всю свою жизнь в колхозе, на фронте и в плену и никак не мог понять, почему я должен сесть в тюрьму да ещё такую жестокую. Увлёкшись разговором, мы и не заметили, как прошла ночь, пароход повернул и мы плыли уже по фиорду. Перед нами показался порт в который и направился наш пароход.

После того как мы причалили, поступила команда повзводно сойти на берег и построиться на портовой площади. На берегу мы встретили нескольких пленных и спросили у них какой это порт. Они сказали нам, что это порт города Нарвик. Тут же, на берегу мы увидели много английских моряков и некоторые горячие головы решили, что нас передадут англичанам.

Закончив построение, старший лейтенант Петлин подал команду: «Равняйся! Смирно!» и приложив руку к козырьку фуражки рапортовал какому-то представительному мужчине в шляпе и одетому в добротный плащ. Что докладывал Петлин, нам слышно не было, но после его доклада мужчина стал говорить с нами, он сказал, что является послом СССР в Норвегии, назвав свою фамилию (я её уже забыл), поздравил нас с победой над Германией, пожелал успешно вернуться на Родину и много-много другого. В конце своей речи он сказал, что если у нас будут возникать какие-нибудь недоразумения или конфликты, то чтобы обращались к нему.

Пришли сопровождающие и отвели нас в бараки, где накормили и предложили отдохнуть после ночи, проведённой на пароходе. В бараках стояли аккуратно заправленные кровати с одеялами и подушками. Некоторые хотели сходить в город, но на воротах стояли дневальные и не выпускали никого за пределы лагеря. Старший лейтенант Петлин вызвал их командира, и пришедший начальник караула пояснил, что завтра у нас будет работать комиссия и после комиссии можно будет выходить в город. Мы успокоились и разошлись по баракам.

Утром, как обычно, прозвучал армейский сигнал «Подъём!». После

зарядки и туалета нас пригласили в столовую на завтрак. Мы по одному подходили к окошку и получали суп, хлеб и чай, садились за стол и ели. Я вспомнил, что так по-человечески я ел только года три-четыре назад и был очень рад, что жизнь налаживается.

После завтрака нас повзводно стали уводить на комиссию. Нас привели к какому-то одноэтажному зданию, на фасаде которого висело шесть или семь флагов, в том числе и наш флаг СССР. Около здания стояло три стола буквой «С», а внутри стоял стул, за столами тоже стояли флаги. К строю подошёл человек в гражданской одежде и объявил, что сейчас каждый из нас, по одному, должен подойти к стулу и ответить на вопросы комиссии. Комиссия состояла из семи человек, по одному от США, Англии, Швейцарии, Норвегии, Швеции, от СССР был полпред Виноградов и ещё был представитель от Красного Креста.

Мы, переговариваясь, друг с другом, гадали, какие же вопросы нам будут задавать. Вот подошла и моя очередь, я подошёл к стулу и стал сзади его, полпред СССР сказал: «Пожалуйста, садитесь» и я сел на стул. После этого человек, одетый в чёрный костюм (как я позже узнал – это был шведский представитель Красного креста) задал мне по-русски первый вопрос: «Желаете ли Вы возвратиться на Родину?». Я ответил: «Да!». «Откуда Вы родом?» спросил он. Я назвал свой домашний адрес. Судя по всему, они сверили его по документам (по видимому мой адрес был также записан у них в бумагах) и спросили: «Вы жили на Украине? Какая у Вас национальность?». «Украинец» – ответил я – «у меня и отец, и мать, и бабушка, и дедушка, и бабушка – все украинцы!». Далее последовал вопрос: «Не боитесь, что после возвращения домой Вас будут судить как изменника Родины за то, что вы сдались в плен?» Я ответил, что в плен меня забрали как гражданское лицо, руки я не поднимал и в плен добровольно не сдавался. После этого комиссия что-то шепотом переговорила между собой и председатель комиссии, швед, сказал: «Желаю Вам счастливого пути и счастливо добраться домой!» Эти долгожданные слова после трёх лет плена так на меня подействовали, что глаза мои наполнились слезами и я чуть было не заплакал. Я сказал: «Спасибо!», но голос мой дрожал и наш представитель стал меня успокаивать: «Не волнуйтесь, скоро вы поедете домой!»

Заседание комиссии длилось три дня, всё это время мы жили спокойной, размеренной жизнью. Мой земляк Боднар Иван (он правда из Христиновки) рассказывал мне, что из их взвода Носов отказался от возвращения на Родину и его забрали то ли американцы, то ли англичане.

На третий день утром, когда закончилось заседание комиссии, нас накормили и выдали сухой паёк на сутки. Через несколько часов нас построили повзводно и перед строем выступил какой-то человек, говорящий по-русски, который сказал небольшую напутственную речь в заключении которой сказал, что все мы являемся советскими солдатами и поэтому должны вести себя достойно и пожелал нам счастливого пути. Подали команду и мы повзводно пешком пошли на железнодорожную станцию Нарвик. Там нас распределили по вагонам. После окончания посадки железнодорожники проверили состав и мы тронулись в путь. Нас удивляло то, что мы ехали без охраны, общаясь между собой мы надеялись, что действительно пришла долгожданная свобода. Примерно

через час пути мы проезжали по мосту через глубокое ущелье (глубиной метров 300-400) многие боялись, но состав на малой скорости благополучно преодолел это препятствие.

Утром остановились на какой-то станции. Когда рассвело, мы пошли к зданию вокзала и скорее догадались, чем прочитали, что название станции Буден. На этой станции мы простояли весь день и всю ночь. Многие ходили по городку и возвращаясь, рассказывали об увиденном. Я в город не ходил, был только на вокзале и на привокзальной площади. Многие жители и мужчины, и женщины, завидя нас обязательно приветствовали по-шведски, а мы отвечали им по-русски.

Вечером начальник поезда нас предупредил, чтобы мы никуда не отлучались, потому что ночью поедем дальше, если кто-то отстанет или уйдёт умышленно, то будет привлекаться к ответственности как дезертир.

Ночью нас перевезли на станцию Лулео. По команде мы вышли из вагонов и пешком проследовали в порт, где нас уже ждал гражданский пароход. Нам объявили, что на нём мы отправимся на Родину. В ожидании погрузки снова разгорелся спор о том, куда нас повезут. Одни говорили - в Ленинград, другие – в Таллин, мотивируя тем, что Таллин ближе, а находились и такие, которые утверждали, что нас отправят в Ригу. Кто-то предложил спеть песню для шведов и я затянул: «Ой при лужку, при луне, при знакомом поле...» меня дружно поддержали другие и сразу напротив нашего взвода стали собираться шведы. Когда песня закончилась, из толпы шведов раздались голоса: «Катюша!.., Катюша!..» и я запел «Катюшу». Как же мы были удивлены, когда многие шведы стали петь вместе с нами.

Здесь же в порту на лодке плавали две девушки и когда мы закончили петь, они затянули песню про Москву и мы с радостью слушали:

*...Кипучая, могучая, никем непобедимая,
Страна моя, Москва моя, ты самая любимая!..*

Но появилось начальство и сообщили что вскоре начнётся погрузка и поэтому необходимо упаковать вещи, так как на море возможна болтанка и вещи могут растеряться. В это время из толпы появился толстый швед с бокалом пива и стал кричать: «Дружба!, дружба!...» и залпом выпил бокал пива. Колонна пришла в движение и направилась к пароходу, а шведы стали расходиться.

Когда мы поднялись на пароход, то я в трюм не пошёл, а разместился на палубе, где уже сидели часть освобождённых. Мимо проходил гражданский моряк и мы наперебой стали спрашивать его куда же нас повезут. Он назвал город Оулу, такого города никто из нас не знал (как позже оказалось, он находился в Финляндии). К вечеру мы отчалили от причала, сначала плыли по фьорду, а затем вышли в открытое море. Плыли четырнадцать часов, в том числе и ночью, я даже пожалел, что устроился на палубе, так как ночь была холодная. Часов в семь утра нас выгрузили с парохода в порту и мы пешком пришли на станцию Оулу. Наш командир роты, старший лейтенант Петлин, отправился на станцию и узнал, что русского представителя ещё нет и придется ждать дня два-три. Но что-то его насторожило в этой ситуации. Среди нас был старший

сержант (фамилию его я забыл) по национальности карело-финн, в совершенстве владевший финским языком, решили, взяв его на станцию переговорить по телефону с советским консулом в Хельсинки. Договорились, что вначале с финнами будет разговаривать Петлин. На вокзал нас пришло человек семь, Петлин попросил, чтобы срочно, в нашем присутствии, вызвали советского консула в Хельсинки, работники станции вызвали Хельсинки и стали разговаривать по-фински, так, что мы ничего не понимали. Вдруг старший сержант подошёл к столу, попросил по-фински трубку. Разговаривающий с недовольством дал ему трубку. После окончания разговора старший сержант сказал нам, что пообещали отправить нас в СССР в течении трёх часов. Стоявшие рядом финны стали с ним разговаривать, а один подошёл и стал внимательно рассматривать его ухо (как позже мне объяснили, что финны носят одну серёжку в ухе).

По видимому наш разговор подействовал и к обеду нас уже отправили в путь. Железная дорога через Финляндию пролежала среди лесов и большого количества озёр, по некоторым из которых даже плавали катера. На рассвете нас остановили на какой-то станции, где мы простояли более часа. Петлин ушёл узнать в чём дело и вернувшись доложил, что происходит передача состава, так как следующая станция находится уже на территории Советского Союза. Мы все столпились у окон и дверей, чтобы не прозевать момент пересечения границы. И вот, наконец, свершилось! Мы увидели пограничные столбы и пограничников в зелёных фуражках. Нашей радости не было предела! Наконец-то дома! Вдруг один из солдат закричал: «Это же станция Лужайка! Я здесь служил и принял первый бой с немцами и финнами.

IX. НА РОДИНЕ. СНОВА В АРМИИ.

Наш состав прибыл на станцию Выборг, там его перегнали в какой-то тупик, отцепили паровоз и выставили охрану из пограничников. Подали команду на выход со всеми вещами. Подошли командиры пограничников и капитан пограничной службы произнёс небольшую речь, поздравив нас с прибытием на Родину, а в конце речи предложил у кого имеется боевое или холодное оружие – добровольно сдать его, в противном случае скрывшие оружие будут привлекаться к ответственности в уголовном порядке. К нему стали подходить солдаты и сдавать пистолеты и финки. Один из солдат остановился возле капитана и что-то рассказал ему. Он послал двух пограничников и они привели одного из бывших военнопленных. Капитан объявил: «Кто ещё служил у немцев и в РОА прошу добровольно выйти из строя!», но таких больше не оказалось. Арестованного посадили в пустой вагон, находящийся через двое путей от нашего состава и поставили двух пограничников часовыми. Начался досмотр личных вещей, проверяли вещмешки и лишние вещи заставляли сдавать (у многих было постельное бельё, одежда и другие товары, у меня был выменянный на сигареты английский костюм, который мне оставили). Вскоре подъехала кухня и нас накормили. Между нашим составом и путями, на которых стоял охраняемый вагон с власовцем медленно двигался состав, власовец

неожиданно выпрыгнул из вагона и лёг под колёса идущего поезда и погиб у нас на глазах. Все стали обсуждать это происшествие. Один из пограничников рассказал, что он был москвич 1922 года рождения, не женат, и добавил: «Собаке – собачья и смерть!» Один из пожилых солдат сказал: «Этим он спас своих родителей от преследования». Я этого слова не понял и переспросил его: «Что это значит?» Он сказал, что этого он и своему врагу не пожелает.

Ночь проспали в вагонах на путях под Выборгом, утром как всегда подъём, построение, завтрак, получили сухой паёк на сутки и часов в девять посадка в вагоны и в путь. Ехали через Ленинград. На город было страшно смотреть, кругом одни руины. На вокзале была остановка только для замены паровоза и мы тронулись дальше. Когда проезжали бывшую линию фронта, то видели изрытую снарядами и окопами землю, на сколько видел глаз, только кое-где одиноко стояли стволы деревьев без листьев и веток.

Сделали остановку в Чудово, один из солдат сказал, что мы едем на Москву, а сам он был родом из Калинина. На станции Бологое он и старший лейтенант Петлин дали телеграммы: солдат - родным в Калинин, а Петлин - жене и родителям в Москву. В Калининской остановке почему-то не было. Солдат увидел своих родителей и успел только поприветствовать их и помахать им рукой, мы всем вагоном переживали за него.

Ночью прибыли в Москву на какую-то товарную станцию, до утра нам запретили удаляться от состава. Вскоре прибыл майор, сказал, что он назначен ответственным за наш состав и категорически запретил даже выходить из вагонов. Петлин написал на бумажке номера телефонов и передал железнодорожнику, чтобы тот позвонил его родителям и сообщил где он находится. Вскоре приехали его отец и мать, майор разрешил им свидание. Мы из вагонов наблюдали их встречу и радовались за них. Вскоре приехала жена и мы были удивлены тем, что он к ней даже не подошёл, она постояла некоторое время, потом заплакала и ушла.

Объявили построение на обед, встал в строй и Петлин. Мы сразу засыпали его вопросами, что рассказывали родители о жизни в Москве и во всей стране. Он сказал: «Всё хорошо, жизнь потихоньку налаживается, только моя жёнушка вышла замуж и я её выпроводил несолоно хлебавши».

Мой лагерный друг, Семин Прокофий Яковлевич, с которым мы прошли все лагеря от Рославля и до этого дня, тоже был москвич, до войны он жил в милицейском городке. У него в Москве жила жена с ребёнком. Я спросил у него: «Прокоша, а ты почему не вызвал своих родных?» Он ответил: «Вызывал семью по телефону, но получил ответ, что такая здесь не проживает». Он был сильно удручён этим известием. Мы стали его утешать, может быть она куда-нибудь переехала, а он грустно отвечал: «А вдруг она погибла под бомбёжками?»

В Москве на станции мы простояли около суток, к вечеру нам выдали солдатский паёк на трое суток и мы поехали дальше. Перед отправкой Петлин спросил у майора куда нас повезут и тот сказал, что в город Муром на завод. На станции Муром наш состав осмотрели железнодорожники, прицепили новый паровоз и мы тронулись дальше.

Уже в пути узнали, что нас отправляют в 169 полк 252 дивизии.

На станции Зелёный Дол нас долго перегоняли с одного пути на другой, пока ночью не отправили дальше. Утром нас выгрузили на станции Суслонгер, недалеко от Йошкар-Олы Марийской АССР, Станционный посёлок небольшой, до ста домов, здание станции – одноэтажный домик для дежурных по станции. Утром нас построили и пешком направили в расположение части. Земля – песок с редко встречающимися травой и кустами. Пройдя километра два, мы увидели расчищенную площадку с помостом, сделанным из тонких сосенок. На нём располагались два ряда скамеек и трибуна для выступлений. Офицеры встретили нас перед трибуной и провели небольшой митинг. Нам сообщили, что мы прибыли для прохождения дальнейшей службы в 169 полк 252 Харьковской дивизии. После митинга нас повели в расположение полка, располагавшегося примерно в пятистах метрах от площадки.

Территория полка была ограждена колючей проволокой с воротами и часовыми. К нам подошли несколько офицеров и стали называть номер роты и взвода, а командиры рот и взводов докладывали о составе рот и взводов. Проверив наличие бойцов, нас развели по казармам. В части было человек сто призывников 1927 года, которых не успели отправить на фронт.

Военный городок состоял из нескольких двухэтажных домов, двух казарм и полужемлянок-полубараков, окна которых находились у самой земли. Внутри, чтобы песок не сыпался сквозь щели, они были обшиты тонкими жердями. Из таких же жердей были сделаны и нары. Рядом с каждым таким строением стояли столы для приёма пищи солдатами. Где-то в полукилometре от расположения части было озеро, на берегу которого была пекарня и склады продовольствия. Туда каждый день ездили за хлебом и продуктами для столовой на примитивной будке на четырёх колёсах, которую тащили десять солдат. Нас всех поселили в нескольких таких жилищах, в одном из которых был штаб. Первую ночь почти никто не спал, нас одолевали клопы, которых здесь было в изобилии.

Утром на построении нас снова проверили повагонно и объявили, что из нас формируют батальон ПТР (противотанковых ружей). Так 2 июня 1945 года я стал командиром отделения в батальоне ПТР. Командиром батальона был назначен капитан (фамилию его я не помню).

За территорией полка стояло с десятков одноэтажных домиков и два двухэтажных дома, срубленных из брёвен. В этих домах жили офицеры. Кроме этого строились ещё несколько двухэтажных домов. Каждый день одна из рот освобождалась от занятий и уходила за 8-10 километров в лес, за шестиметровыми брёвнами для строительства. Брёвна носили вручную. Я тоже два раза носил брёвна, но вскоре, на утренней проверке выступил начальник штаба и спросил: «Есть ли среди Вас штабные работники?», но таких не оказалось, тогда он спросил: «Есть ли работники, которые работали в учреждениях?» Нас вышло из строя три человека, он каждого расспросил, кто, где и кем работал и приказал следовать за ним. Мы пришли в штаб, где он устроил нам экзамен: раздал по листку бумаги и продиктовал несколько предложений из газеты. Мы написали и отдали ему листки, он подписал их и оставил у себя, а нам велел идти в расположение своих частей.

Утром после зарядки пришёл связной и приказал мне явиться в штаб. Я стал вспоминать, чем я мог провиниться. Начальник штаба поздоровался со мной и сказал: «Идите за проходную, Вас пропустят, в штаб полка, скажете дежурному, что идёте в особый отдел». Когда я пришёл в особый отдел, там сидел старший лейтенант, он попросил меня рассказать биографию. Я подробно рассказал всё, вплоть до того момента как приехали сюда. Он задал мне несколько уточняющих вопросов, затем снял трубку и позвонил на проходную, чтобы меня пропустили обратно в батальон без пропуска. Я подошёл к проходной, дежурный спросил мою фамилию, я ответил, но он сказал: «Подождите», так как открыл ворота, пропуская в часть стрелковую роту, возвращавшуюся с занятий. Когда рота проходила мимо меня, я узнал в строю Литвиненко Ивана Мефодьевича, односельчанина. Я спросил у дежурного, где располагается эта рота. Он подозрительно спросил: «А зачем Вам это надо знать?» Я объяснил ему, что в одном из солдат узнал земляка, тогда он ответил, что это третья рота и показал барак, где она располагалась.

Вернувшись в штаб батальона, начальник штаба поручил мне заполнять карточки на всех солдат, побывавших в плену. Они отличались от прочих красной полосой по диагонали. Первую карточку я заполнил на себя, ответил на все вопросы написанные в карточке и подал её начальнику штаба. Он просмотрел, и приказал заполнять следующие карточки. Так я проработал недели две, пока не заполнил карточки на всех солдат батальона. Эти карточки позже отправлялись в Москву.

Четвёртого июля вечером я отпрашиваясь у комбата провести земляка в третьей роте. Когда я подошёл к расположению роты, они как раз кушали за столами на улице. Я увидел Ивана Мефодьевича, подождал пока он поест, подошёл к нему и поздоровался. Он ответил на моё приветствие, но по тону я понял, что он меня не узнал, а подошёл к крану, вымыл котелок и ложку и остановился напротив меня, видя, что я не ухожу. Я спросил у него, что слышно из дома, где его сестра Параска, как себя чувствует тётка Вёкла. Он ответил, а потом замолчал и стал внимательно смотреть на меня, а потом вдруг как закричит: «Мишка! Ильченко!!» Я ответил: «Он самый!» Мы крепко обнялись и все солдаты, которые были вокруг, подошли к нам и стали слушать нашу беседу, воспоминания о доме, о жизни до войны. Наговорившись, мы расстались и я вернулся в расположение батальона, доложив дежурному о возвращении. Утром я рассказал в штабе, что встретил в третьей роте земляка, мне сказали, что так бывает довольно редко. Вскоре я впервые написал письмо домой и сообщил, что я жив и здоров, но больше писем решил не писать, пока не закончится наша проверка.

Через несколько дней старшие возраста стали оформлять на демобилизацию, а с ними и вторую половину солдат 1927 года рождения. Мне поручили выбрать личные дела тех призывников, которые родились после 1 июля 1927 года, на следующий день мне поручили вызывать каждого по этому списку и заполнить данные: где родился, где проживают родители в настоящий момент, до какой станции он будет ехать и другие данные. Как потом выяснилось, им перенесли призыв на весну 1946 года и отправили домой.

Однажды в части произошло чрезвычайное происшествие. Обед в столовой получали дежурные каждой роты отдельно и затем несли в расположении роты и там раздавали всем солдатам. В один из дней в столовой дежурил один из взводов нашего батальона, во время обеда прибегает в казарму солдат Потапов Иван Гаврилович и кричит, что в столовой офицеры с пистолетом кидаются на наших солдат. Все, кто был свободен (человек двести) кинулись в столовую. Видимо о происшествии узнали и в штабе, так как все работники штаба, за исключением дежурного тоже направились в столовую. В столовой толпа солдат окружила двух лейтенантов, которые вытащили пистолеты и размахивали ими. Начальник штаба приказал лейтенантам спрятать пистолеты и объяснить что произошло.

Солдат Ткаченко попросил принести другого солдата ведро с супом и кашей, как улику, и рассказал следующее: будучи дежурным по кухне, он заметил, что с задней стороны столовой подошла с пустым ведром жена одного из лейтенантов и повар стал наливать ей в ведро суп и кашу. Он позвал солдат и они отобрали ведро, но женщина стала им угрожать, что придёт её муж, и вы все сгниёте на гауптвахте. Вскоре пришёл муж, стал кричать и угрожать пистолетом. Солдаты, дежурившие по кухне, заступились за Ткаченко, но лейтенант позвал проходящего мимо другого лейтенанта, сказав, что в столовой бунтуют солдаты и их надо усмирить. В это время подошла с ведром и жена второго лейтенанта. Солдаты забрали у неё ведро и не дали повару наливать суп и кашу. Повар сказал, что не желает из-за этого сидеть на гауптвахте, тогда Потапов пошёл звать солдат на помощь.

Начальник штаба всё внимательно выслушал и приказал лейтенантам следовать в штаб полка, а солдатам, кроме дежурных, разойтись в расположение своих рот. Суп и каша, которые оставались в ведре были отданы в роту, в которой служили в основном молодые, они очень обрадовались неожиданной добавке.

Утром в штабе я узнал, что эти два лейтенанта солдатским пайком откармливали свиней и, чтобы не допустить трибунала, командир полка ночью отправил их из части вместе с семьями. Кто говорил, что их демобилизовали, а кто – что перевели служить в другую часть.

Шла размеренная казарменная жизнь, стариков и молодёжь демобилизовывали и отправляли по домам. Вдруг утром девятого августа, пронзительно завывала сирена, дневальные объявили полковое построение. Мы строем прибыли на площадь. Перед нами выступил комиссар полка с речью и объявил, что сегодня наша доблестная Красная Армия перешла границу Японии, и начался последний этап ликвидации фашистского блока – разгром милитаристской Японии. После митинга все разошлись по своим казармам, а к вечеру нас стали рассортировывать. Солдат, имеющих три ранения, а также подлежащих демобилизации по возрасту, переселили в отдельный барак. Начались усиленные занятия по боевой подготовке и изучению оружия. Время шло быстро и 22 августа, по тревоге, нас привели на станцию Суслонгер и погрузили в вагоны. Командир нашего полка был подполковник Андронов, командир батальона капитан Цирюльников, я вернулся к исполнению обязанностей командира отделения. Нам объявили, что мы едем на Дальний Восток для пополнения действующей армии.

24 августа мы прибыли в город Свердловск, где наш состав загнали в тупик, нам выдали сухой паёк и брикеты каши и разрешили варить еду. Все занялись приготовлением еды. В это время мимо нас проходил наш командир роты Петлин, и мы спросили что случилось, почему мы не едем дальше. Он объяснил, что дивизия, в которую мы ехали на пополнение, отказалась нас принимать и командир полка вылетел в Москву за новым назначением. На третий день нам объявили, что война с Японией подходит к концу, а нас передают в распоряжение строительного управления № 24 Южно-Уральской железной дороги в городе Челябинск. Передача произошла быстро, наша рота попала на станцию Миасс посёлок Мелентьевское, где мы приступили к монтажу электролинии Челябинск-Златоуст. С нами было всё командование батальона во главе с капитаном Цирюльниковым.

Второго сентября был предпраздничный день в честь дня победы над Японией, и нам дали увольнительные. Мы, втроём с друзьями, отправились в Октябрьский дом культуры, где познакомились с тремя подругами. Разбившись на три пары, мы отошли от дома культуры и стали разговаривать. Во время разговора я держал свою спутницу под ручку, а она прижималась ко мне. В это время мимо проходил патруль: старший лейтенант и два солдата. Моя подруга стала от меня вырываться, я её отпустил. Когда патруль подошёл ближе, то старший лейтенант скомандовал: «Смирно!» и объявил мне за нарушение десять суток ареста, приказал солдатам снять с меня ремень и под конвоем направил меня на гауптвахту. Я так и не понял за что я получил десять суток ареста. Утром меня вызвали в штаб, там был капитан Цирюльников и старший лейтенант – командир патруля. Цирюльников сказал старшему лейтенанту: «Снимите арест и извинитесь перед ним!» Старший лейтенант со слезами на глазах снял с меня арест, попросил прощения и спросил разрешения уйти. После его ухода капитан Цирюльников спросил: «Где вы встретили его жену?» Я подробно рассказал как всё произошло. Капитан выслушал меня и сказал: «Надо ему свою жену сажать на гауптвахту, когда в наряд идёт, а не солдат невиновных».

Однажды вечером, на проверке, старшина спросил: «Все, кто умеет косить, выйдите из строя!» Нас вышло человек двадцать. Он сказал, чтобы мы готовились на завтра с утра ехать в колхоз, где надо скосить 200 гектар ржи, за эту работу колхоз для нашей столовой даст три тонны гороха и три тонны картошки. Утром, после подъёма, мы вышли к проходной, нас посадили в машину и привезли в село Шахматово, где распределили по квартирам. Нас четыре человека поселили в хату к Золотухиным, где жили старая свекровь и её невестка Нина с дочкой Галей. Позже свекровь рассказывала, как она жила при царе, и говорила, что сын её погиб на войне. Утром мы пошли на работу, получили косы, нас привели к полю и старшина сказал: «Когда закончите – вернётесь в часть».

Вечером, после работы, мы вышли погулять на улицу, к нам подошли местные девчата и одна из них говорит: «А вы мой сосед!». Мы познакомились, девушку звали Кожевникова Маруся. И вскоре, в разговоре, говорит: «Я хочу за вас замуж», я ответил, что солдаты не женятся, тогда она сказала, что будет добросовестно ждать меня, пока

меня не демобилизуют. Я встречался с Марусей в течении нескольких дней. Однажды, во время ужина, бабушка говорит Нине: «Надо напилить дров, а то кончатся». Хлопцы начали ворчать: «Целый день коси, а вечером

ещё и дрова пили». Я сказал: «Им же не на чем будет нам варить еду» и вызвался помочь. Бабушка крикнула, как обычно свекровь кричит на невестку: «Нина, человек идёт пилить дрова, а ты где-то шляешься!». Пила была острая и мы быстро напилили куб дров, после чего я взял топор и начал колоть дрова. В это время пришла соседка Маруся и стала звать меня гулять. Нина стала с ней ругаться и она ушла. После того, как я закончил работу, я вышел на улицу погулять. Там стояло несколько девчат, и среди них была Маруся. Я подошёл к ним, а Маруся поднялась на цыпочки (она была ниже меня ростом) и поцеловала меня, а девчатам сказала: «Я так люблю Мишу, что хоть сейчас пойду с ним в ЗАГС». Одна из девчат сказала: «Ты не сильно спеши», но она ответила: «Я всё выполню, что он скажет и честной дождусь его из армии».

Прошло несколько дней, мы скосили уже половину поля. Однажды, когда я пришёл с работы, увидел приготовленный ужин, можно сказать праздничный. Нина встретила меня во дворе, когда я стал умываться, она поливала мне воду, потом дала вытереться чистым полотенцем, она радуется чему-то, вдруг лезет обнимает меня, целует и говорит: «Миша, танцуй, тебе письмо!». Я забрал у неё письмо и был крайне удивлён, прочитав на конверте адрес: Челябинская область, Чебаркульский район, дер.Шахматово Золотухиной Нине, но адрес был написан рукой моей сестры Оли. Я стал читать письмо. Оля сообщала, что они все живы и здоровы, в боях на Курской дуге погиб наш старший брат Иван, Гриша служит в Будапеште, рассказывала, что у них в гостях был Литвиненко Иван Мефодьевич и рассказывал как встречался со мной в Норвегии и в Суслонгере, так как он был 1911 года рождения, его демобилизовали. Дальше в письме следовали одни упрёки: почему я не сообщил, что у меня есть тёща, жена и дочка, которой уже три года (очевидно Нина написала, что мы женаты). Я удивился, ведь свой адрес я сообщил только в КГБ на допросе и писем домой не писал, чтобы не преследовали родственников за то, что я был в плену. Я сильно рассердился на Нину, за то, что она наврала в письме, и на сестру Олю, за то, что она этому вранью поверила. Весь вечер Нинка вертелась возле меня, никуда не пуская, но я хотел всё обдумать в одиночестве и вышел на улицу. Поскольку Маруся жила по соседству, она сразу же вышла на улицу ко мне. Я, в обиде, рассказал ей про письмо, а она стала рассказывать неизвестные мне стороны жизни Нины, как она ездит к завхозу подсобного хозяйства Фёдору, как к ней приезжает из Челябинска лейтенант КГБ и многое другое, я слушал и думал как мне быть.

Нам осталось косить ещё дней пять, тем более, что после обеда приехал старшина и привёз нам паёк на пять дней. Это подтвердило наши предположения. В один из этих дней к нам на поле, в обеденный перерыв, приехал председатель колхоза и шутя сказал женщинам, которые убирали за нами рожь: «Какая из вас облюбовала себе мужа, мы её премируем, а перед командованием будем ходатайствовать, чтобы его после демобилизации прислали к нам в колхоз». Вечером,

когда я пришёл домой, меня ждала Маруся Кожевникова и спеша стала рассказывать, что Нина уходила с лейтенантом КГБ в посадку и два часа отсутствовала, а в конце сквозь слёзы сказала: «Если Вы меня не любите, то прошу Вас, ни в коем случае не сходитесь с Нинкой, мне Вас жалко!». Я был расстроен и хотел побыстрее вернуться в часть. Когда мы закончили косить, за нами пришла машина. Провожать нас вышло полсела, пришла и Нина, подошла ко мне и говорит: «Я буду просить старшину, чтобы тебя оставили у нас». Я разозлившись сказал: «А что я буду делать, когда приедет КГБист и ты с ним уйдёшь в посадку?» Она постояла несколько минут и ушла. Когда дали команду садиться в машину, ко мне подошла Маруся со слезами на глазах, поцеловала меня и сказала: «Я тебя Миша буду ждать сколько потребуется» и мы уехали в часть.

После праздника победы над Японией наши командиры все уехали, а нами стали руководить железнодорожное начальство, которое нам объявило, что нас передали им как в трудармию, и что до демобилизации мы будем работать на предприятиях управления.

Так закончилась моя вторая служба в армии, которая продолжалась с 2 июня по 28 августа 1945 года в первом учебном полку 252 Харьковской дивизии.

Х. ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Нас стали вызывать по спискам и объявлять, кто где будет работать. Наша команда, состоящая из пятидесяти человек, ближайшим пригородным поездом поехала в город Челябинск, где нас встретил начальник отдела кадров Комбината промышленных предприятий №24 (КПП№24). Поселили нас в общежитии, которое находилось в клубе ПЧ-7 (путевая часть №7). Утром часть нашей группы направили на работу на строительство кинотеатра имени 30-летия ВЛКСМ, который строился недалеко от железнодорожного вокзала по улице имени Цвиллинга, а другую часть – на строительство восьмиквартирного жилого дома. Я попал на строительство жилого дома к прорабу Роговскому подсобником каменщика. Дом строили из шлакоблоков. Кассир привёз нам аванс по 200 рублей и выдал карточки на хлеб, мясо, рыбу и на крупы.

Изменился и наш распорядок дня. Дневальных уже не назначали и все мы ходили на работу, кто на строительство домов, кто на строительство кинотеатра и другие работы. В зале, где мы располагались и отдыхали, сидела дежурная, еврейка Дора, которая в основном сидела на месте и вязала. Через некоторое время мы заметили, что стали пропадать вещи: ботинки, сапоги, костюмы и другие вещи. Мы долго не могли определить, кто же ворует и стали даже подозревать кое-кого из своих. Но однажды произошёл случай, который всё прояснил. Несколько наших ребят назначили на работу в ночную смену и они рано вечером легли отдохнуть перед работой. Один из них услышал как со стороны окна кто-то шёпотом говорил: “Попадавай новые вещи, не бери старое барахло”. Он встал и увидел, что возле кровати стоит ФЗУшник и в руках держит ботинки. Он спросил его: “Что ты тут делаешь?”, а тот отвечает: “Я приехал в гости к брату и буду тут спать”, поставил ботинки, поднял одеяло и лёг на кровать. Дора, как всегда, возле дверей вязала носки.

“Дора! Кто это здесь ходит?” - спросил наш парень, но услышав у себя за спиной шорох, повернулся и увидел, что ФЗУшник уже вылезает через окно. Он схватил ФЗУшника за ноги и стал звать на помощь. Подбежало несколько человек и втащили ФЗУшника назад в общежитие, а несколько человек побежали на улицу, чтобы поймать его сообщников, но те уже убежали. Стали допрашивать задержанного ФЗУшника, но он ничего не говорил. Вскоре с работы пришли ещё несколько человек у которых пропали вещи и стали его избивать, он стал просить, чтобы его не били и сказал, что во всём признается. Вот что он рассказал. Вся их группа подчиняется Борису, который даёт им задания на какую сумму надо украсть вещей, а где этот Борис живёт, он не знает. Его снова стали бить, тогда он назвал адрес Бориса в посёлке Медведевка. Ребята посоветовались между собой и человек шесть пошли за Борисом и привели его в клуб. Он был коренастый, среднего роста, в морской форме и с орденом “Боевого Красного Знамени” на груди. Узнав, в разговоре с ним, что он не служил в армии и на фронте не был, орден с него сняли. Кто-то, из сидевших в тюрьме, предложил сделать ему “тёмную”: набросили на него одеяло, чтобы он ничего не видел и стали его бить чем попало и кулаками, и ногами, а некоторые табуретками. Борис стал просить, чтобы его не били. С него сняли одеяло, лицо и руки у него были в синяках и кровоподтеках. Он сказал: “Ребята, отпустите меня, и в общежитие больше никто не залезет и вас никто в городе не тронет”. Ещё немного поговорив с Борисом, ребята позвонили во второе отделение милиции, и отдали приехавшему наряду ФЗУшника, Бориса и его орден. Как показала дальнейшая жизнь, Борис своё слово сдержал, воровство в общежитии прекратилось. И был ещё случай убедиться в честности его слова (а может быть нас просто стали бояться). Дорога к клубу проходила от вокзала через железнодорожные пути и местами была довольно безлюдна. Однажды вечером мы вдвоём возвращались с работы и вдруг от моста подходят к нам три парня, посветили фонариком нам в лицо и один из них сказал: “Пошли отсюда, это люди из клуба ПЧ-7” и ушли, а мы спокойно дошли до общежития.

Позже ребята, обозлённые на ФЗУшников, дрались с ними, провоцируя их на кражу, называли они это «почесать кулаки». Происходило это так: группа наших ребят выходила в выходной в город, один из группы отделился и разыгрывал из себя деревенского парня, впервые попавшего в город. Он глазел по сторонам, останавливался у витрин магазинов а, завидев вблизи группу ФЗУшников, доставал из кармана деньги, завёрнутые в носовой платок, и что-нибудь покупал, обычно мороженое. Потом ложил деньги назад в карман так, чтобы край платка торчал из кармана, останавливался у какой-нибудь афиши и начинал её внимательно рассматривать. Когда кто-нибудь из ФЗУшников, видя такую лёгкую добычу, вытаскивал из кармана платок с деньгами, подбегали остальные наши ребята, наблюдавшие за всем происходящим со стороны, и начиналась драка. Я в этих развлечениях не участвовал, мне было жалко голодных ФЗУшников.

Вскоре мне пришла повестка с просьбой явиться в линейный отдел КГБ (Комитет Государственной Безопасности) при Южно-уральской железной дороге. В КГБ со мной беседовал младший лейтенант Кожевников, он расспрашивал где я родился и как прожил свою жизнь. Я подробно всё

ему рассказал и между прочим сказал, что наш командир роты Петлин говорил, что за спасение жизни политрука в плену мне положена награда. Беседа шла спокойно до того момента, пока он не стал писать протокол. Когда дошло до того момента, как я попал в плен, он записал, что я сдался добровольно. Я стал возражать, я в плен в бою не сдавался и руки вверх не поднимал, а меня задержали как гражданского человека без документов. Он стал настаивать на своём, тогда я сказал, что такой протокол я не подпишу. Он стал кричать на меня и сказал: «Вы рассказываете, что командовали ротой, так какой же из вас командир, если вы оказались в плену, вы, как командир роты, должны были застрелиться!» Я в горячке сказал ему: «Вам хорошо рассуждать об этом, сидя за две тысячи километров от фронта, тут вы конечно никогда в плен не попадёте!» Младший лейтенант покраснел, открыл стол, взял из стола пистолет и стал кричать, размахивая передо мной пистолетом: «А теперь расскажи, как и где ты выдал немцам политрука!» Я ответил: «Я вам рассказал всю правду, командир полка майор Нестеров и политрук Евлаков из Рославльского лагеря уехали с этапом военнопленных в офицерский лагерь, и я больше о них ничего не знаю». «Так я тебе и поверил» – ответил он – «Ты лучше расскажи правду, чтобы не тратить время на их розыск». «Я рассказал чистую правду, другого я ничего о них не знаю, поэтому и рассказать больше ничего не могу». Так он кричал на меня и размахивал передо мной своим пистолетом с десяти утра и до пяти вечера. Я был подавлен и от несправедливости заплакал навзрыд, как ребёнок, потом немного успокоившись сказал младшему лейтенанту: «Такой несправедливости я не могу вынести, я вам говорю всю правду, а вы мне не верите, мои родственники ещё не знают жив я или нет, а вы мне приписываете то, что я не делал!» – и снова заплакал. Он продолжал делать язвительные замечания в мой адрес, тогда я сказал: «Если вы считаете, что я виноват, то расстреляйте меня, такова моя доля». «Расстрелять тебя мы всегда успеем» – ответил он – «Только ты сначала расскажи как и где был расстрелян политрук». «Я вам рассказал всё, что знаю, больше ничего рассказать не могу» - мне стало очень обидно и я вновь заплакал и подумал, что наверно ночью меня расстреляют. Кожевников бесился и продолжал требовать показаний о выдаче политрука. Я слушал его и плакал. Вдруг он кладёт в стол пистолет и уходит из комнаты. Я остался один и стал готовиться к смерти, подумал как хорошо, что не успел написать письмо домой, а то, ещё и родственников бы таскали на допросы. Так в раздумье и слезах я просидел примерно с пол часа. Вдруг двери открылись и вошли младший лейтенант и майор. Младший лейтенант говорит, обращаясь к майору: «Посмотрите на этого экземпляра, выдал немцам политрука и говорит, что ничего не знает». Я снова заплакал. Майор спросил: «Вы действительно ничего не знаете о политруке?» Я сказал сквозь слёзы: «Вы мне не верите, а я всю правду рассказал, всё, что знаю, младший лейтенант несколько раз говорил, что меня расстреляют, пожалуйста, не мучайте меня, а выполняйте принятое решение, если не верите мне» – и снова заплакал. Майор задал мне ещё несколько вопросов, но я сказал, что всё я уже рассказал младшему лейтенанту. Он взял протокол со стола и стал читать, а я продолжал плакать. Закончив читать, он спросил у меня: «Чего ты

плачешь?» Я ответил: «Обидно, на фронте не погиб, вынес все тяготы плена, унижался немцами за то, что не пошёл служить во Власовскую армию, был сослан в Норвегию, а теперь дома, на Родине, жду своей бесславной смерти». Майор спросил: «Почему Вы решили, что мы хотим вас расстрелять?» «Младший лейтенант раз десять это повторил» – ответил я. Майор посмотрел на младшего лейтенанта, тот вышел из комнаты. Я сказал: «Там в столе лежит пистолет, которым он мне угрожал». Майор сел за стол и сказал: «Успокойтесь и расскажите всё подробно». Я снова рассказал всю свою биографию. Он задал мне несколько уточняющих вопросов, а потом взял мою повестку, что-то в ней написал и подал мне: «Можете идти. Мы вас вызовем, если потребуетесь». Я спросил: «Куда мне идти?» Он удивлённо посмотрел на меня и сказал: «Домой».

Так началась моя новая жизнь, которая продолжалась десятки лет, в качестве подозрительного человека. Когда я вернулся в общежитие, ребята сразу заметили моё состояние и спросили в чём дело. Я им всё рассказал, и Царёв сделал вывод: «Дурак ты! Чем больше ты им рассказываешь, тем больше они к тебе придираются!»

Утром, когда я собирался на работу, в общежитие пришёл начальник отдела кадров и объявил, что надо отправить десять человек в Юргамыш для работы на деревообрабатывающем комбинате (ДОК), и начал составлять список добровольцев. Я, будучи под впечатлением вчерашнего допроса, тоже записался. В десять часов мы уже уехали в Юргамыш. Деревообрабатывающий комбинат изготавливал деревянные двухэтажные восьмиквартирные сборные домики. Нам провели инструктаж и определили на рабочие места. Я работал на станке, на котором строгали плинтуса и наличники. Работа мне нравилась, работал я с удовольствием и в первые дни даже перевыполнял норму. Старые рабочие провели со мной беседу и предупредили, чтобы я делал только норму. Так я проработал несколько месяцев. Однажды, во время работы, ко мне подошла табельщица и передала, что меня срочно вызывают в отдел кадров. Я бросил работу и пошёл в отдел кадров, назвал начальнику свою фамилию, на что начальник отдела кадров мне сказал: «Это не я тебя вызывал, зайди к директору». В кабинете директора не было, но за его столом сидел старший лейтенант КГБ Дмитриев (как я узнал позже). Он провёл допрос, подробно записывая всё, что я ему рассказывал. Я подписал протокол и он меня отпустил на работу. Примерно через неделю, в воскресенье, к нам, как обычно, пришли девчонки из общежития. Я всё ещё находился под впечатлением бесед с работниками КГБ и на девчонок внимания не обращал, но в этот день ко мне подошла незнакомая девушка, назвала меня по имени, представилась Катей и сказала, что я ей очень нравлюсь. Среди рабочих завода я её не встречал. Она всячески ко мне приставала, лезла целоваться. Я отвергал её ухаживания, но она не унималась. Тогда, чтобы от неё отвязаться, я сказал ей: «Не хочу Вас обнадёживать, потому что жениться я пока не собираюсь». Она ответила: «Я хочу за Вас замуж». Я сказал, что недели через две я залезу в пустую цистерну и уеду в Баку, она сказала, что будет мне верна поедет в Баку со мной. Было уже поздно и я стал раздеваться и готовиться ко сну, она тоже разделась и легла ко мне в постель. Тут я окончательно уверился в том,

что тут что-то не так. Я спросил: «Тебе что, негде спать? Почему ты не идёшь домой?» Она ответила, что она приезжая и ей некуда идти. У Васьки была широкая кровать и я пошёл к нему проситься переспать с ним. Узнав в чём дело, он сказал: «Чего ты отказываешься? Девка сама на тебя лезет, а ты убегаешь». «Подозрительная она мне» – сказал я. Тогда Васька пошёл к ней, на мою кровать, но она оделась и ушла. Через несколько дней меня опять срочно вызвали в отдел кадров, но я был уже опытный и пошёл сразу в кабинет директора. Там сидел Дмитриев. Он начал расспрашивать меня о работе, о товарищах. Я рассказал о тех, с кем живу в общежитии и с кем работаю. Он спросил, хочу ли я поехать домой или куда-нибудь в другой город. Я сказал, что домой не поеду, так как из-за того, что я был в плену будут презирать и мою мать, и брата, и сестру, так что буду жить здесь. «А как же Ваша поездка в Баку? Нам всё известно. Никуда Вы не уедете, так как Вас арестуют». Я вспомнил Катю и убедился, что предчувствие меня не обмануло. Я сказал ему: «Это Катя Вам сказала, она единственный человек, которому я об этом говорил». Он промолчал и перевёл разговор на другую тему.

В январе закончился срок моей командировки и, 25 января 1947 года, нашу группу откомандировали на Синеглазовский известковый завод в двенадцати километрах от Челябинска, где меня назначили бригадиром в каменном карьере, где добывали известняк, который обжигали в печах и получали известь. При хождении по карьере, по камням, сильно изнашивалась обувь и я придумал способ защитить обувь. Из консервной банки вырезал кусок жести и прибавал на каблуки и на носки. Жесть блестела на солнце и многие посмеивались надо мной : «Опять Ильченко что-то придумал!».

1947 год был голодным годом. Мы получали хлебные карточки, в которых были талоны на целый месяц по 450 грамм хлеба на человека в день и 2,5 кг мяса или рыбы. Кроме того, тем, кто хорошо работал, давали дополнительные талоны на 100 грамм хлеба и суп. Как-то вечером в разговоре я услышал что на хлебозаводе, который принадлежит железной дороге берут временных рабочих для переноски мешков с мукой со склада на второй этаж в пекарню. Расплачивались за это двумя буханками хлеба, кроме того, там можно было есть то, что дадут пекари сливки (когда тесто вытекает из формы или когда форма переворачивается и тесто разливается и выпекается на поду), квас и бракованные булки хлеба.

Однажды я пошёл к проходной хлебозавода и стал ждать, когда выйдет экспедитор и будет набирать рабочих. Экспедитора звали дядя Степан, он набрал группу в четыре человека, в которую попал и я. Он привёл нас на склад, показал 60 мешков, которые нужно перенести. Мы взяли по одному мешку и он повёл нас на второй этаж, показывая куда мы должны перенести все мешки до 11 часов вечера. По пути он завёл нас в бытовку, где на столе лежало много всяких кусков хлеба и сливов и сказал: «Половину мешков перенесёте и сядете пообедаете. Всё, что на столе – ваше». Мы взяли по куску хлеба и пошли работать. Перенесли по восемь мешков и решили пообедать, зашли в бытовку и стали есть хлеб. В окно заглянула одна из работниц завода и сказала: «Один кто-нибудь подойдите ко мне». Так как я сидел ближе всех к ней, то

поднялся и пошёл к окну. Она подала мне ведро кваса и сказала: «Хлеб с квасом вкуснее есть!». Мы хорошо перекусили, отдохнули и остальные мешки перенесли досрочно, до пол одиннадцатого, и снова вернулись в бытовку. Пекаря дали нам ещё некондиционного хлеба. Зашёл Степан, получил десять булок хлеба, раздал нам по две буханки, оставшиеся две забрал себе, проводил нас за проходную и мы пошли по домам. Прощаясь, он сказал нам: «В субботу утром надо будет грузить вагон, приходите!».

В субботу в восемь часов утра я был уже на проходной хлебозавода. Я попал в группу из четырёх человек на погрузку 30-ти тонн муки в вагон (600 мешков), оплата – по две буханки хлеба каждому (в то время буханка хлеба на базаре стоила 50-60 рублей). Степан зашёл на территорию завода, принёс в сумке четыре буханки хлеба и сказал: «Взял вам по полбулки авансом». Мы трамваем поехали на мельницу. Приехав на мельницу, мы узнали, что вагон под погрузку до сих пор не поставили. Экспедитор оставил нас с хлебом на мельнице, а сам поехал на товарную станцию за вагоном. Ребята достали из сумки хлеб, взяли себе по полбулки и ушли, я остался один и стал есть свои полбулки. В это время маневровый паровоз поставил под погрузку вагон. Вышел мастер и рабочий мельницы и спросили где грузчики. Я сказал, что все куда-то ушли и я остался один. Мастер спросил буду ли я грузить или буду ждать остальных. Я ответил, что буду грузить. Посреди вагона поставили стол, на который по лотку с конвейера сползали мешки, мастер показал как укладывать штабель и ушёл. Я со свежими силами пол вагона уложил нормально, но когда перешёл на вторую половину, то вначале пришлось носить аж в конец вагона, я стал отставать и в одном из штабелей, во втором ряду снизу, положил на один мешок больше. Вскоре пришёл экспедитор, спросил где остальные, я сказал, что разошлись, он выругался, снял с себя чистую одежду и стал помогать мне укладывать штабеля. Когда мы закончили погрузку, пришёл мастер и пересчитал мешки, я отошёл в сторону и лёг на траву. Вскоре он снова пришёл с рабочим, опять пересчитали мешки, затем подписал накладные и Степан вызвал маневровый паровоз, который довольно быстро приехал и повёз вагон на хлебозавод. Мы ехали в вагоне и я сказал Степану, что загрузил в спешке один лишний мешок, он сразу насторожился, но потом успокоился и сказал: «Об этом никому не говори». Я сказал: «Хорошо».

Приехав со мной на хлебозавод, Степан повёл меня к директору, и сказал: «Этого человека надо всегда брать на работу, благодаря ему мы не заплатили штраф за простой вагона». Директор записал мою фамилию имя и отчество. Степан говорит: «А как я с ним рассчитаюсь? Ему положено шесть булок хлеба, но на проходной его не пропустят». Тогда решили, что я буду приходить через день, работать не буду, а Степан будет давать мне два дня по две буханки хлеба. В этот день мне дали три булки хлеба и я ушёл домой. Так я заработал на хлебозаводе авторитет, и мне удалось пережить голодный год.

Жили мы в общежитии барачного типа, после работы ходили на танцы, где я и познакомился с трудмобилизованной Вандой. Девушка она была хорошая, но за ней ухаживал Николай, солдат из охраны заключённых. В один из праздников, кажется это было в день победы над Японией, у

солдат был торжественный вечер и праздничный ужин, предположительно с выпивкой. Вечером, в красный уголок (это была обычная комната в бараке, в котором мы жили), где мы отдыхали, пришли подвыпившие солдаты и нагло стали уводить девчат, хотя те и отказывались уходить. Я играл в шахматы. Завязалась драка. На меня накинулись двое солдат, Николай, который ухаживал за Вандой и армейский конюх. Перевернув доску с фигурами, Николай схватил меня за лацканы пиджака, (который я привёз из Норвегии) стал кричать: «Отпусти Ванду!», я сказал, что она уже взрослая и сама может решить, с кем ей встречаться, он разозлился и ударил меня. Мне ничего не оставалось делать, как ответить ему и я ударил его ногой в пах. А конюха я ударил полной ступнёй в живот так, что он отлетел, ударившись о стену головой, и упал на бок. Все солдаты ушли из красного уголка в казарму. Как мы узнали позже, командир батальона пристыдил их: «Что вы за солдаты, что вас несколько гражданских побили!». После этих слов пьяный старший лейтенант Леднёв с адъютантом и группой солдат в двенадцать человек пришли в общежитие и затеяли драку. Яшку-молдаванина прижали спиной к плите, ему под руки попали конфорки от плиты и он начал ими отбиваться от солдат. Трём солдатам он прибил головы. В это время дежурившая в красном уголке от парторганизации Свиднёва Александра закричала: «Прекратите драку!» и кто-то разбил лампочку. На меня набросилось человек шесть солдат, схватили за лацканы пиджака и стали тащить меня на улицу. Думаю, как мне быть, ведь избьют до смерти. Я резко присел, затрещала одежда. У них в руках остались лацканы моего пиджака, а я вырвался на улицу, растолкав солдат. В темноте я сразу побежал в сторону сарайчиков, где хранили топливо и хотел в них спрятаться, но передумал и, подтянувшись на жердях, торчащих из-под кровли, залез на земляную крышу. Затаившись в траве, росшей на крыше, стал наблюдать. В комнате, где я жил, шла драка, Мишка-латыш сапожной лапкой, сделанной из трубы, на которой он ремонтировал обувь, отбивался от солдат. Вскоре свет в комнате погас и я больше ничего не видел. Некоторые солдаты бегали по комнатам и искали меня. Возле общежития стоял старший лейтенант Леднёв с адъютантом и солдатами, и о чём-то разговаривали. Вдруг солдаты стали избивать старшего лейтенанта, он выхватил у адъютанта автомат и стал стрелять в воздух. Солдаты утихомирились и стали уходить в сторону казармы. Многие жильцы ближайших домов вышли, привлечённые шумом, на улицу и возмущались поведением солдат. Я дождался, пока все не разошлись и слез с крыши. Ребята увидев меня стали говорить, что мне нельзя ночевать в общежитии, солдаты могут вернуться и я переночевал у Мартыновых. Утром пришёл мастер, Олейник Борис Тимофеевич и сказал, что мне на время надо куда-нибудь уехать, так как меня утром уже разыскивали солдаты. Многих солдат посадили на гауптвахту и Леднёв хочет туда посадить и меня, чтобы там меня солдаты избили. Я кустарником пробрался до железнодорожной станции Синеглазово и на товарном поезде уехал в Челябинск, где прожил три дня в общежитии с ребятами, с которыми работал на строительстве восьми квартирных домов. Вернувшись через три дня домой, я убедился, что всё немного успокоилось и стал выходить на работу. А в посёлке уже работала

военная прокуратура, разбирала этот инцидент. Леднёв написал рапорт, о том, что я его избил, но некоторые солдаты в своих показаниях рассказали правду

Через несколько дней и меня вызвали к прокурору, в его кабинете сидел старший лейтенант Леднёв, который сразу набросился на меня с обвинениями в том, что я его избил. Я обратился к прокурору и рассказал как я вырвался из рук солдат и спрятался на крыше сарая, и оттуда наблюдал как солдаты били старшего лейтенанта Леднёва, как он выхватил автомат у адъютанта и стал стрелять в воздух. А в конце добавил, что Леднёв знает их и пусть лучше назовёт их фамилии. Прокурор выслушал меня и сказал: «Можете идти на работу, а мы со старшим лейтенантом Леднёвым ещё побеседуем».

Отработав в КПП на строительстве домов год, мне, как лучшему работнику дали отпуск с 25 октября по 15 ноября 1947 года и бесплатный проезд на родину и обратно. Я получил отпускные и проездной билет и пошёл на станцию оформлять билет. Мне сказали, что билеты есть только через десять дней, но в таком случае у меня пропало бы почти пол отпуска. У железнодорожной кассы я встретил охранника, который работал на карьере на станции Саростан, охраняя заключённых. Он тоже ехал домой, мы договорились с ним ехать вместе с неоформленными билетами до Харькова поездом Новосибирск-Харьков, а дальше каждый из нас будет ехать по своему маршруту: он на Курск, а я на Знаменку. Залезли в поезд, в нерабочий тамбур и проехали почти двести километров, до Златоуста, нас никто не трогал. Когда поезд отъехал от Златоуста, в наш тамбур зашёл проводник, посмотрел наши документы и предложил сойти на следующей станции, в Бердяуше. Мы ему предложили 100 рублей (по 50 с каждого), но он не согласился и ушёл. Через несколько минут он вернулся и мы предложили ему уже 200 рублей, но он не соглашался и в вагон нас не пускал, тогда мы сказали, что хрен он получит деньги, а мы всё равно доедем до Харькова. Он рассердился и ушёл, а мы заготовили метровые палки и заклинили двери так, что в наш тамбур никто не мог зайти. Так мы доехали до Уфы. В Уфе к нашему тамбуру пришла целая делегация и стали требовать открыть двери, но мы через стекло показывали свои билеты и документы, но дверь не открывали. Один из них показал нам удостоверение подполковника КГБ, и нам пришлось открыть тамбур. Подполковник зашёл к нам в тамбур, внимательно изучил наши документы, задал несколько уточняющих вопросов и вернул документы нам. Проводник и ревизор, стоящие рядом, спросили у него: «Что нам с ними делать?» Подполковник сказал: «Возьмите штраф за проезд с неоформленными билетами и посадите их в вагон». С нас взяли по 25 рублей штраф, выдали квитанции и перевели в вагон, но ехать разрешили только до Куйбышева. В Куйбышеве мы оформили билеты как положено и уже без приключений доехали до Харькова. В Харькове на вокзале мы с моим попутчиком расстались. Мне необходимо было закомпостировать билет на Знаменку. Поскольку в поездах и на станциях промышляло много жуликов, я предусмотрительно одел двое штанов с задними карманами, в карман нижних штанов положил кошелек с документами и деньгами, а в карман верхних – сложенную по размеру кошелька газету. Сверху на мне была офицерская

кавалерийская шинель с высоким разрезом сзади. Когда я подошёл к кассе и занял очередь, я достал кошелёк, вынул из него деньги и положил его обратно в задний карман. Через некоторое время я почувствовал, что через очередь пробирается какой-то человек и завернул полу моей шинели. Я оглянулся и увидел стоящего молодого парня с моей газетой в руках. Я выматерился на него. Стоявшие в очереди молодые матросы, компасировавшие билеты на Одессу, спросили меня: «Что произошло?» Я ответил, что этот тип залез ко мне в карман и пытался вытащить кошелёк с деньгами. Морячки закричали, что он и у них пытался украсть чемодан и кинулись его избивать. Сначала били руками, а потом, когда он упал, стали бить ногами, пока он не потерял сознание, и лишь после этого успокоились и отошли от него. Подъехали вокзальные грузчики, погрузили его на тележку и увезли в вокзальный медпункт. Один из грузчиков сказал, что этого парня бьют уже третий раз, а он всё не каётся.

Прибыв в Знаменку я стал свидетелем грандиозной драки. На станции стояли два эшелона: один с танкистами, другой – с моряками. По какой-то причине между танкистами и моряками произошла ссора, перешедшая в драку, которая затем перешла в массовое побоище. Дрались и на перроне и в здании вокзала и на путях. Эшелоны стали срочно отправлять со станции, и драка быстро прекратилась.

По приезду домой, мой брат Гриша устроил в честь моего приезда застолье. Я был удивлён, что у нас в гостях оказался представитель КГБ по станции Знаменка и подумал, что они и тут не оставляют меня без надзора. Мы много разговаривали с Гришей и другом моего детства Лёней Лубенцом, который работал учителем физкультуры в школе. Он рассказал мне как было освобождено от немцев наше село. Немцев в селе было около пятисот человек. Наши лётчики сильно бомбили село, а второго декабря 1943 года в село вошла разведка партизанского отряда Дибровы, который базировался километрах в десяти от села, в Чёрном лесе. Они собрали сведения о расположении немцев и передали их в действующую армию. Перед наступлением в село проникла рота автоматчиков, которые по пойме реки Цибульник пробрались в центр села и утром, третьего декабря, с началом наступления действующей армии, они вышли в центре села на площадь и начали обстреливать немцев. Немцы в панике стали уходить из села в направлении Дмитровки и Знамянки.

Слушая этот рассказ, я вспомнил сон, который приснился мне в Литве именно третьего декабря 1943 года, в день, когда освобождали наше село, и был удивлён таким совпадением.

После окончания отпуска я вернулся в Челябинск и приступил к работе.

В январе 1948 года, нас, человек двадцать, перебросили на строительство локомотивного городка. Мы строили на окраине города многоквартирные домики для машинистов паровозов и других железнодорожных работников. На работу ездили пригородным поездом, или ходили пешком девять километров. Когда наступили сильные морозы, мы оставались ночевать в недостроенных домиках. Однажды девчата, работавшие в бригаде, пожаловались мне, как бригадиру, что по ночам мужики не дают им спать, стучат в окна и двери и напрашиваются в гости. Маруся Маслякова предложила мне

переночевать с ними, я согласился, и в очередной раз лёг спать в их домике между Марусей и Валею, которая была родом с западной Украины. Она родилась в польском селе, и родители её называли Вандой, но все подруги называли её Валя. Ночь прошла без происшествий, спокойно, поэтому утром Валя с Марусей сказали: «Будешь теперь всё время спать с нами». Так продолжалось несколько дней. Вскоре прораб сказал мне: «В одном из домиков каменщики уже закончили печь и она уже топится, переселяйся туда». Я пошёл посмотреть своё новое жильё, мне очень понравилось, в одной из комнат стояли две кровати с матрацами и сколоченный из досок примитивный столик. Я забрал свои вещи и перешёл в новый домик. Прораб дал команду, мне врезали замок, поскольку я, как бригадир, брал с собой домой табеля и наряды и по вечерам работал с ними. Как-то вечером ко мне пришли Маруся и Валя, сказали: «Пришли посмотреть, как живёт наше начальство». Я дал подписать им наряды на выполненные ими работы, мы немного поговорили о стройке, о жизни. В разговоре я познакомился с ними ближе, узнал, откуда они родом, где живёт их семья и тому подобное. Они пожаловались мне, что война давно уже кончилась, а их до сих пор не отпускают домой, хотя они проработали уже четыре года как трудмобилизованные. Вечером девчата ушли домой, а утром Маша подошла ко мне и говорит: «Почему ты не женишься на Вале? Такая хорошая была бы пара». Я подумал, что она сама хочет выйти за меня замуж, а говорит о подруге. Вечером я пришёл домой, а вскоре ко мне зашла Валя, я стал варить суп на ужин, Валя предложила: «Давай я сварю». Сели ужинать, после ужина разговорились и пришли к выводу, что семейным жить легче. Я спросил: «А почему ты не выходишь замуж?» Она ответила: «Вы же ко мне не подходите, разговариваете только по казённому - «иди на ту работу, иди туда работай» и всё». Когда пришло время ложиться спать, она спросила: «Можно я буду спать на второй кровати?», я ответил: «А кто тебе запрещает?» и она ушла, а через некоторое время вернулась со своим одеялом, простынёй и подушкой, заправила кровать, но спать мы легли вместе. Утром, на работе, все уже говорили, что бригадир женился на Вале и спрашивали у меня когда я их приглашу на свадьбу. Однако денег у нас не было и никакой свадьбы не справляли. К весне вернулись в Синеглазово, поселились в домике вместе с Булгаковыми. Вскопали огород, посадили картошку и разные овощи и стали жить семейной жизнью.

Так как я работал хорошо, сам в бригаде закрывал наряды и нормировал их, 20 февраля 1948 года руководство назначило меня заместителем директора завода по хозяйственной части. Директор завода Чирков Павел Дмитриевич вскоре перешёл на другую работу, так как у него были проблемы с сыном. Он рассказывал, что его сын приехал домой из города Куйбышева, где он проходил службу в армии, сказав, что командир роты ему разрешил. А в части на второй день объявили тревогу для отправки на фронт. Лейтенант при проверке сказал, что не знает куда он делся. Его посчитали дезертиром. После ухода директора, начальник КПП, майор железнодорожной службы назначил меня исполняющим обязанности директора завода.

В этой должности я проработал до середины апреля 1948 года. На заводе работали в основном бывшие раскулаченные. Вскоре жизнь

нанесла мне очередной удар. На Ухановском известковом заводе (посёлок Ухановка располагался за железной дорогой от Синеглазово) работал Пётр Абрамович Соловьёв, хотя в паспорте у него и было написано, что он русский, но по роже он был типичный еврей. Во время войны он получил ранение в руку (пуля вошла в кисть руки и вышла в локтевом суставе) и был комиссован из армии. Здесь он женился на женщине из раскулаченной семьи. Так вот этот самый Пётр Абрамович написал на меня донос в КГБ, что бывший пленный работает директором и меня снова перевели бригадиром, а его назначили директором Синеглазовского завода. Вскоре я поехал в город Челябинск и зашёл в КПП к майору Барабану. Я спросил у него: «За что меня сняли с должности?». Он ответил: «По доносу Соловьёва», и назначил меня завхозом завода. После этого ко мне приходила жена Соловьёва жаловалась на мужа и плакала, говорила, что он очень плохой человек и она не живёт с ним, а мучается, у них трое детей, и приходится его терпеть.

12 мая 1948 года произошла реорганизация и известковый завод объединили с балластным карьером, располагавшимся на 1120 километре (от Москвы) там добывали щебень для железнодорожного полотна. В посёлке Синеглазово располагался штрафной батальон, к осени прокуратура стала пересматривать дела осуждённых, у многих из них были сроки по 20 – 25 лет. Ко мне пришёл прокурор и сказал: «Подготовьте комнату на два – три человека. Мы поселим в неё освобождённых». В моём распоряжении было одно женское общежитие, где проживали девушки-трудмобилизованные, а в двух комнатах жили репатриированные мужчины. Я всех мужчин поселил в одну комнату, а другую подготовил для освобождённых.

Со многими из освобождённых я беседовал. Вот какую историю рассказал мне старший лейтенант Чеботарёв. В 1945 году они стояли под Ригой. В то время он командовал ротой, у него в роте служили четыре еврея, которые всегда держались особняком. Рота получила приказ наступать, продвинулись километра на три, но попали под сильный огонь противника и пришлось окапываться на новом рубеже. Солдаты обратили моё внимание, что «наших» с нами нет. Чеботарёв с двумя бойцами и адъютантом пошёл на исходные позиции и обнаружил их сидящими в окопах. Когда он начал выяснять почему они не пошли с ротой в атаку, один из них стал предлагать ему золото, деньги и вещи, чтобы он отправил их работать в госпиталь. Чеботарёв вскипел - люди гибнут под огнём противника, а эти хотят отсидеться за их спинами и откупиться. В горячке он выхватил у адъютанта автомат и расстрелял всех четверых, как дезертиров. Батальонным комиссаром был тоже еврей, он и возбудил дело против Чеботарёва. Его допрашивали, осудили и приговорили к расстрелу. Он сидел под охраной в отдельной хате в ожидании исполнения приговора. В штаб по делам приехал старшина его роты, ему удалось с ним поговорить. Старшина вернулся в часть и рассказал солдатам об участии Чеботарёва, в его защиту поднялся весь полк и направили десять делегатов с требованием его освобождения, в противном случае солдаты обещали перестрелять всё командование части. Об этом «бунте» доложили командующему армией, тот сразу приехал, ознакомился с делом и заменил расстрел на

двадцать лет штрафбата. Теперь его досрочно освободили и вернули орден Боевого Красного Знамени и медаль «За отвагу».

Другой освобождённый, Плахин Иван Сергеевич, рассказал такую историю. Он был командиром танка КВ в звании старшего лейтенанта. После трудных боёв, в которых их часть понесла большие потери, они стояли в Польше на пополнении и формировке. Однажды они выехали на занятия и, как обычно, экипаж попросил купить водки, тем более, что деньги у них были. Подъехали к киоску на окраине небольшого городка. Ребята видели как оттуда несли водку, некоторые даже по несколько бутылок, и стрелок пошёл за водкой. Вскоре он вернулся – продавщица сказала, что водки нет. Водитель танка говорит: «Ты не мог найти с ней общего языка, я сейчас схожу и принесу!». В это время подошёл в магазин поляк и она ему продала две бутылки водки у нас на глазах. Водитель вернулся тоже без водки и рассказал, что ответ был такой: «Русским свиньям водки нет!» Экипаж конечно обиделся и тогда командир решил пойти сам, думая, что русскому офицеру, освободителю её страны она не откажет. Когда он попросил продать две бутылки водки, то продавщица устроила скандал, она кричала по-русски: «Вас сюда никто не приглашал, убирайтесь в свою Москву и покупайте водку там, а здесь для вас водки нет и не будет!». Он разозлился и попытался её убедить, что за освобождение её Польши от немцев отдадут свои жизни русские солдаты, но продавщица не унималась и закрыла окошко. Тут в нём заговорило чувство гордости и он решил, что не стоит советскому офицеру унижаться. Он вернулся к экипажу и дал команду: «По местам! Мотор!». Двигатель взревел и он приказал водителю двигаться прямо на киоск. Водитель сказал, что за это придется отвечать, но он повторил команду и тогда водитель наехал и раздавил киоск вместе с продавщицей. Трибунал осудил его за самосуд и дал двадцать пять лет тюрьмы. Два года он долбил в карьере камень, а сейчас его освободили.

Летом 1948 года Ванда сообщила мне, что у нас будет ребёнок, я обрадовался. Работали мы с ней на каменном карьере в Шерснях на 1120 километре. Я был бригадиром, а она рабочей в бригаде. Однажды на карьер приехал лейтенант КГБ Хапен и о чём-то поговорил с мастером Чирковым и ушёл, минут через 10-15 Чирков подходит к Ванде и говорит: «Собери ломы и отнеси в кузницу, а потом зайди к бухгалтеру Сундукову, он зачем-то тебя вызывал». Мне это показалось подозрительным и, когда она отошла, я направился в курилку, поставил на досках зеркало так, чтобы видеть за спиной и кузницу и дорогу (обычно мы так делали в лагере, чтобы обнаружить доносчиков). Ванда отнесла ломы в кузницу и через некоторое время вышла, посмотрела в мою сторону, увидела что я сижу к ней спиной и пошла березняком в ту же сторону, куда ушёл и лейтенант Хапен. Через некоторое время и я направился туда же и в густом кустарнике увидел лежащую на земле Ванду и около неё сидит Хапен. Увидев меня, он вскочил и побежал, застёгивая на ходу штаны. Я подошёл к Ванде и спросил: «Что это значит?» Она молчала. Я сказал: «Пошли на работу». Когда мы пришли, Чирков, делая вид, что ничего не знает, напустился на неё: «Почему не принесла ломки!» Я со злостью сказал: «Пошлешь другого за ломками, а тебе скажу, что за такие проделки людей убивают» и мы

разошлись. До конца рабочего дня меня мучила мысль кто Ванда: проститутка или агент КГБ. Вечером дома она приготовила ужин, мы покушали и она пошла в огород полоть лук. Я с ней не пошёл, а вышел на улицу, сел на скамейку и задумался, как мне поступить, с чего начать разговор. Стало темнеть, она зашла в дом, зашёл и я. «Валя, что означает твой сегодняшний поступок» – спросил я – «говори честно, ты видишь, что я не кричу и не ругаюсь, а разговариваю нормально». Она вдруг заплакала и говорит: «Прости меня, но лейтенант принуждает меня сожительствовать, обещая походатайствовать, чтобы меня отпустили домой». Я сказал: «У тебя беременность уже пять месяцев, и тебя и так должны отпустить. Иди к майору Барабану – начальнику КПП, расскажи ему всё, а если он потребует справку, то пойдёшь в больницу и принесёшь ему справку». Мы продолжали жить вместе, но отношения наши изменились, я не знал как мне быть, я уже совсем было решил простить её и продолжать жить совместной жизнью, но мои планы изменило письмо, которое пришло ей от родителей, но, так как она была на работе, то почтальон отдал это письмо мне. Я прочитал это письмо и узнал, что её родители против нашего брака, ругают её и пишут, чтобы домой Советского жениха не привозила. Я понял, что ехать к её родителям мне нет смысла и предложил ей остаться жить в Синеглазово. Она сказала, что съездит в отпуск и вернётся. Ванда сделала всё как я ей посоветовал, её демобилизовали и она уехала на родину. Я проводил её, но мои чувства к ней уже остыли и я стал относиться к ней безразлично. Я остался жить один и женщины и вдовы стали предлагать свои услуги, кто на один день, а многие предлагали жениться, но я жил холостяцкой жизнью и всем говорил, что Валя вернётся. Вскоре её подруга Челядина Нюся получила письмо, в котором Валя писала, что вышла замуж за сельского Ивана, у них родилась дочь, и Иван её усыновил, так что назад, ко мне, она не вернётся.

В соседней квартире проживал механизатор Афанасий с женой тётёй Дусей, семья у них была неблагополучная. Я узнал, что к ним приезжает Маруся с девочкой и тогда тётя Дуся приходит в гости ко мне. Я спросил у неё: «Почему вы так поступаете?» и вот что она мне рассказала: «Живу я с Афанасием уже двадцать первый год, но детей у нас нет. Знакомые рассказали мне, что Афанасий стал ходить к Марусе, но со мной он обращался хорошо и я терпела. Однажды ко мне пришла подруга и рассказала, что Маруся хочет сделать аборт от Афанасия. В нашем посёлке аборт делала одна женщина, я пришла к ней и стала просить, чтобы она не делала аборт, я буду ухаживать за ребёнком, как за своим. Мы с ней договорились, чтобы я пришла к ней домой в пятницу. Я пришла и она меня спрятала, а когда пришла Маруся, она её раздела положила на кровать и пригласила меня. Маруся вскочила с койки и хотела бежать, но дверь была закрыта. Она заплакала и стала кричать на повитуху: «Ты плохая женщина! Я тебе доверилась, а ты такое подстроила!» Я подошла к ней, положила руку ей на плечо, она вздрогнула, а я сказала: «А теперь доверься мне. Ты же знаешь, что у нас нет детей и мне нужен твой ребёнок. Я буду смотреть за ним как за своим, ведь он же ребёнок и моего мужа». После долгого разговора и убеждений она согласилась и вскоре у неё родилась девочка. После

этого Афанасий стал ходить к Марусе в открытую, говоря, что идёт к дочке, а по воскресеньям мы гуляли вместе. Теперь, когда она приезжает, я специально нахожу причину и ухожу, оставляя их вдвоём, вот так и живу». Я спросил: «А как вы спите в одной комнате, когда она остаётся у вас ночевать?». Она говорит: «Обычно Афанасий ложится посередине, а мы по бокам. Утром я ухожу в магазин за покупками, прихожу и готовлю на кухне завтрак, их не тревожу, пусть любят друг друга. Вот так и живём вчетвером. Что поделаешь такова моя судьба».

Осенью ходил в совхоз собирать на убранном поле остатки картошки. За несколько дней насобирал два мешка, это большая добавка в мой зимний рацион.

Однажды я прочитал в газете «Челябинский рабочий» объявление о наборе на учёбу в Челябинский учебный комбинат ЦСУ Госплана СССР и вместе с товарищем решили поступать учиться. Я написал домой письмо, и мне выслали справку о том, что я работал в колхозе счетоводом. С этой справкой меня зачислили в группу №52 с шестимесячным сроком обучения. Занятия начались в октябре 1948 года, мне выдали справку о том что я зачислен на учёбу, на основании которой меня уволили с работы. Общаясь во время учёбы с товарищами, я мечтал после окончания учёбы уехать домой, на родину и там жить и работать. Написал домой письмо, чтобы брат помог деньгами. Обратный адрес я указал: второе почтовое отделение связи города Челябинска, до востребования. На этом почтовом отделении связи я познакомился с девушкой Олей, которая там работала, она предлагала мне в свободное время встречаться и гулять по городу, я ответил ей, что свободное время появится только тогда, когда я закончу учёбу. Однажды я пришёл на почту узнать есть ли мне письмо, подал паспорт женщине, сидевшей рядом с Олей за соседним столом, она посмотрела и сказала, что мне ничего нет. В разговор вмешалась Оля: «Почему вы ему не выдаёте перевод на 200 рублей?» Та женщина ответила: «Ему ничего нет!» Оля говорит: «Я сама раскладывала почту и видела этот перевод». Но эти разговоры ни к чему не привели, денег я так и не получил. Через несколько дней я вновь пришёл на почту узнать приходили ли мне письма. Оля вышла на улицу и в разговоре со мной рассказала: «Эта старая ведьма связана с КГБ, приходил лейтенант Хапен из КГБ и запретил выдавать перевод, но деньги не пропадут, через месяц их вернут на обратный адрес. У Вас, наверное, нет денег, я могу вам прислать домой. Я живу с мамой и вы могли бы у нас кушать». Мне стало так обидно, что из глаз потекли слёзы, Оля стала меня успокаивать. После этого разговора я с Олей больше не встречался, описал всё происшедшее в письме брату и попросил письма посылать на адрес Петра Гапочки, с которым я дружил и который жил по соседству. Жить мне стало очень тяжело, учёбу я бросать не хотел и я вынужден был продать свой костюм за 150 рублей, купил спецовочный костюм за 11 рублей, распределил оставшиеся деньги на весь период учёбы. Получилось по 4 рубля в день, и на эти деньги я стал жить, продолжая учёбу. Мой дневной рацион был такой: на завтрак – картошка, на обед – 200 грамм хлеба на 2 рубля и чай, ужин – 200 грамм хлеба и картошка. За время учёбы я сильно похудел.

После отъезда Ванды, я жил один в квартире в двухквартирном доме.

Моими соседями была семья механика Булгакова. Ещё осенью с Украины из города Красилов было переведено строительно-монтажное управление №6 и у меня появилось много знакомых земляков, одного из них, Муц Петра с женой и ребёнком подселили ко мне в квартиру. В рабочие дни я дома, в основном, только ночевал, так как занятия на курсах начинались в два часа дня и заканчивались в шесть вечера, мне приходилось уезжать из дома десятичасовым поездом, а возвращался я к одиннадцати вечера. Так что свободными оставались только выходные дни. Зимой на стройку привезли завербованных рабочих. В соседний дом подселили двух девушек Симу и Марусю, они обе были москвички. По выходным мы часто встречались и разговаривали на разные темы.

13 апреля 1949 года я окончил учёбу, получил свидетельство, но ехать домой было не в чем. Из одежды у меня остался только рабочий комбинезон, рваные туфли и фуфайка. Поневоле пришлось менять свои планы и искать работу на месте. Я пошёл устраиваться на работу в строительно-монтажное управление №1, но главный инженер управления Драков сказал, что старшим бухгалтером материального отдела меня смогут зачислить только с 1 июля 1949 года, после того, как будут утверждены штаты управления, а пока предложил выйти на работу на строительство дома №16. На стройке я проработал два дня и как-то вечером рассказал всё это соседу Петру Муцу. Он стал сразу ругать это управление, говорит: «Из него все рабочие уходят. Я слышал, что в наше управление нужен бухгалтер, приходи к нам в контору и переговори с начальством». Утром я вышел на работу, а часов в десять, во время отдыха, пошёл в контору участка №1 СМУ № 6 и обратился к старшему бухгалтеру Кудрину Александру Александровичу, он побеседовал со мной, поинтересовался, что я умею делать. Я ответил: «Почти всё». Он порылся в бумагах, лежащих на столе, вытащил пачку нарядов и подал их мне: «Требуется сделать бригадный расчёт зарплаты рабочим по разрядам и количеству выходов». Я взял наряды, проверил таксировку, подбил общую сумму, вывел коэффициент по тарифным разрядам и насчитал зарплату каждому рабочему. Александр Александрович проверил мои расчёты, остался доволен и сказал, чтобы я писал заявление. Я написал заявление и отдал ему вместе с паспортом, после чего он все наряды со своего стола переложил на другой стол и сказал: «Это твоё рабочее место», а сам собрался и уехал куда-то на машине. Часа через два он вернулся и отдал мне паспорт с отметкой, что я работаю в СМУ №6. На следующий день за мной приехала начальник отдела кадров стройуправления и стала требовать, чтобы я выходил на работу на строительство дома. Пришёл начальник участка Тараканов Александр Иванович и потребовал, чтобы она удалась и не мешала работать. Она уехала, пригрозив пожаловаться управляющему трестом Громову. Так 27 апреля 1949 года я поступил на работу в строительно-монтажное управление № 6 (СМУ-6), чтобы заработать деньги на одежду и на дорогу домой. В очередной выходной я встретился с девчатами и рассказал, что я уже работаю бухгалтером. Сима работала рабочей, а Маруся – кладовщиком на Ухановском известковом заводе. Работа была очень запущена, аналитический учёт отставал на полгода. Я всецело окунулся в работу и за май месяц подогнал работу и вывел остатки на 1 мая 1949 года.

Старший бухгалтер Кудрин Александр Александрович поручил мне вести учёт склада горюче-смазочных материалов (ГСМ): принимать документы от кладовщика, обрабатывать их и вести оборотную ведомость. Придя на склад, я познакомился с кладовщиком Довгань Степаном, который оказался очень общительным человеком, да к тому же и земляком, родом с Западной Украины. Мы, как земляки, много вспоминали с ним об Украине, сравнивали жизнь на родине и здесь, на Урале. Находясь в его складе я обратил внимание, что у одной стены стоит самодельная скамейка на которой стояло восемнадцать бутылок различной формы и величины. Возле скамейки стояло два табурета, на одном из них лежали две пары палочек: одни тонкие и длинные около полуметра, а другие потолще и длинной сантиметров по тридцать. Я вначале подумал, что он выпивает, но когда мы с ним познакомились поближе, и я спросил его о бутылках, то он рассказал мне следующую историю. Жил он недалеко от города Дашавы, с детства увлекался музыкой и работал в селе руководителем духового оркестра. Когда началась война и в село пришли немцы, им запретили играть украинские мелодии, разрешалось играть только немецкие. Но в селе невозможно было сразу перестроиться и его, за неподчинение властям, отправили в лагерь военнопленных, в котором он пробыл до конца войны. После освобождения его вместе с военнопленными привезли на Урал. Но и тут на работе он не может жить без музыки, а бутылки – это его музыкальный инструмент. Он предложил мне заказать какую-нибудь мелодию. Я заказал песню «Распрягайте хлопці коней ...». Он взял в руки палочки и ударяя по бутылкам стал воспроизводить мелодию этой песни. Мне очень понравилась его музыка и я похвалил его, он расчувствовался и по секрету рассказал мне, что ему на склад ошибочно прислали вместо солидола ящик сливочного масла и предложил мне пачку этого масла. Я конечно отказался, объясняя, что со склада ничего нельзя брать без выписки, тем более мне, как человеку, контролирующему его работу. Он сказал: «Как хотите, моё дело предложить».

Через несколько дней некоторые рабочие целыми семьями попали в больницу с расстройством желудка, как позже выяснилось, все они брали «сливочное масло» у Степана на складе. Врачи сделали анализ масла и определили, что это был авиационный солидол, ящик которого случайно попал к нам на склад. Позже я часто заходил к нему на склад и мы вместе пели украинские песни под его бутылочный аккомпанемент.

Вскоре пришла разрядка на работу в колхозе на покосе трав. Поскольку я был в управлении новенький, то направили меня и Костромитина Рудика. Нас привезли на опытную станцию в деревню Травники недалеко от Чебаркуля. Вначале я работал на соломокопнителе, на комбайне «Коммунар», который прицеплялся к трактору, эту работу я знал, так как до войны работал в колхозе. Однажды заболел комбайнёр и я утром прошприцевал все подшипники и подготовил комбайн к работе. Тракторист спросил, откуда я всё это знаю, я рассказал ему, что до войны в колхозе я работал на таком же комбайне. Он подумал и говорит: «Заводи двигатель и начнём косить». Я сел за штурвал, а на соломокопнителе остался один Рудик. Пшеница была не очень большая, и комбайн работал хорошо. Сделали круг по

делянке, и пошли на второй, вижу прямо по полю к нам едет Газ-67, а тракторист кричит мне: «Председатель едет!». Машина остановилась на дороге, высадили Нинку Золотухину (у которой я жил работая на косьбе в Шахматово, я сразу подумал что она меня разыскивает), подъехала к комбайну и из неё вышел лейтенант КГБ Хапен и двое незнакомцев (тогда я понял, что Нинка приехала вместе с КГБистом). Тракторист остановил трактор, а я заглушил двигатель на комбайне. Ко мне на площадку поднялся комбайнёр и спросил, зачем мы начали косить. Я ответил, что я смазал все подшипники, и тракторист предложил ехать косить, и я согласился. Председатель позвал нас к себе, мы спустились, и он спросил откуда я знаю комбайн. Я ему вкратце всё рассказал и он говорит: «Оставайся у нас в колхозе жить, мы найдём тебе лучшую невесту, жалеть не будешь, будешь работать механизатором». Я кивнул в сторону Нинки и сказал: «Жену найдёте такую как эта? Не надо, командировка кончится, и я уеду на свою работу». Тут в разговор вмешался лейтенант Хапен: «Издан закон о том, чтобы все механизаторы вернулись в свои колхозы». Я обиделся и в сердцах сказал: «Ради чего мне возвращаться домой? Чтобы кроме меня ещё и всех моих родственников вызывали на допросы так, как меня здесь? Если меня считают виновным, то я буду страдать один». Хапен ответил: «Вас никто ни в чём не обвиняет, просто в колхозах не хватает механизаторов, если хотите, можете остаться здесь». Я вспомнил допросы в КГБ, и я снова не сдержал слёз. Председатель, видя это, стал меня успокаивать: «Не переживайте, мы вам поможем». Пока мы разговаривали, комбайнёр проверил комбайн и доложил, что комбайн действительно в порядке и спросил: «Мне возвращаться или оставаться работать?» Я сказал, что Рудаку одному тяжело, и я пойду на соломокопнитель. Они сели в машину и уехали, забрав по дороге Нинку.

XI. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Я уже рассказывал, что в соседнем доме жили две девчонки Сима и Маруся, вечерами мы часто встречались на прогулках, сидели на скамейке и разговаривали на разные темы. Я давно уже их знал, и вот однажды мы договорились с Марусей, что поженимся. Поехали в сельсовет и зарегистрировали брак. Жили мы хорошо, с уважением относились друг к другу.

Летом нормировщик Карабанов ушёл в отпуск и я его замещал, выписывал наряды на работы, расценивал их и таксировал. Принимать наряды приехал инженер по труду и зарплате Шерепенко Василий Захарович, я подал ему все наряды, он стал их проверять и подписывать, потом спросил у меня кто я такой и где работал раньше. Я вкратце всё рассказал и он удивился, что мы земляки оба с Украины и сказал прорабу Тараканову Александру Ивановичу показывая на меня: «Этот человек оформил наряды лучше, чем Карабанов». Тараканов ответил: «Мы плохих на работу не принимаем». Остальные наряды он подписал без проверки. Василий Захарович дал мне в управлении хорошую характеристику и вскоре на участок приехал начальник производства, побеседовал со мной и сказал, что меня будут выдвигать на повышение.

1 октября 1949 года меня назначили старшим бухгалтером участка № 4 в городе Сим Миньярского района, куда мы и переехали с Марусей. Начальник участка Кашницкий Ефим Соломонович со своей женой Раей приняли нас хорошо, поселили на квартиру к дедушке и бабушке Соловьёвым. Мы с Марусей занимали зал, а дедушка с бабушкой жили в прихожей. Жили мы хорошо, я каждый месяц ездил с отчётом в Челябинск, за это мне доплачивали 30% разъездных от оклада (360 рублей), а оклад у меня был 1200 рублей. Нам этого вполне хватало для жизни, так как за квартиру платило предприятие. 29 июня 1950 года у нас родился сын, назвали его Виктором, наша семья стала состоять из трёх человек. Бабушка Фрося помогала Марусе ухаживать за Витей, обучала её женским премудростям по уходу за ребёнком. За это мы с Марусей организовывали вечерами чаепитие с бутылкой водки, дедушка это очень любил и хвалил нас, благодарил Ефима Соломоновича за то, что привёл таких хороших квартирантов.

Меня избрали делегатом на профсоюзную конференцию на которой 5 октября 1950 года избрали казначеем постройкома. В профсоюзную работу я включился сразу. У многих рабочих профсоюзные взносы были не плачены за два – три года и я решил, что задолженность до 1950 года будут гасить по 10 рублей в месяц, а за 1950 год взносы будут платить по зарплате. Многие со мной согласились и я за месяц собрал более семи тысяч рублей и когда в очередной раз приехал сдавать отчёт в Челябинск, зашёл к председателю обкома профсоюза Жесткову и сказал: «Мне надо профсоюзных марок на 15 тысяч рублей». Он ответил: «Сегодня не первое апреля». Я вытащил из чемоданчика семь тысяч рублей и говорю: «Это только половина, а через несколько дней привезу и вторую половину». Жестков вызвал бухгалтера и приказал выдать на пятнадцать тысяч профмарок, но она сказала: «У нас нет марок на такую сумму, но я схожу в банк и получу, придите попозже». Я ответил, что меня ждёт главный бухгалтер СМУ-6 Мальцев, я должен ему сдать отчёт. Они сказали: «Иди сдавай отчёт». Часа в четыре вечера бухгалтер принесла профмарки на 15 тысяч рублей, я написал расписку, а она оформила на меня приходный ордер на восемь тысяч рублей (для круглого счёта я положил часть своих денег). Я вернулся на участок в город Сим и привёз зарплату всем рабочим и служащим, и когда стал выдавать зарплату мне опять заплатили профвзносы около пяти тысяч. Мой почин поддержал начальник участка, взял список должников, провёл собрание и мне ещё принесли взносы столько, что мне уже не хватило марок, я собрал профсоюзные билеты и клеил марки в обкоме профсоюза. За хорошую работу в профсоюзе мне дали премию 100 рублей.

Вскоре в СМУ-6 поменялось руководство нашего начальника Алышева перевели на другую работу, а нам прислали нового начальника управления Зисович Григория Даниловича, полковника КГБ, который активно взялся за работу. Я был исполнительным работником и он часто поручал мне разные задания, которые я выполнял, за что он меня хвалил, а на совещаниях ставил всем в пример.

Однажды я привёз зарплату рабочим на участок Макушино, на участке был и Григорий Данилович. После выдачи зарплаты я пошёл ночевать в дом приезжих, где ночевал и он. Увидев меня, он сказал: «Надо

отметить нашу встречу», позвал домохозяйку, заказал ужин и послал своего водителя в магазин за водкой. Я предусмотрительно взял бутылку водки ещё дома, отправляясь в командировку, и она лежала у меня в чемоданчике. Хозяйка зажарила три утки и картошку, мы сели ужинать и за столом завязался разговор. Я рассказал ему про свою жизнь, про свои мучения с КГБ. Он спросил всё ли правдиво я ему рассказал, я подтвердил. Он сказал: «Ничего, разберёмся!» и стал рассказывать про свою жизнь.

Начинал я свою трудовую жизнь с работы на Беломорканале. Правительство приняло решение срочно построить Беломорканал, на стройку стали привозить завербованных рабочих, привозили три раза по двадцать тысяч человек, но в связи с плохими условиями и тяжёлым трудом они вскоре все разбежались и стройка прекращалась. Тогда руководство стройки послало меня, тогда ещё майора КГБ, в Москву, в управление КГБ. Я прибыл в свой отдел и рассказал о том, что происходит на стройке. Начальник управления добился, чтобы меня принял с докладом Сталин. Вскоре состоялся приём, я всё доложил Сталину, он внимательно меня выслушал и сказал: «Возвращайтесь на стройку – люди вам будут!». Я возвратился на работу, доложил о результатах поездки и мы стали ждать. Примерно через месяц пришла телеграмма «Подготовить жильё для размещения семидесяти тысяч рабочих». Пустых бараков у нас было много, так что выполнить это задание не составило особого труда. Действительно вскоре стали поступать заключённые в сопровождении конвоя. Как и было указано в телеграмме прибыло семьдесят тысяч заключённых, работа стала продвигаться. Главным инженером стройки был назначен бывший главный инженер Московского завода из заключённых. В дальнейшем нам ещё добавили рабочую силу и мы смогли досрочно построить Беломорканал. После окончания строительства хорошо работающим заключённым засчитали день работы на строительстве за два-три дня срока и многих освободили. С главного инженера строительства сняли судимость и наградили орденом Ленина. Все работники стройки получили различные поощрения, мне присвоили звание подполковника КГБ. Потом я получил назначение в Управление КГБ по Сибири и Дальнему Востоку. В нашем ведении было более двух тысяч предприятий, на которых работало более шести миллионов заключённых. Эти предприятия давали тринадцать миллиардов рублей чистого дохода, которые мы перечисляли в Москву. Сейчас идёт сокращение заключённых на миллион двести тысяч человек, наше управление тоже расформируют, поэтому я попросился в ваше управление.

Беседуя за столом о нашей жизни, мы не заметили, как засиделись за полночь и легли спать очень поздно.

Когда я в очередной раз сдавал отчёт в конторе СМУ-6 в Челябинске, ко мне подошёл начальник СМУ-6 Зисович Григорий Данилович и начальник пятого участка Бузницкий и предложили перейти старшим бухгалтером на пятый участок, так как их бухгалтер Кабанов часто пьёт и его собираются уволить. Я согласия не дал, а разыскал Кабанова, передал ему наш разговор и предупредил, чтобы он был осторожен, при малейшем нарушении его могут уволить по статье за пьянку. На

следующий день Кабанов на работу не вышел, а в обед пришёл и подал заявление на увольнение по собственному желанию. Я сдал отчёт и уехал домой в Сим.

Через некоторое время на наш участок приехал главный инженер СМУ-6 Ижигин Виктор Михайлович и привёз нового бухгалтера и приказ от 10 октября 1951 года на мой перевод на участок №5. Мы переехали в посёлок Новосинеглазово и поселились на квартире у Челядина Ивана. Через несколько дней я узнал, что продаётся дом по адресу улица Советская №30 за 2,5 тысячи рублей. Мы с Марусей пошли, посмотрели, домик нам понравился, при нём был огород двенадцать соток. Решили, чем ходить по квартирам, лучше жить в своём доме, но денег у нас было только 1,3 тысячи. Я занял у знакомых сварщиков полторы тысячи рублей, пошли в сельсовет, оформили договор купли-продажи и стали полноправными хозяевами.

По соседству с нами проживала, высланная на Урал, раскулаченная семья Самбунова Тимофея, у него было три сына Александр, Дмитрий и Михаил, все были женаты, но больше всего мы подружились с нашим ровесником Дмитрием. Когда Дмитрий решил окрестить своего ребёнка, то взял Марусю кумой. Вскоре Маруся предложила мне окрестить нашего Витю, ему было уже около года, а кумой конечно же пригласила жену Дмитрия. Кумом я взял одного тракториста с моей работы. Церковь была в Челябинске, недалеко от вокзала, поскольку я был беспартийный, то никаких преследований не боялся и в одно из воскресений мы отправились в город. Кум Дима бывший лейтенант-танкист надел офицерскую кожаную куртку, батюшка это сразу заметил и спросил: «По вашей одежде и манерам поведения видно, что вы не простой рабочий?» Дима рассказал ему кто он такой и батюшка похвалил его за то, что он пришёл в церковь не побоявшись пересудов и пригласил его и в дальнейшем приходить на богослужения. Кум ему тактично объяснил, что в связи с тем, что работать ему приходится на трассе нефтепровода, регулярно посещать церковь он не может. Затем батюшка приступил к обряду крещения. Кума раздела Витю, подала его батюшке, тот взял его под руки, окунул в купель (большой медный таз с водой) и, подняв его перед собой, сказал: «Героем будешь!» Витя в это время схватил его за бороду и батюшка добавил: «Так ты ещё и озорник!» и окунул его вторично в купель. Затем, положив его на полотенце от взял какую-то жидкость желтоватого цвета и осторожно нанёс Вите кресты на лбу и на коленках. По окончании обряда мы пошли на поезд, приехали в посёлок и организовали гулянку по поводу крестин.

Семья Самбуновых была из старинного и зажиточного рода, они с детства посещали церковь, поэтому вера в бога передавалась у них из поколения в поколение. Они были очень довольны тем, что мы окрестили Витю и наша дружба ещё сильнее окрепла.

Однажды с Михаилом Самбуновым произошёл интересный случай. Он был командирован на работу в город Фрунзе на апрель месяц и постарался к празднику 1 мая вернуться домой и перед отъездом дал домой телеграмму. Праздновать решили у нас дома, Михаил приехал 30 апреля и утром, вместе с женой, пришёл к нам. Мы все сели за стол, выпили по первой рюмке и как всегда пошли разговоры. В это время в

окно постучал почтальон и спросил: «Самбуровы у Вас? Им телеграмма!» Я вышел, забрал у почтальона телеграмму, зашёл в дом и прочитал её Самбуровым: «Встречайте 1 мая. Прибуду утром. Михаил». Все стали перечитывать телеграмму и гадать кто приезжает и где его надо встречать, решили, что на вокзале в Челябинске. Я посмотрел ещё раз телеграмму и спросил: «А кто из ваших родственников проживает во Фрунзе? Телеграмма то пришла из Фрунзе» Но никого не могли вспомнить. Я говорю: «Тут же стоит подпись: Михаил, так вам легче будет вспомнить». Михаил взял телеграмму и как закричит: «Так это же моя телеграмма, я её опередил!» Все рассмеялись и праздник продолжился.

Жизнь продолжалась. Я жил в Новосинеглазово и выезжал на участок в город Чумляк (дорога занимала четыре часа), а на выходные дни приезжал домой.

На участке №5 я проработал до первого февраля 1952 года, а затем передал дела новому бухгалтеру Овсюкову Тимофею Ивановичу, а сам принял дела Новосинеглазовских мехмастерских. Начальником мехмастерских был немец Штадлер Карл Карлович. Однажды он рассказал мне свою историю. До войны они жили на Украине в городе Краматорске, в августе 1941 года всех немцев, проживающих в Донбассе, погрузили в вагоны и привезли в Челябинск. Он попал в Синеглазово, стал работать на известковом заводе, во время войны служил в дивизии переводчиком, а после войны дослужился до должности исполняющий обязанности начальника известкового завода. КГБист Хапен приезжал каждую неделю и проверял своих подопечных, все ли на месте, не уехал ли кто-нибудь. Однажды он без разрешения поехал в Челябинск, узнав об этом, Хапен стал ему угрожать взять его под стражу и начать следствие. Тогда Карл Карлович написал письмо в Верховный Совет и в часть, в которой служил. Через некоторое время пришло указание о том, что семья Штадлер Карла Карловича снимается с наблюдения. С этого времени они стали свободно ездить без согласования с КГБ и к родственникам в Свердловск и в Краматорск на Украину.

17 апреля 1952 года меня вызвал в свой кабинет начальник управления Зисович Григорий Данилович и сказал: «Тебе предстоит ответственная работа» и даёт мне командировку на два дня в город Шумиху, приказ № 106 по управлению и доверенность на получение от Шумихинского КГБ денег и документов. Я растерялся, вспомнил свои натянутые взаимоотношения с КГБ и хотел отказаться, но Григорий Данилович сказал, что другой кандидатуры они не подобрали и смогли доверить это только мне. Я взял документы и спросил когда надо выезжать. «Любым первым поездом» – был ответ. Ехать надо было километров сто пятьдесят и сидя в поезде я гадал, что же могло произойти в Шумихе.

А там, как позже выяснилось, произошла следующая история. На участке выдавали зарплату и облигации займа по подписке. Несколько человек отсутствовали по разным причинам и не получили ни деньги, ни облигации. Кассир договорился с начальником участка, Тухватулиным Анваром Каримовичем, оставил ему ведомость, деньги и облигации, и уехал в Челябинск. Анвар Каримович со сварщиками и монтажниками зашёл в привокзальный ресторан и хорошо обмыли зарплату, а когда в

одиннадцать часов ресторан стал закрываться, они взяли с собой водки и пошли в контору допивать. По дороге в контору Анвар Каримович изменил свои планы и решил сходить в гости к своей любовнице – учительнице, которая жила в помещении школы. Чтобы сократить путь, так как к воротам было идти далеко, он решил перелезть через штакетный забор и не заметил, как уронил портфель с деньгами и облигациями. Переночевав у учительницы, утром он обнаружил пропажу, но не мог вспомнить, где он потерял портфель. Он пошёл в привокзальный ресторан и спросил там не оставял ли он портфель с документами, но ему ответили, что ничего не оставял. Тогда он пошёл в КГБ и заявил, что его ночью ограбили трое неизвестных, отобрали портфель с документами. В КГБ составили протокол и он пошёл на работу. Через некоторое время один из жителей города принёс в КГБ и сдал портфель с документами. Следователь был удивлён и составил акт на получение находки, с указанием места находки и других подробностей и вызвали представителя управления для получения документов и денег. По приезду на место, я получил всё по описи, проверил всё в соответствии с ведомостью, деньги были все на месте, не хватало только облигации на пятьсот рублей, мы со следователем отразили это в акте. Потом следователь пошёл доложить начальнику, и вскоре и меня вызвали в кабинет. Майор спросил у меня: «Что это у вас за руководители, что пьяные теряют государственные документы, а потом ещё и врут, думая, что мы им поверим?». «Я не уполномочен давать характеристики нашим работникам, напишите в отдел кадров, они вам ответят» – сказал я. «Ну, а как человек, вы могли бы охарактеризовать его?» Я коротко ответил: «Выпивает и ходит по бабам». «Хорошо, можете идти» – сказал майор и я по военному ответил: «Есть идти!», взял под козырёк, повернулся на месте и вышел из кабинета.

В этот же день я вернулся домой и сдал кассиру все документы и деньги и расписку Анвара Каримовича, что он получил облигацию на пятьсот рублей для передачи рабочему. Кассир был очень доволен, что всё сходится. Позже кассир рассказывал, что Анвар принёс облигацию и забрал расписку. Начальник СМУ-6, Зисович Григорий Данилович издал приказ о переводе Анвара Каримовича на третий участок, а начальника третьего участка, Кашницкого Ефима Соломоновича, перевели на его участок.

На первомайские праздники мы решили съездить в Москву, к Марусиной старшей сестре Ане. Она жила с Богдановым Фёдором в семейном общежитии. Маруся не работала, а я оформил отпуск на пять дней, получил пятьсот рублей отпускных и мы поехали. Сразу заехали к её родителям в деревню Ягодное Рязанской области, погостили у них один день и вечером 29 апреля уехали в Москву. Аня с Федей встретили нас на вокзале и привели в семейное общежитие, где они жили. Их соседи по общежитию уезжали на праздники к родственникам и мы договорились, что поживём в их комнате. Во время ужина я сказал Фёдору, что нам очень хочется побывать на параде, увидеть Сталина и членов правительства. Он кому-то позвонил и сказал, что утром в девять часов нам надо быть на его работе. Утром в его конторе готовили список участников парада. Федя подошёл к парторгу и представил нас, парторг

взял наши паспорта, куда-то позвонил, продиктовал данные наших паспортов и сказал, что получил разрешение на участие меня и Маруси в параде. Мы шли в третьей колонне. Я больше смотрел на трибуну, где стояли члены правительства. Впервые я видел живого Сталина, Жукова и других военачальников. Я считал, что это самый счастливый день в моей жизни. После парада мы пообедали, выпили по сто грамм и пошли гулять по Москве. Вечером, в десять часов, Федя и Аня проводили нас на поезд Москва – Челябинск и утром мы были уже дома, а третьего мая я уже был на работе.

В сентябре 1952 года мы поехали в отпуск на мою родину. Я познакомил родственников со своей женой и сыном. К матери пришла соседка, тётка Вёкла, и сказала: «Разве Мишка не мог взять в жёны деревенскую девушку, а взял русскую, которая чтокает». Мы с Марусей пошли в магазин и купили матери на кофту и на юбку, и Маруся пошила всё за день. Мать, когда получила подарки, всем встречным, рассказывала, что невестка сама пошила ей за день обновки. После этого и тётка Вёкла изменила своё мнение. Мы ходили в гости к нашим родственникам, везде нас принимали хорошо. Брат Гриша уже был женат, жена была беременна и примерно через неделю, после нашего приезда, её положили в больницу. Когда через день мы пришли проведать её, то она уже родила сына и сказала, что назовёт его Володей. Дома мы отметили это событие застольем. Отпуск подходил к концу и мы наслаждались овощами и фруктами как со своего огорода, так и с огородов родственников, к которым ходили в гости. В конце сентября мы съездили на станцию Знаменка и предварительно взяли билет на поезд Одесса – Новосибирск.

После отпуска я вернулся к работе, которую в моё отсутствие никто не выполнял и за несколько дней подогнал отставание. Главный бухгалтер предупредил: «Быстро выполни свою работу, потому что тебе предстоит поездка в Юргамыш, на участок №5, где ты работал, там неладно с бухгалтером». Я два дня работал и по вечерам, сдал свой отчёт и получил командировку в Юргамыш.

В Юргамыше я сразу зашёл в контору участка, где были начальник участка и прораб Филоненко, спросил: «А где Николай Иванович?», Филоненко указал мне на дверь в соседнюю комнату, в которой убирала женщина. Прораб объяснил, что это хозяйка дома, и её оформили как уборщицей и истопницей. Я зашёл в комнату и увидел Тимофея Ивановича с всклокоченными волосами, лежащего в сапогах и в одежде на кровати, причём ноги были подняты на спинку стула. На столе стояла начатая бутылка водки и разрезанный арбуз. Хозяйка сказала: «Больной он». Я стал просматривать документы, проверять наличие подписей в актах. В это время в дверях появился Тимофей Иванович, но так как на ногах он держался плохо, то обеими руками упёрся в дверную коробку, словно распятый, волосы на голове взъерошены. Хозяйка ему говорит: «Иди ложись, видишь, начальник приехал, а ты в таком виде!». Он немного постоял, подумал, а потом повернулся к хозяйке и говорит: «Это Михаил Алексеевич! Он хороший человек и меня не накажет. Налей стопку!» «Может уже хватит?» – сказала хозяйка, но он не унимался и требовал выпить, пока хозяйка не налила ему рюмку водки, он выпил, взял скибку арбуза и снова встал в дверях. Начальник участка говорит:

«И так целую неделю!». Я собрал все документы, обработал их и Филоненко проводил меня на поезд, предложив сто грамм на дорожку, но я отказался.

Утром, на работе я быстро сделал бухгалтерские проводки и вовремя сдал отчёт. Через несколько дней приехал Тимофей Иванович с портфелем в железнодорожной форме с орденом Красного Знамени и медалями за победу над Германией и за взятие Берлина, поговорил с главным бухгалтером и зашёл ко мне забрать документы. Мы стали разговаривать, и я спросил: "Как это получилось, что вы такой представительный человек и до такого докатились?". Тимофей Иванович ответил: «После войны я всё время работал на железной дороге, и со мной приключилась эта болезнь. Летом я три раза ухожу в запой по восемь - десять дней, а зимой этого не случается. А орден мне дали тоже за водку, я на войне, работая начфином дивизии в звании старшего лейтенанта, выпивал и начальству доставал водку в неограниченных количествах, а однажды, при выпивке, сказал: «Скоро и война кончится, а у меня ни одной награды нет!». Тогда подполковник командир дивизии дал приказ начальнику штаба оформил мне орден Красного Знамени. Я засомневался, как это возможно – начфину орден. На следующий день меня ознакомили с наградным листом, в котором было написано, что я с двумя охранниками, поехал в штаб армии для получения зарплаты солдатам и офицерам дивизии. На обратном пути на нас напали шесть немцев, очевидно, выходивших из окружения. Я умело организовал бой, двух немцев мы убили, а четверых взяли в плен. За этот подвиг командир дивизии и вручил мне Орден Боевого Красного Знамени».

Через несколько дней Тимофей Ивановича уволили по представлению начальника участка. Мне его было жалко как человека.

Однажды, когда я сдавал отчёт в управлении, меня пригласил в свой кабинет начальник СМУ-6 Зисович Григорий Данилович и сказал: «Ваш участок пусковой, через месяц по трубе должен уже пойти бензин, на участке сейчас Министр нефтяной и газовой промышленности Байбаков и главный инженер треста «Свармонтаж» Засько организывают форсирование пятидесятикилометрового разрыва трубопровода. Бригады сейчас работают от темна и до темна. У них кончились деньги. Вот тебе тридцать тысяч рублей, ведомости на зарплату, езжай с первым поездом до станции Кропачёво, там тебя встретят».

В то время я одевался в брюки галифе и гимнастёрку, а сверху носил куртку. Сумма была большая хотя и крупными купюрами, но я боялся её везти без сопровождающего. Я разулся засунул деньги в голенища под штаны и обул сапоги, так деньги не было заметно. Ведомости положил в газету, скрутил трубкой, положил в карман и поехал на вокзал. В десять часов утра шёл проходящий поезд Новосибирск – Москва, но билетов на него не было и я решил ехать в тамбуре. На вокзале купил семечек, ехал в тамбуре с попутчиком и щёлкал семечки. На станции Бердяуш в тамбур зашло несколько студентов лет 20-25. Проехав два перегона, когда поезд стал тормозить перед станцией Сулея, один из «студентов» зажал меня, уперев кулаки мне в живот, я почувствовал, как другой вытащил у меня из карманчика в брюках штампованные карманные часы. «Студенты» открыли дверь и стали по очереди залезать на крышу

вагона. Когда в тамбуре остался последний «студент», я схватил его и сказал: «Ты останешься со мной, а на станции Вязовая я сдам тебя в линейный отдел КГБ». (В то время наше управление добилось, чтобы проезд бухгалтеров, перевозящих зарплату на участки, контролировали линейные работники КГБ. На станциях Чебаркуль, Миасс, Златоуст, Бердяуш, Вязовая я подавал знак дежурному КГБисту, что всё в порядке и ехал дальше.) Вскоре на крыше послышался разговор, дверь в тамбур открылась, сверху показалась рука, на которой лежали мои часы и кто-то сверху сказал: «Большой мужик, держите ваши часы и отпустите его». Я забрал часы и отпустил мнимого студента. Перед станцией Кропачёво я вылез на крышу вагона и стал искать бригаду. Вдруг услышал голос бригадира Евсеенко: «Вон он, на крыше!» Я сошёл с поезда и подошёл к бригаде, а начальство сделало мне взбучку, я думаю, по-видимому за то, что не достаточно быстро привёз деньги.

Утром 5 марта 1953 года я, как всегда, пришёл на работу, сел за стол и стал просматривать документы, вдруг зашёл секретарь парторганизации Малолетний и сказал, чтобы все быстро шли в кабинет начальника. Там уже было много сотрудников, все слушали радио. Читали сообщение о смерти Сталина. Звучали траурные мелодии и читали биографические данные. Все стояли ошеломлённые, а многие плакали. У меня тоже были слёзы на глазах. Полдня мы не работали, а обсуждали как будем жить дальше, каждый высказывал своё предположение о том, кто заменит Сталина, но большинство сходилось на том, что страной должен управлять Жуков Григорий Константинович, как заместитель Сталина по комитету обороны страны. К обеду наши иллюзии рассеялись. По радио объявили, что вскрыт сейф в кабинете Сталина, в котором хранилось его завещание. В завещании написано, что его преемником на посту секретаря ЦК КПСС должен стать Маленков. Через несколько дней траур кончился и жизнь пошла своим чередом.

На очередной профсоюзной конференции меня вновь избрали казначеем постройкома, а за хорошую работу наградили почётной грамотой и решили занести меня на областную доску почёта. Меня сфотографировали и вручили мне копию фотографии с надписью на обороте с подписью председателя облсофпрофа Житкова и начальника СМУ-6 Зисовича Григория Даниловича.

25 февраля 1954 года меня перевели старшим бухгалтером участка № 5, где начальником был уже знакомый мне Анвар Каримович. Проработав день в конторе, на ночлег меня направили в комнату приезжих. Дом принадлежал пожилому семейству Сарычевых. Утром, когда я проснулся, жена дала мужу пять рублей на похмелье, и дед ушёл в ресторан. Я ещё лежал в кровати, когда она зашла в комнату, садится на стул, снимает носки и я увидел тонкие и кривые ноги, такая у неё была подагра, сняла платье, осталась в ночной рубашке и начинает снимать трусы. Я догадался чем это всё должно кончиться и сказал, что у меня для этого есть жена. Она расстроилась и сказала: «Мне начальник платит за это тысячу рублей. Я ещё молодая, мне два года до пенсии и мы с мужем договорились, что я буду обслуживать начальство за тысячу рублей. Муж уже пять лет, как со мной не живёт, у него орган уже не действует. Теперь мне не заплатят деньги». Я вспомнил случай с Анваром Каримовичем в Шумихе и мне стало её жалко, я успокоил её,

сказав: «Деньги вы получите». Она расстроенная оделась и ушла. Я встал и пошёл на работу, а вечером, когда я снова пришёл ночевать её муж спросил: «А тысячу рублей нам заплатят?» Я ответил: «Не беспокойтесь, начальник уже выписал наряд, и деньги вы получите».

В Новосинеглазово мы жили в своём доме по улице Советской № 30, а по соседству с нами, на улице Железнодорожной жили фотограф Саша и его жена Лена с ребёнком. Мы подружились и Лена часто приходила к нам в гости, помогала по хозяйству, мыла пол, помогала работать в огороде. Если Маруся за чем-то выходила, то Лена сразу лезла ко мне целоваться, говоря, что жить без меня не может. Я эти приставания отвергал, но однажды утром, когда Маруся уехала в город, а я с Витей остался дома, пришла Лена и снова стала приставать ко мне. Витя ушёл гулять на улицу и она сразу разделась и легла в постель, приглашая и меня. Я сказал: «У тебя же есть муж, вот с ним и живи». «Он мне не муж» – ответила она – «а квартирант, мы не регистрировались» и стала рассказывать как она будет за мной ухаживать, мне это надоело и я ушёл на улицу. Через некоторое время она вышла из дома, обругала меня и ушла, а вечером, когда Маруся приехала из города, она снова пришла к нам, злая как чёрт, и стала Марусю выгонять из дома, кричала: «Миша мой и я буду жить с ним, чем я хуже тебя». Я подошел к ней сзади, взял крепко за руки, вывел её на улицу и закрыл двери на засов. Зайдя в дом, я сказал Марусе: «Друзей надо лучше подбирать, а не дружить с кем попало». Мне вспомнился случай с доносчицей Катей и подумал, что и Лена такая же как и Катя.

В стране поменялось правительство, к власти пришёл Никита Сергеевич Хрущёв. Объявили амнистию и на работу стали приходиться много бывших заключённых. Однажды я привёз на участок зарплату и один из бывших заключённых залез ко мне в чемоданчик, где были деньги. Рабочие это увидели и сильно его избили, а начальник участка сразу отправил его в отдел кадров на увольнение. Однажды зарплату повёз Геренштейн Самуил Соломонович, а я сопровождал его и заодно собирал профсоюзные взносы. Зарплату выдавали через окошко кассы, по предъявлению расчётной книжки. Подходит рабочий, подаёт трудовую книжку на имя Иванова и получает зарплату, а я Иванова хорошо знал. Я выбежал из конторы и увидел, что в контору идут тракторист Корниенко и монтажник Зюзин. Я крикнул им: «Он получил чужую зарплату!». Зюзин вместе с Корниенко схватили его и притащили в контору. Они знали его и назвали его фамилию Фратхутдинов, но он всё отрицал. Мы его обыскали и в кармане нашли расчётную книжку на его фамилию и книжку Иванова. К этому времени подошёл и сам Иванов. Они вывели вора на улицу и сильно его избили. Деньги он Иванову вернул, но свои так и не получил, ушёл на станцию и куда-то уехал.

Однажды в разговоре со мной Маруся сказала, что к ней может прийти её старый знакомый, чтобы я не сердился, так как он может прийти и ночью. Это меня озадачило. Я поехал за документами на участок и там встретил нового механика, лицо которого показалось мне очень знакомым, но я не мог никак вспомнить где мы с ним встречались. Собрав все документы я приехал домой, Маруси и Вити дама не было, хотя было уже довольно поздно. Я начал расспрашивать соседей не

видели ли они куда ушла Маруся и соседка Мария Филипповна рассказала, что Маруся продала подушки и уехала с каким-то мужчиной. Я подумал, что она уехала к родителям, а так как московский поезд отправлялся в 10 часов вечера, я решил, что успею увидеться с ней, поговорить и узнать в чём дело. Приехав в Челябинск на вокзал я пошёл по вагонам московского поезда и в одном из вагонов, в купе обнаружил Марусю, Витю и нового механика участка, и я сразу вспомнил где я видел это лицо – на фотографиях в Марусином альбоме. Маруся рассказывала мне, что этого парня зовут Лёня, она встречалась с ним в Москве, где он служил в воинской части. Я спросил Марусю, вернётся ли она домой или нет. Она молчала. Я был зол, мелькнула даже мысль устроить драку, но понял, что за это придётся сидеть в тюрьме. Пожелав им счастливого пути, я ушёл. Выйдя из вагона, я пошёл на почту и дал телеграмму-молнию её родителям о том, что Маруся продала подушки и с Лёнкой уехала, по всей видимости, к ним. В 11 часов я вернулся в Новосинеглазово.

Целую неделю я жил один. Слухи о том, что от меня уехала жена, распространились по посёлку и многие молодые девушки и женщины стали предлагать пожениться, но я всем отвечал, что жена у меня есть, и я не разведён. Однажды вечером ко мне домой пришла татарка, лет на пятнадцать моложе меня, и стала спрашивать, где у меня лежат продукты. Сказала, что приготовит ужин и я увижу на что она способна и мы поженимся. Я усмехнулся и сказал, что спать с ней не намерен и пусть она идёт домой. Я стал выходить на улицу, приглашая её тоже выйти, она подчинилась, но подходя к двери, подпрыгнула (так как она была небольшого роста), обняла меня за шею и стала целовать, приговаривая: «Мой родненький, мой любимый, мой хорошенький!» я молчал, а она в конце добавила: «Знаешь как мы будем дружно жить, я тебе никогда не изменю!» В моём понятии слово измена ассоциировалась только с изменой Родине, но не в семейной жизни. Мы вышли на улицу, она взяла меня под руку, а у меня крутятся мысли, откуда татарка знает такие слова, скорее всего работает агентом КГБ и её там обучали. Немного пройдя по улице мы поравнялись с домом моего кума Володьки, я поднял её на руки, поцеловал и сказал: «До свидания, я иду в гости к куму». Она стала проситься со мной, но я категорически возразил, повернулся и пошёл. Она спросила: «Когда мы встретимся ещё раз?» Я ответил, что никогда. Она сказала: «Ну почему я такая несчастная, я уже больше года вас люблю». Я подумал, как это возможно – заочная любовь? Володька меня не ждал, он спросил: «Как Маруся? Что слышно?» Я ответил: «Всё мёртво. Тихо, как ранним утром». Мы немного посидели и я ушёл домой спать.

Утром, как обычно, я ушёл на работу, а вернувшись вечером домой, увидел открытую дверь. Дома была Маруся и Витя. Я поздоровался, она ответила мне и хотела поцеловать, но я сказал, что сначала расскажи о своих проделках, а потом будем принимать решение, как нам быть дальше. Она долго молчала, но потом решилась и рассказала следующее.

Она в Москве работала на заводе и жила в общежитии, куда приходили гулять солдаты из ближайшей воинской части. Там она и познакомилась с Лёнкой. Однажды на какой-то праздник они изрядно

выпили и Лёнька, воспользовавшись этим, изнасиловал её. Она хотела подать в суд, но он клялся, что всё было по любви и когда он демобилизуется, они поженятся. Она согласилась, чему он был рад и они стали сожителем. Однажды он долго не приходил на свидания, а когда пришёл, она спросила: «Почему долго не приходил? Нашёл другую?». Он объяснил, что за два опоздания из увольнения отсидел десять суток на гауптвахте. Она поставила ему ультиматум, чтобы каждый день приходил на свидание, зачем нужен такой муж, который приходит только два раза в месяц. Он стал приходить каждый день, но однажды за ним пришёл караул и его арестовали. Позже состоялся суд и за систематический уход из части, который расценили как дезертирство, его осудили на пять лет тюрьмы. Атмосфера в общежитии сложилась плохая, подруги осуждали её и считали её виноватой во всём случившемся. На работе (работала она в литейном цеху) она уронила на ногу заготовку и на следующий день не вышла на работу. (По законам того времени опоздание на работу на 15 минут грозило заключением в тюрьму). Она уехала к сестре, куда разыскивать её, за неявку на работу, приезжала милиция. По совету знакомых она воспользовалась единственным выходом, завербовалась на работу на Урал. По завербованным на работу преследования прекращались. После того, как Лёнька вернулся из заключения, он приехал в посёлок и стал требовать, чтобы она жила с ним, так как из-за неё он испортил себе жизнь. Когда она решилась и приехала с ним к своим родителям, отец и мать не пустили его в дом, а её отругали, за то, что лишила сына отца, а связалась с бывшим заключённым и потребовали, чтобы она подумала о судьбе сына и вернулась к законному мужу.

Мне тоже стало жалко сына и я согласился с ней жить, предупредив, что второго такого случая не должно быть.

1 сентября 1954 года я поступил в восьмой класс Новосинеглазовской средней школы рабочей молодёжи. Занятия начинались вечером, после окончания рабочего дня, поэтому учиться и работать, с выездами на участки, было тяжело и я всё время просился у Григория Даниловича Зисовича, чтобы меня перевели на постоянную работу в Новосинеглазово. И наконец 28 декабря меня пригласили в отдел кадров СМУ 6 и вручили копию приказа, в котором значилось, что я откомандирован в распоряжение треста «Нефтегазопроводстрой», вручили трудовую книжку и с этими документами я прибыл в отдел кадров треста. Меня направили к главному бухгалтеру треста Белоусову А.И.. Он принял меня хорошо, на приказе написал резолюцию: «Оформить старшим бухгалтером ЖЭКа с окладом тысяча триста рублей» и отправил меня назад в отдел кадров. Там меня попросили подождать и я немного посидел в вестибюле на стуле. Вскоре женщина вынесла мне приказ по тресту №175 от 30 декабря 1954 года о назначении меня старшим бухгалтером ЖЭКа и сказала: «Езжайте в ЖЭК и быстрее принимайте дела, потому что бывший бухгалтер проворовался».

На следующий день я с приказом прибыл в контору ЖЭКа, где меня уже ждал юрист треста. Он поздоровался со мной и сказал, что на бухгалтера ЖЭКа заведено уголовное дело и скоро его будут судить. Часа за два мы составили акт передачи, отпечатали его, подписали и

один экземпляр юрист забрал и уехал в трест, а я приступил к работе.

Однажды Витя был со мной на работе, а Маруся уехала в город и вернулась домой только в двенадцать часов ночи, я, конечно, устроил скандал, но она объяснила, что села не на новосинеглазовский поезд, а на пантаевский, и с тремя подругами пришла из Смолино в посёлок пешком. Я сразу поверил, потому что один раз сам так же перепутал поезда. Недели через две я встретил дядю Сашу Самбунова, мы разговорились и он спросил меня: «А как ты с женой живешь?», я ответил: «Хорошо, она успокоилась». Подумав, он сказал мне: «Я как-то раз дежурил возле магазина, на площади остановился ГАЗик и из него вышла твоя жена, из машины её о чём-то спросили, она кивнула и пошла домой». Меня эта информация заинтересовала. В ближайшее воскресенье я поехал в город, сел на поезд, поехал в Смолино и оттуда пешком пришёл в посёлок, этот путь занял у меня три часа. Я сопоставил время и не мог понять, почему я пришёл домой днём за три часа, а она ночью – за два? Но в этот день я скандалить не стал. Вечером пришла кума Вера с дочкой Любой и стала смотреть наш альбом с фотографиями, я сидел рядом и чуть не вскрикнул, увидев в альбоме свою фотографию, которую делали немцы, когда я отказался записываться в Русскую Освободительную Армию, после чего выслали в Норвегию как неблагонадёжного для Рейха. Когда кума ушла, я спокойно начал разговор и сказал Марусе: «Мне известно про то, что ты завербована КГБ для слежки за мной, от этого никуда не денешься, но будь справедливой, Родине я не изменял, уголовных дел не совершал, пиши им правду, а жить мы с тобой будем по-прежнему. Маруся всё категорически отрицала, но я привёл доказательства: то, что её видели как она выходила на площади из машины КГБ, несоответствие времени перехода пешком от Смолино и фотография в альбоме. Маруся заплакала и сказала, что не смогла отказаться и подписала документы о сотрудничестве с КГБ. Я сказал, что меня не интересуют подробности и её кличка, что случилось, уже не исправить, поступай как знаешь, только сына жалко и глядя на него, спящего в кроватке, я заплакал. Потом я сказал Марусе: «Об этом разговоре знаем только ты и я, можешь об этом не докладывать» В эту ночь спать мы легли отдельно.

Утром я ушёл на работу, а когда вечером пришёл домой, то дверь оказалась закрытой. Я пошёл в огород и стал там работать. Вскоре пришла кума Вера, принесла мне ключ от дома и сказала, что Маруся перебралась к ней и сказала, что со мной жить не собирается, так как не хочет отвечать за мои проделки с Вандой. Мы разговорились, я стал расспрашивать о сыне. Вера стала ругать Марусю, говорила, что она дура, если не хочет жить с семьёй, потом сделала мне предложение забрать у Маруси Витю и жить с ней и добавила: «Будем воспитывать обоих детей вместе, а я даю слово, что больше рожать не буду, а за тобой буду ухаживать лучше, чем Маруся, мне это показалось подозрительным, так как почти все женщины предлагали мне счастливую жизнь. Я ответил: «Вера, я ещё женат, имею жену и сына, успокойся, иди домой и не усложняй наши взаимоотношения». «А я думала, что останусь у тебя ночевать» – сказала Вера. «Иди домой и передай Марусе, чтобы возвращалась» – сказал я, она улыбнулась, стала собираться и напоследок сказала: «Лучше меня ты всё равно

никого не найдёшь». Ночевал я один. Утром проснулся, стал бриться, в дверь постучали. Я подумал, что опять пришла кума Вера, пошёл открывать и удивился, перед дверями стояла Маруся и улыбалась. Я спросил: «Что случилось?» «Пришла посмотреть с кем ты живёшь» – ответила она. Я сказал: «Да вот, собираюсь жить с кумой Верой». Маруся выругалась в её адрес, поцеловала меня, попросила прощения за совершенную глупость и сказала: «Когда Витя проснётся, я вернусь домой». Я ушёл на работу, а вечером, когда возвращался домой, на улице меня встречал Витя, я взял его на руки и мы пошли в дом. Маруся приготовила ужин, мы покушали и легли спать. Так вроде бы наладилась моя семейная жизнь, мы помирились, но я заметил, что каждую среду Маруся ездит в город. Однажды в среду, я отпросился с работы и был дома, она вернулась из города часа в два дня. Когда она зашла в дом, я сразу заметил, что у неё на шее нет позолоченного кольца, которое я подарил ей на день рождения. Я сказал: «Что, дошло уже и до постели?» Она опешила и говорит: «Что ты мелешь» «А куда делось кольцо?» – спросил я. Она схватилась руками за шею, покраснела и говорит: «Я сейчас привезу» - и вышла из дома. Вечером она вернулась, но кольцо так и не привезла. Я ей ничего не сказал, понял, что она встречается со старшим лейтенантом Хапеном, вспомнил, как я застал его с Вандой, подумал: «Будь что будет, как-нибудь переживу и это», а вслух сказал: «Готовь ужин, есть хочется».

Я научился играть в шахматы и в ноябре 1955 года на районном турнире занял второе место, мне вручили приз: шахматы и две пары носков, а за первое место приз был – рубашка.. В этом же турнире я выполнил норматив и мне присвоили третий разряд по шахматам. Я участвовал в турнире №44 по переписке для третьего разряда, из восьми участников я занял пятое место.

10 января 1957 года я вступил в добровольное спортивное общество «Нефтяник», поскольку работал на предприятиях нефтяной промышленности.

25 февраля я получил повестку явиться в Сосновский райвоенкомат 4 марта 1957 года за получением правительственной награды. В военкомате нас собралось человек тридцать. Пред нами выступил майор в гражданской одежде и сказал, что мы все реабилитированы, правительство нас награждает и срок пребывания в плену засчитывается как служба в армии. Военком в торжественной обстановке вручил нам медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.» Затем опять взял слово майор и сказал: «Если Вас будут дискредитировать или упрекать за пребывание в плену, вы обращайтесь к нам, мы разъясним этим людям политику партии и правительства». Торжественная часть закончилась и мы стали расходиться, человек десять, в том числе и я, зашли в ресторан и как полагалось на фронте, обмыли награды и разъехались по домам. На работе меня тоже поздравили. Через несколько недель я получил повестку из военкомата явиться в Новосинеглазовскую больницу, я удивился, почему военкомат приглашает в больницу. Когда я пришёл в больницу, меня встретил старший лейтенант и сказал в какой кабинет надо идти. Я зашёл, вручил повестку, мне выписали карточку со списком врачей, которых надо обойти, и я сразу пошёл к хирургу, который

осмотрел мои ноги и послал меня на рентген. Мне сфотографировали ступни ног и обе руки. Я принёс снимки хирургу и он стал записывать каких суставов у меня нет. На второй день я прошёл ещё двух врачей. Всеми этими событиями, связанными с реабилитацией я был сильно взволнован, я почувствовал себя таким же человеком, как и все другие граждане страны. Когда я пришёл в больницу на следующий день, то объявил врачам, что поскольку я работаю бухгалтером мне моя инвалидность не мешает выполнению моих служебных обязанностей, а предназначенную мне пенсию по инвалидности я сдаю в фонд обороны. Врачи начали спорить между собой, одни соглашались со мной, другие настаивали на том, чтобы оформить все документы. Я сказал: «Если я решил, то пишите, как я сказал!». Врачи согласились со мной и я ушёл на работу. Я уже позабыл об этом эпизоде, но на торжественном собрании перед Днём Победы докладчик упомянул, что товарищ Ильченко сдал свою пенсию по инвалидности в фонд обороны страны.

В 1957 году я ходил уже в десятый класс вечерней школы рабочей молодёжи, готовился к экзаменам, парторг СУ-1 Павел Дмитриевич Ханжин после семи классов пошёл сразу в десятый и я в черновиках выполнял ему решения задач по химии, математике, геометрии и тригонометрии, за что меня раскритиковали в трестовской многотиражке. Нарисовали Ханжина, лежащим на диване, а меня, сидящим за столом и выполняющим его задания. Почему-то этой статьёй заинтересовался юрист треста, приехал ко мне на работу, побеседовал и уехал.

21 июня 1957 года в клубе был выпускной вечер, директор школы похвалил меня за хорошую учёбу. Затем выступил начальник строительного управления Виноградов Д.И. поблагодарил всех за учёбу и огласил приказ по СУ-4 о том, что лучшим учащимся объявляется благодарность и они награждаются ценными подарками, в том числе и мне вручили три книги.

Вскоре я был избран делегатом на отчётно-выборную районную конференцию спортивного общества Сосновского района. Нас было около тридцати делегатов, сидели мы по два человека за столом, на каждом столе стояла бутылка минеральной воды и бутылка сидра, а на тарелке лежало по два беляша и по два бутерброда с колбасой. Мне тогда казалось, что это конференция высокого уровня. В должности председателя районного спортивного общества утвердили исполняющего обязанности Мальцева В.И., который в заключении произнёс речь, в которой сказал, что мы являемся активом в спорте и он ожидает от нас действенной помощи и пригласил покушать то, что приготовлено на столах. Поскольку было уже обеденное время, то делегаты дружно расправились с продуктами и разъехались по домам.

Летом этого же года была конференция по созданию добровольных народных дружин, на которой сразу же подавали заявления о вступлении в дружину. Я тоже вступил в народную дружину и меня избрали начальником нашей Новосинеглазовской поселковой народной дружины.

У нашего знакомого Вигнера был телевизор КВН с очень маленьким экраном, но перед ним ставилась стеклянная линза, в виде аквариума, в которую наливали воду и изображение увеличивалось. Когда мы

приходили к ним в гости и смотрели телевизионные передачи, то даже завидовали им.

Однажды я был свободен, ходил в посёлке по магазинам и продавщица Сергачёва Клава сказала, что им привезли целую машину телевизоров «Рекорд» с экраном 29 сантиметров по диагонали, стоимостью четыреста рублей. Я пришёл домой и рассказал об этом Марусе, она сразу предложила купить телевизор. Поскольку я недавно получил аванс, у нас было пятьсот рублей и я согласился. Мы купили телевизор, принесли его домой, включили и стали ждать, когда заработает телецентр. Тогда он работал в рабочие дни с 16 до 22 часов, а в выходные и праздничные дни с 12 до 22 часов. Весть о нашей покупке разнеслась по всей улице и посмотреть на диковинку собралось много народа, и взрослые и дети. Я смастерил антенну, как было написано в инструкции и в 16-00 на экране появилась красивая девушка – диктор телевидения. Мы все были в неописуемом восторге, многие из соседей видели телевизор впервые. Все одобрили нашу покупку, а мы, на радостях пригласили всех приходить в гости, смотреть телевизор. Мы стали покупать газету «Челябинский рабочий» в которой печаталась программа телепередач, многие следили за программой и приходили к нам смотреть кинофильмы. Особенно много народу собиралось по субботам и воскресеньям. Так мы стали уважаемые люди в посёлке. Вскоре в газете опубликовали биографию первого диктора Челябинского телевидения, которая так всем понравилась: эту девушку звали Таня Цуканова.

В октябре 1957 года Советский Союз запустил первый спутник Земли. Об этом много писали в газетах. Мы в то время выписывали газету «Челябинский рабочий», в которой на первой странице, рядом с названием газеты, печатали расписание пролёта спутника над территорией СССР. Когда наступало указанное время, почти все жители посёлка выходили на улицу и наблюдали движущуюся звёздочку на ночном небосклоне.

Весной 1958 года мы прочитали объявление о продаже дома на улице Громова. Мы с Марусей сходили, поговорили с хозяином Кашаевым, посмотрели дом. Он был раза в два больше нашего и гораздо дальше от железной дороги, меньше шума от проходящих поездов. Договорились с хозяином о цене и вскоре начали перестройку. Пристроили кухню и коридор. Плиту перенесли из комнаты в кухню, после чего комната стала 4х4,5 метра, а кухня 3х4,5 метра, что раза в два больше прежнего нашего дома на улице Советской. Закончив перестройку, мы продали дом на Советской и переехали на улицу Громова. В новом доме нам стало жить более просторно. Витя сразу же подружился с детьми соседей и особенно с семьёй немецких переселенцев Гюнтеров, у них в семье было четыре мальчика, а один из них был ровесник и одноклассник Вити. Мы с Марусей тоже подружились с соседями и потекла нормальная жизнь. На работу ходить было одинаково, что и с Советской улицы, только здесь приходилось идти через стадион, сокращая путь. Однажды, когда я шёл с работы, меня встретила Витина учительница и рассказала, что Витя приносил в школу мою медаль «За победу над Германией» и добавила, что это награда, а не игрушка, заберите её у него. Я побеседовал с Витей и он больше медаль не брал.

В конце 1958 года я перешёл на работу старшего бухгалтера жилищно-коммунальной конторы треста «Бензопроводстрой». В начале 1959 года, при реорганизации подразделений треста, ЖКК вывели из состава треста и передали на баланс строительного управления №1, который располагался в посёлке Новосинеглазовский, так как посёлок на 70% состоял из домов, построенных СУ №1.

Однажды меня пригласил к себе в кабинет главный бухгалтер СУ №1 Горенштейн Самуил Соломонович и рассказал, что он, будучи в командировке в Москве, познакомился с учёным-экономистом Пастернаком, который предложил внедрить на нашем предприятии разработанную им новую журнально-ордерную систему счётопроизводства и предложил мне принять в этом участие. Мы стали обсуждать конкретное участие в этой работе. Я предложил разнести в новые журналы декабрь месяц, за который мы уже отчитались по старой форме, и составить баланс, если у нас всё получится, тогда переходить на новую форму счётопроизводства. Так и решили и приступили к работе. К концу января мы всё сделали, Самуил Соломонович сделал баланс по СУ-1, а я - по ЖКК, так у нас появился второй баланс, в котором было всё точно также как и в контрольном журнале. Самуил Соломонович сразу позвонил в Москву в сектор учёта Министерства нефтяной промышленности, откуда вскоре к нам приехал сам автор этой системы Пастернак. Просмотрев наши документы он составил два акта о внедрении новой системы: один по СУ-1, второй по – ЖКК, поблагодарил нас за внедрение и уехал.

Примерно через неделю из министерства пришёл приказ, в котором говорилось, что за внедрение журнально-ордерной системы счётопроизводства в системе треста «Бензинопроводстрой» премировать главного бухгалтера СУ-1 Горенштейн Самуила Соломоновича и старшего бухгалтера ЖКК Ильченко Михаила Алексеевича по триста рублей каждого.

К нам на работу, на должность домоуправа, из военкомата направили майора Унгицкого Михаила Михайловича, очень принципиального человека. В 1958 году, в процессе работы, мы познакомились с ним ближе и он рассказал мне свою историю. Он после войны служил командиром батальона в Порт-Артуре на нашей военной базе на территории Китая. Служба проходила нормально, батальон был укомплектован полностью. В штабе батальона работало шесть офицеров, среди которых были две женщины, они были замужем за офицерами, которые служили в этом же батальоне. Муж одной из них, капитан, как-то в личной беседе пожаловался, что живёт с женой уже три года, а она всё никак не забеременеет. Спустя некоторое время он с радостью сообщил, что он наконец-то станет отцом – жена забеременела. Но беда пришла неожиданно. В положенное время из больницы раздался звонок и врач, принимавший роды, сообщил, что родившийся ребёнок – китаец. Каждый день в батальон стали приезжать проверяющие и в своих докладах сделали вывод, что в батальоне слабый контроль со стороны командования за подчинёнными. Весь состав штаба батальона демобилизовали из армии и отправили в СССР. Его, как начальника штаба, направили на родину в Челябинск. Поскольку жить ему было негде, то он дал согласие работать в ЖКК, так как здесь

предоставляли ведомственную квартиру.

Как-то ко мне на работу зашёл старший лейтенант милиции Турванин и предложил перейти на работу в органы МВД, сказав, что такие работники им нужны, поскольку приходится часто проводить проверку бухгалтерских документов, а специалистов нет. А тут ещё произошёл неприятный инцидент на работе, опять у меня на пути встали евреи. Главный бухгалтер Горенштейн Самуил Соломонович подготовил приказ и перевёл меня рядовым бухгалтером домоуправления, а на моё место, старшим бухгалтером назначил своего зятя – Реветникова Александра Ивановича – еврея с русской фамилией. Я возмутился и поехал в Сосновское УВД к Турванину, поговорил с ним, он представил меня начальнику Сосновского УВД майору Хейну и майору - начальнику по оперативной работе, они подробно побеседовали со мной, дали лист бумаги и анкету. Я заполнил анкету, написал заявление и отдал им.

22 мая 1959 года ко мне на работу пришёл участковый уполномоченный капитан Парфёнов и сказал, что мы поедем областное управление милиции. Сотрудники на работе были удивлены и спрашивали за что меня туда вызывают, а я и сам не знал. Когда мы приехали, нам выписали пропуск и дежурный сказал, что меня ждёт полковник милиции Матушкин. Когда я зашёл к нему в кабинет, он пригласил меня сесть и около получаса мы беседовали с ним в основном по биографии, затем он подписал мне направление на медкомиссию и сказал куда мне идти. На медкомиссии меня осмотрели, дали заключение: годен для работы в органах МВД, и направили ожидать возле кабинета полковника Матушкина. Через несколько минут в кабинет с папкой зашёл капитан, а потом вызвали и меня. Полковник задал мне несколько вопросов и объявил: «С сегодняшнего дня вы являетесь оперуполномоченным ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности). Завтра идите в Сосновский отдел МВД, знакомьтесь и приступайте к работе». Капитан спросил есть ли у меня фотография. У меня как раз с собой была фотография, для паспорта, он забрал её у меня.

На следующий день я рано утром пришёл в районное управление, работников как раз собирали на совещание к майору Хейну, Турванин пригласил и меня. Перед совещанием майор проинформировал, что в ОБХСС есть пополнение и вручил мне удостоверение оперуполномоченного. После совещания сотрудники управления стали знакомиться со мной, а один даже сказал: «Турванин, у тебя отличное пополнение, теперь хана всем мошенникам и расхитителям». Мне выписали направление в Новосинеглазовское поселковое отделение МВД и я уехал домой. Только теперь я оформил увольнение из ЖКК. Через год мне присвоили звание младшего лейтенанта милиции.

XII. СНОВА ОДИН

В моей жизни произошла резкая перемена. Моя жена Маруся работала продавцом в магазине, а я – старшим бухгалтером в жилищно-коммунальной конторе при СУ-1. Начальником ЖКК был Покровский Валерий Леонтьевич. В подчинении нашей конторы была поселковая баня, которой заведовала рабочая Шерстнёва. Посетителям бани выдавались билеты, которые мы печатали на машинке в конторе и

ставили на них печати. Я выдавал Шерстнёвой билеты, а в конце месяца она сдавала мне отчёт и выручку. Однажды вечером Маруся рассказала мне, что к ней приходил живший через три дома от нас Бадиков Фёдор, друг или родственник Шерстнёвых, и попросил переговорить со мной, если я не буду контролировать Шерстнёву, то на деньги, которые достанутся мне, я смогу купить легковую машину. Я сказал Марусе, что я на это не пойду, и на этом наш разговор закончился. Придя на работу, я рассказал об этом разговоре начальнику ЖКК Покровскому Валерию Леонтьевичу, через некоторое время вышел приказ по ЖКК об увольнении банщицы Шерстнёвой с работы. Муж Шерстнёвой работал в Конторе промышленных предприятий бригадиром бетонщиков и, облюбовав в бригаде молодую бетонщицу, принуждал её к сожительству. Она не отвечала ему взаимностью. Как позже выяснилось, он по вечерам ходил под её окнами и подслушивал о чём она разговаривает с мужем. У него была навязчивая идея, что он должен, во что бы то ни стало, добиться сожительства с полюбившейся ему работницей бригады. Время шло, а мечты оставались мечтами.

Однажды Шерстнёв пошёл к этой женщине ночью и в результате пьяного скандала убил её. Вернулся домой, жена увидела его рубашку, всю в крови, спросила: «Что случилось?». Он ей всё рассказал, переоделся в чистую рубашку, приказал сжечь окровавленную одежду и сказал: «Всё равно погибать, пойду поквитаюсь с другими», взял топор и пошёл к нам. Мы жили от него недалеко, метров двести. Он стал стучать в ворота и звать меня. Я стал выходить через коридор на улицу, а он в это время топором разбил окно, залез в дом, несколько раз ударил Марию по голове, вылез через окно и убежал. Я, увидев произошедшее, стал звать на помощь соседей, они вызвали милицию и врачей. Витя был тут же в комнате. Поскольку мы с Шерстнёвым лично знакомы не были, я не мог его узнать и на вопросы милиции: «Кто это мог быть?» я ничего вразумительного ответить не мог. Как позже выяснилось, Шерстнёв после нас пошёл убивать начальника ЖКК - Покровского В.А., жившего с женой в финском домике. Таким же образом, разбив на кухне топором окно, он начал забираться в квартиру, на шум разбитого стекла на кухню вышел хозяин с женой, включив свет и, увидев на подоконнике мужчину с топором в руках, он быстро выключил свет. У них около окна стоял столик, но не всю длину окна, а на половину. В темноте, после яркого света, Шерстнёв, не разглядев в деталях обстановку кухни, сделал шаг вперёд, оступился мимо столика и упал на пол, тут его Покровский скрутил и вызвал милицию. Позже он говорил: «Если бы я знал, что мы не первые у него в списке, и что он уже успел побывать у вас, он бы милиции не дождался».

Это происшествие потрясло весь посёлок. После окончания следствия был суд в доме культуры. Собралось много народу. Суд шёл несколько дней. Шерстнёва приговорили к высшей мере наказания. Позже по посёлку ходили слухи, что его направили работать на урановые рудники.

О произошедшем я написал брату Грише и попросил, если это возможно, чтобы мать приехала жить ко мне, так как я снова остался один с сыном. Мать приехала поездом и стала жить с нами. Ей сразу не понравилось жить в Синеглазово. Климат был суровее, чем на Украине и стариков было гораздо меньше, ей не с кем было общаться.

Больше года я прожил один и мать всё время настаивала, чтобы я женился, а она смогла бы уехать домой. Она предлагала мне нескольких невест, в том числе и куму Веру, но я не решался на этот шаг. Вскоре меня познакомили с одинокой вдовой Шимкуте Оной Юзовной. Друг друга мы знали по работе, а так как посёлок был небольшой, то встречались и в посёлке. Мы решили создать семью.

Работая оперуполномоченным ОБХСС, мне положено было по штату носить табельное оружие, пистолет ТТ. Когда я днём приходил домой, то обычно клал его в гардероб на верхнюю полку. Однажды произошёл такой случай: мы с Аней пололи огород на улице Громова, к нам подошёл Витя с каким-то своим другом и с пистолетом в руках и спрашивает: «Папа, а почему я нажимаю на курок, а он не щёлкает?» Я быстро подошёл к нему и забрал пистолет, он был заряжен, но стоял на предохранителе, а Витя не знал, как снимать с предохранителя. После этого происшествия я запретил ему лазить в шкаф и брать пистолет, но, на всякий случай, если приходилось класть туда пистолет, то я его разряжал, а обойму с патронами прятал отдельно, а шкаф закрывал на замок.

Летом 1960 года пришёл приказ заменить офицерам МВД табельное оружие: пистолеты ТТ на пистолет Макарова. К нам в отделение приехал инструктор из областного МВД, который провёл с нами занятия: рассказал об устройстве и преимуществах пистолета Макарова перед пистолетом ТТ. Мы сдали теоретический экзамен и приступили к занятиям по разборке, смазке и сборке пистолета. Примерно через месяц были назначены стрельбы. Нас привезли на стрельбище, где уже было много офицеров из райотделов милиции города и районов области. Из нашего поселкового отделения приехало пять человек: капитан Парфёнов, младшие лейтенанты – я, Назаров, Ижбульдин и Михаил Михайлович, фамилию которого я забыл. Когда подошла наша очередь, нам выдали новые пистолеты, мы их почистили и пошли получать патроны, каждому выдали по три патрона. Потом, все пять человек сразу, мы встали на огневую позицию и стали стрелять по мишеням. Наверное, потому что я был единственным фронтовиком среди нас, я произвёл три выстрела за две минуты и стоял ждал, когда отстреляются остальные, на это обратил внимание один из руководителей стрельб майор Маркин. Когда осмотрели мишени (силуэты по грудь), то у меня было два попадания в силуэт и одно в мишень, но за силуэтом, а у Назарова мишень была чистая – ни одного попадания. Назаров начал доказывать, что в пистолете надо регулировать мушку, что он не пристрелян и тому подобное. Тогда майор Маркин подозвал меня и Назарова, приказал нам поменяться пистолетами, выдал нам ещё по три патрона и поставил на огневую позицию. Я опять отстрелялся быстрее Назарова и когда он закончил стрелять, мы пошли к мишеням. Вновь оказалось, что в моей мишени три попадания, а у Назарова – чистая. Майор Маркин сказал: «Всё ясно, вам, товарищ Назаров, необходимо ещё тренироваться». Когда мы отдыхали после стрельбы и ждали когда отстреляются другие, я задал Назарову вопрос: «В чём дело, что ты так плохо стреляешь?» Он ответил: «Я с глубокого похмелья, руки трясутся».

Однажды мне пришлось участвовать в расследовании не совсем

обычного преступления. В городе Копейске умер директор шахты, жена его любила и на похороны купила новый дорогой костюм, приколотла к нему орден Ленина, которым он был награждён. Положила золотые карманные часы, которые она ему подарила и которые он очень любил. Похороны прошли торжественно, было много народу. Но через некоторое время в милицию поступило сообщение, что могила директора шахты раскопана. Михаил Григорьевич, начальник милиции, собрал нас: меня, уполномоченного уголовного розыска Василя Яковлевича, участкового Парфёнова и послал нас на раскрытие этого дела. Прибыв на место происшествия мы обнаружили разрытую могилу, вскрытый гроб и покойника в нижнем белье, сфотографировали всё и разрешили повторно захоронить тело. На совещании пришли к выводу, что этот акт вандализма совершил кто-то из приезжих, а не жители Копейска. В разговорах с людьми наша догадка подтвердилась, некоторые в беседах рассказывали, что тут вертелись двое молодых, которых никто не знал. Один из шахтёров подсказал, что они знакомы и встречаются с местным Сашкой. Мы допросили этого Сашку и он сказал, что эти двое живут в Челябинске и сюда приезжают к девушкам, но среди опрошенных девчат ни одна не подтвердила знакомство с этими парнями. Нам удалось установить их адреса и мы обратились за помощью к работникам милиции города Челябинска. Поскольку я был одет в гражданскую одежду, то к одному из них я пошёл в сопровождении участкового. Парень этот жил в частном доме, в огороде у него была построена банька, которую мы решили осмотреть в первую очередь. Зайдя в баньку, мы почувствовали сильный запах одеколona. На чердаке обнаружили свежее разрытый шлак, разрыв который мы обнаружили костюм, политый одеколоном, чтобы убрать трупный запах. Прокурор дал ордер на арест и на более тщательный обыск. На допросах парни признались в совершении преступления и дело было передано в суд.

Однажды утром, начальник милиции Михаил Григорьевич, собрал экстренное совещание на котором сообщил, что в нашем посёлке, из кассы геологоразведки похищено около пяти тысяч рублей, оставшиеся после первого дня выдачи зарплаты. Вскоре из Челябинска для расследования этого преступления приедет подполковник Куликов и все оперативные работники поступают в его распоряжение. Придя в посёлок геологоразведки я встретился со своими агентами и от них узнал, что касса находится в общежитии на втором этаже в угловой комнате. Преступник проник в кассу через чердак, пропилив в чердаке дырку, вскрыл сейф, забрал деньги и снова через чердак ушёл.

Собаки след не взяли, поэтому вся работа по розыску преступника легла на плечи оперативного состава. Так как рабочие, получив зарплату, разъехались по буровым вышкам, для опроса свидетелей приходилось ехать за 40-100 километров. Часов в 12 дня удалось установить, что после получения зарплаты, на работу не вернулся некто Хохлов. Сразу под наблюдение взяли железнодорожный вокзал, но это ничего не дало. Правда нашёлся свидетель, рабочий с буровой, который возвращался на работу, ждал на Новосинеглазовском вокзале поезда и видел там Хохлова. Вечером подполковник Куликов собрал совещание, и сообщил, что все остаются в его распоряжении и утром должны

явиться к нему.

Я жил недалеко от посёлка геологоразведки. Утром рано я вышел из дома и направился в контору геологоразведки. По дороге встретил своего агента, который предложил мне зайти в уличный туалет на шесть очков. Когда я подошёл к туалету там уже собралось человек десять рабочих, на входе стоял дружинник и никого внутрь не пускал, меня он знал в лицо и поэтому не спрашивая удостоверения пропустил меня внутрь. Я осторожно зашёл внутрь, чтобы не уничтожить следы, которые могли остаться от преступника и увидел надпись красной краской на доске, прибитой почти под самой крышей “Деньги в кассе ёб... я, х.. найдёте вы меня”. Прочитав надпись я решил, что преступник очень наглый если решил над нами посмеяться. Выйдя на улицу, я увидел, что приехали работники милиции из Челябинска. Я подошёл к автобусу и доложил об увиденном подполковнику Куликову, который после осмотра туалета приказал доску с надписью отправить на графологическую экспертизу в Челябинск. В этот день мы опять ничего не нашли, а вечером, на совещании, подполковник Куликов сказал, чтобы все работники на следующий день выходили на свои рабочие места, а следствие будет продолжать челябинская опергруппа, так что о результатах их работы я ничего не знаю.

XIII. НОВАЯ СЕМЬЯ.

Работая в милиции, я поступил в высшую школу МВД в городе Омске, и в октябре 1960 года поехал на установочную сессию. Дома с Витей осталась мать. По приезду домой с сессии я проводил мать на поезд, и она уехала в село Иванковцы, а 5 ноября 1960 года мы с Аней зарегистрировали свой брак, но так как перед этим мы оба до этого состояли в браке, то свадьбы не было, а собрали вечером небольшое застолье. Аня жила в шлаколитом доме по улице Малой №22, недалеко от нашего дома. Мы решили продать мой дом на улице Громова, а жить в её доме, так как он был больше и удобней. В нём Вите можно было выделить отдельную комнату.

Однажды мне позвонили на работу и сообщили, что к Ане на работу (она работала крановщицей) пришёл какой-то мужчина, подал ей знак, она слезла с крана, переговорила с ним и отпросилась с работы домой, а незнакомец пошёл в том же направлении, только другой дорогой. Я сказал начальнику, что мне по работе срочно надо в город, а сам пошёл домой. Дома сидела Аня и одетый в фуфайку мужчина, я спросил у Ани: «Кто это такой?» Она ответила, что он пришёл узнать не продаю ли я дом. Я был удивлён: «Но мы же договорились, что я продам свой дом, а в твоём будем жить?» Незнакомец стал собираться уходить, я вышел его провожать. На улице я сказал ему: «Я вас узнал, вы майор КГБ Сомов и нечего было устраивать маскарад. Ваша фотография висит на доске почёта в областном отделе МВД. Я вскоре приеду в город и зайду побеседовать к вам». Он сказал: «Вас туда не пустят». Я вытащил служебное удостоверение, показал ему и сказал: «На задание надо идти, когда твёрдо знаешь, что тебя никто не узнает». Ане я об этом разговоре ничего не сказал, но подумал, что и её они пытаются заставить работать на них. Но она была литовкой по национальности, а

литовцы забрали меня из лагеря, когда я был на грани смерти, и весил всего пятьдесят восемь килограмм, меня откормили и обращались со мной хорошо и я решил прожить с ней всю свою оставшуюся жизнь, если она мне не изменит.

Кроме моих друзей прибавилось много знакомых Ани. Чаще других мы проводили время с Юндерсом Геной (Геннадий Альфредович), с его женой Валею и их сыном Валерием. Вместе с Геной жил его младший брат Имант. Часто с нами проводили время и семья Лямо: Виктор и его жена Зоя. По воскресеньям мы часто устраивали совместные застолья, выходили в лес на пикники, а зимой все вместе ходили в лес на лыжах. Оба наши друга работали на трассе нефтепровода.

С января 1961 года стали менять старые деньги на новые с индексацией в десять раз. Меня назначили на два месяца охранять кассира, я сопровождал его в банк, для получения новых денег, и охранял в обменном пункте.

В марте 1961 года я вступил кандидатом в члены КПСС.

Юндерс Иммант встречался с девушкой Галей и к маю месяцу он решил с ней пожениться, но Галина семья предложила, чтобы сватанье проходило по старому обряду, Иммант расстроился, боялся потерять невесту, так как все его родственники были с Прибалтики и обрядов не знали. Он обратился ко мне за помощью. В апреле, в одно из воскресений, мы, шесть человек, пошли в посёлок, где жили Галины родители. У дверей дома нас встретила Галина мать и не пускала в дом, а спрашивала: «Кто вы и зачем пришли?». Иммант растерялся, покраснел и прошептал: «Всё пропало!» Нужно было как-то выходить из создавшегося положения, и я произнёс только что придуманную фразу: «Летела галка через балку, сюда прилетела и в дом залетела». Мать сказала: «Немного не так, ну да ладно, заходите». Мы зашли в дом, Галю спрятали от нас в другой комнате. Я подошёл к матери, рассказал несколько заготовленных заранее прибауток и закончил словами: «Вы должны продать нам невесту». Иммант дал матери пятьдесят рублей, она взяла и разрешила зайти ему в комнату, где была Галя. Мальчика лет десяти посадили на приданом и сказал: «Если не заплатите, не отдам одежду невесты». Иммант дал ему двадцать рублей и он ушёл. Но самое интересное произошло после того, как мы выставили на стол пол-литра водки и закуски, вся семья сразу преобразилась и подобрела к нам, а после первой выпитой рюмки завязался дружеский разговор. После окончания застолья мы забрали с собой Галю и ушли домой.

Приближался день свадьбы, Гена и Валя пришли к нам, мы посоветовались и составили список приглашённых, набралось около двадцати человек только со стороны жениха. Сообщили родителям невесты, чтобы с их стороны было не более десяти-пятнадцати человек. На воскресенье договорились с председателем поселкового совета Карташёвой Зоей, о регистрации брака. В воскресенье, в день свадьбы, несколько человек поехали в посёлок за невестой. Иммант сильно переживал, чтобы не случилось какого-нибудь чрезвычайного происшествия. Вот машина подъехала к подъезду и все гости вышли на улицу встречать невесту и были неприятно удивлены: из машин стали выходить гости со стороны невесты и у многих из них на лицах были синяки. Под глазом Галиной матери и её старшей сестры светило по

«фонарю». Из четырёх мужчин один тоже был с «фонарём» и кровоподтёком. Все встречавшие растерялись, увидев перед собой такую «боевую» компанию и вели себя настороженно пока Имант с Галей и со свидетелями ездили в поссовет регистрировать брак. Вскоре они приехали домой и Галина мать разрядила обстановку выйдя вперёд и сказав: «Дорогие сваты и гости, не смотрите на нас таким взглядом, так требуют наши сибирские обычаи, приглашаю всех за стол». Мы все расположились за столом, выпили за молодых и разговор принял уже более дружественный характер. Когда первый раз встали из-за стола для танцев, Имант и Галя подошли ко мне и поблагодарили меня за то, что я выручил их со сватовством и помог им пожениться. Свадьба прошла как обычно, без происшествий: выпивали, закусывали, танцевали, пели песни, кричали «Горько!», невеста с женихом целовались. Разошлись поздно. Иманту, как молодожёну, дали отдельную квартиру. Позже Имант перешёл на работу в управление и они с Галей переехал жить в Уфу. До 1985 года мы переписывались с ними: они писали, что уже имеют детей и благодарили меня за помощь в создании их семьи.

Работая оперуполномоченным ОБХСС нас привлекали к работе по устранению последствий аварии на предприятии Челябинск-40. Подробности аварии мы не знали, но на совещании оперуполномоченных нам сообщили, что необходимо на нашем рынке проводить проверку реализуемой рыбы, для чего нам выдали прибор. Мы периодически ходили на рынок и прибором проверяли рыбу, если прибор показывал, что рыба заражена, то мы её конфисковывали, уносили на кладбище и там закапывали. Пономарёва Лида, с которой я был знаком, рассказывала, что её муж ещё во время войны попал работать в Челябинск-40, откуда его до сих пор не отпускают домой. Она подготовила документы, чтобы уехать к нему, но в Москве ей отказали. Так она стала, по её словам, разведённой без её согласия и согласия её мужа, и без причины. Люба была очень недовольна.

Однажды наш начальник, Михаил Григорьевич, послал меня и ещё одного рядового милиционера в посёлок силикатного завода разобраться с человеком, на которого поступила жалоба от соседней о том, что он состоит в крупной группировке жуликов. Мы прибыли по указанному адресу, я прошёл по соседям, побеседовал с ними и мне удалось выяснить, что к нему приезжают люди из Краснодара, которые привозят в Челябинск большие грузы, а он с другими жителями Челябинска реализует этот товар. Я решил побеседовать с самим хозяином, подошёл к калитке и постучал. Хозяин вышел на стук, подошел к калитке, открыл её, увидел меня, сказал: «А, Ильченко», закрыл калитку и ушёл в дом. Через несколько минут я вновь услышал шаги и позвал его, чтобы он вышел переговорить. Он ответил: «Сейчас!» и почти сразу прозвучал выстрел из охотничьего ружья. Дробь прошла через калитку недалеко от моей головы. Я, прячась за забором, отскочил подальше от этого места. Я крикнул, что буду стрелять, вынул пистолет, зарядил его и сделал два предупредительных выстрела. Милиционера я послал в отдел за подкреплением, а сам остался наблюдать за домом. Через некоторое время на машине из Челябинска приехали восемь человек, окружили дом, а меня отправили домой. Утром я узнал, что

хозяина дома арестовали. Потом было следствие и суд. Всю группу посадили на разные сроки.

После этого случая Аня предложила мне уйти из милиции, она сказала: «Я не хочу, чтобы однажды ко мне пришли и сказали: «Заберите труп вашего мужа, его застрелили»». Мы несколько дней беседовали с ней на эту тему и я решил, чтобы сохранить семью, уволиться из милиции. Кроме того решили съездить в отпуск на её родину и ко мне и подберём себе новое место жительства, а из Челябинска будем уезжать. Я написал рапорт о том, что просил меня уволить в связи с повышенным давлением, и отдал его начальнику райотдела милиции майору Хейну. Узнав о моём рапорте, многие уговаривали меня остаться, а начальники говорили, что подготовили документы на присвоение мне звания лейтенанта, но я уволился, передал все свои дела Турванину и, с 21 июня 1961 года, перешёл на работу главным бухгалтером Челябинского ремстройучастка треста «Нефтепроводстрой». Вновь вступил в профсоюз, так как в милиции профсоюза не было. В марте 1962 года меня приняли в члены КПСС.

Летом Ане дали очередной отпуск, а я оформил отпуск без содержания, и мы поехали в Литву, в Вежайчай, где жила Анина сестра Броня с семьёй. Деньги у нас были, так как к этому времени мы продали мой дом на улице Громова. В качестве подарка Броне мы купили швейную машинку. Нас встретили хорошо, как обычно, застольем. На второй или третий день Бронин муж, Казис, занялся хозяйственными делами, надо было перевезти с поля сено. Казис нанял машину, и мы за день перевезли тонны три сена, я подавал, а Казис складывал на чердаке. Подошли соседи и, не зная, что я понимаю по-литовски, стали спрашивать обо мне, а некоторые хвалили меня: «Этот русский хороший человек». Я по-литовски ответил, что я не русский, а украинец, они удивились и стали спрашивать, откуда я знаю литовский язык. Я сказал, что в 1943 году, когда был в плену у немцев в Шауляе, немного изучал. Подошла Броня и стала объяснять, что и Литва и Украина одинаково пострадали от России. После окончания работы Казис сказал Броне: «После такой работы положен магарыч», а она ответила: «Аня уже готовит на стол». Мы прилично выпили и закусили, и Казис затянул литовскую песню, я её помнил и тоже подтянул по-литовски. А утром Броня рассказывала, что многие из соседей меня хвалили.

В воскресенье мы поехали в Клайпеду на пляж и заодно провести Бронину старшую дочь Ангелину, которая жила с мужем в Клайпедде. С собой взяли лёгкий обед и пару бутылок водки. Погода была ветреная, но мы всё равно купались и хорошо пообедали, было весело, и Казис сказал: «Я согласен каждое воскресенье ездить на пляж», а она ответила: «Тебе хоть куда ехать, лишь бы выпить!». Время пролетело быстро, оставалась одна неделя нашего отпуска и мы решили ехать на Украину. В Иванковцах нас встретили хорошо, за столом собралось много родственников и знакомых, мы с братом гульнули хорошо, проводили гостей и ещё добавили так, что еле до постели дошли. Неделя пролетела быстро и вскоре мы вернулись в Челябинск. После этой поездки мы решили переехать жить на Украину.

При райуправлении, где я работал, проходил районный квалификационный турнир по шахматам, в котором я принял участие и

выполнил норму второго разряда. Кроме того, я учился в институте марксизма-ленинизма при Челябинском обкоме партии, который окончил в июне и получил диплом.

Работая главным бухгалтером, я, по долгу службы, часто бывал в областной конторе Госбанка СССР и встречался с его управляющим Козловым. Он предложил мне работать общественным инспектором Госбанка, я дал согласие и вскоре мне выдали удостоверение. Иногда я получал задания проверять некоторые предприятия, с работой справлялся и был в банке на хорошем счету.

XIV. ПЕРЕЕЗД В АЛЕКСАНДРИЮ.

В октябре мы окончательно решили уехать на Украину. Договорились с Юндерсами, что до окончания четверти Витя поживёт у них, а на каникулах они его отправят в Александрию. 20 октября мы продали дом, все вещи погрузили в два контейнера и уехали. Все дела бухгалтерии и должность начальника народной дружины я передал Онищенко И.Ф.. В Александрию мы приехали 24 октября 1964 года к моей сестре Оле и временно поселились у неё, а уже 29 октября купили дом на улице Партизанской №18. Так как контейнеры с вещами ещё не пришли, то мы попросили у Оли матрац и одеяло и переселились в свой дом и несколько дней жили в пустом доме. Дом стоил гораздо дороже, чем тот, что мы продали в Челябинске, поэтому пришлось занимать денег в долг у сестры. Второго ноября меня приняли старшим бухгалтером швейной фабрики, на которой работала сестра Оля со своим мужем Андреем. А Аня устроилась на работу в ремстройуправление крановщиком башенного крана. Перед праздником 7 ноября мы получили контейнеры и более-менее обставили дом, а 7 ноября устроили новоселье. Приехал из Иванковцев брат Гриша с женой и сыном Володей, пришли Оля с Андреем и два его брата с жёнами, погуляли мы хорошо. На следующий день приехал Витя, мы встречали его ночью в Користовке.

Я работал на швейной фабрике старшим бухгалтером, избирался секретарём окружной избирательной комиссии №47 по выборам в горсовет города Александрия., перешёл из спортобщества «Нефтяник» в спортобщество «Авангард». Был командирован на курсы по гражданской обороне, которые окончил в марте, а 30 октября 1965 года окончил курсы по гражданской обороне в городе Кировограде по должности заместитель начальника гражданской обороны швейной фабрики по разведке.

Однажды меня пригласил к себе тогдашний директор швейной фабрики Кашуричев Иосиф Прокофьевич и спросил, знаю ли я журнально-ордерную форму бухгалтерии. Я это знал, так как, работая в ЖКК сам внедрял её у себя и я сказал директору, что с 1 января 1965 года на фабрике будет внедрена журнально-ордерная система счетоводства. Прошли новогодние праздники и я стал внедрять разработанные ведомости к ведению журналов ордеров. Николай Афанасьевич, главный бухгалтер фабрики, вначале возмутился и пошёл к директору, но вскоре вернулся, а следом за ним пришёл в бухгалтерию и директор и сказал сотрудникам, чтобы они вели те документы, которые я просил. Когда директор ушёл, Николай Афанасьевич стал меня упрекать: «Откуда ты взялся такой умник, я на курсы в Одессу и

Днепропетровск ездил, поумней тебя встречал людей, а и они не могут внедрить эту систему счетоводства в швейной промышленности, а ты тут распятылся». Мне стало обидно и я ответил: «Если я внедрю эту систему, то получится, что я умнее ваших профессионалов». Подошёл срок составления отчёта за январь месяц. Я подобрал все журналы, дал старшему бухгалтеру расчётного отдела Руденковой открыть главную книгу, а сам принялся с особым вниманием составлять журналы-ордера. Главный бухгалтер возмутился. Когда все журналы были готовы, я спросил: «Кто будет вести главную книгу?» Все ответили: «Клавдия Дмитриевна – старший бухгалтер». Я посадил её за стол перед собой, положил перед ней все журналы-ордера и предложил их разнести по главной книге, а сам следил, чтобы она нигде не ошиблась. Когда разноска была закончена, вездесущая Пахмутьевна, бухгалтер расчётного отдела, забрала с собой книгу и сказала: «Сейчас я посчитаю!». Я рассказал как производить подсчёты: сначала обороты, а затем сальдо остатков. Все ждали, когда она закончит подсчёт. Вскоре, закончив подсчёт, она сказала: «Чудес на свете не бывает, на это – чудеса да и только - баланс сходится с первого подсчёта». «А вы – она обратилась к главному бухгалтеру – месяц учились в Днепропетровске и месяц в Черкассах и ничему не научились!». Он психанул и вышел из бухгалтерии. Пахмутьевна куда-то ушла и вскоре вернулась с директором, который поздравил нас с победой – так как наша швейная фабрика первой внедрила в лёгкой промышленности журнально-ордерную систему. После обеда он пригласил меня в свой кабинет, вынул из сейфа бутылку со спиртом и предложил обмыть победу, я сразу отказывался, но он настоял и мы выпили за победу. Утром, когда я пришёл на работу, в бухгалтерии уже сидел главный бухгалтер объединения из Днепропетровска и рассматривал главную книгу и журналы-ордера. Потом мы с ним пошли в кабинет директора, побеседовали и директор предложил мне принять дела главного бухгалтера фабрики, но я отказался. Мы попрощались и он уехал. Перед обедом в бухгалтерию зашёл директор и спросил смогу ли я провести учёбу с бухгалтерами швейной промышленности, с этой просьбой звонил главный бухгалтер главка. Я ответил, что рассказать, как надо делать - я смогу, а учить – не умею. После сдачи квартального отчёта меня командировали в Днепропетровск на десять дней по внедрению журнальной формы счетоводства в лёгкой промышленности. Я приехал в объединение, зашёл к главному бухгалтеру в кабинет, поздоровался, у него в кабинете сидела какая-то женщина, он сказал: «Познакомьтесь, это – главный бухгалтер нашей отрасли Галина Ивановна». Мы познакомились и она сразу же задала вопрос: «Откуда вы знаете журнально-ордерную систему учёта?». Я рассказал, что под руководством автора этой системы, я внедрял её в ЖКК в Челябинске, за что был премирован в сумме триста рублей. Затем она стала спрашивать как мы планируем проводить учёбу, на завтра приглашены около тридцати бухгалтеров. Я предложил: «Пусть возьмут с собой все документы за март месяц, главную книгу и бланки журналов-ордеров и приезжают на занятия».

Утром начали съезжаться бухгалтера предприятий, увидев главного бухгалтера главка, объединения и меня, решили, что будет проверка

бухгалтерских документов и влепят выговора. Когда все собрались в учебном классе и Галина Ивановна объяснила цель собрания, все облегченно вздохнули. За первый день занятий мы заполнили пять журналов и разошлись на отдых. Утром многие стали проситься работать да часу или до двух, а после обеда походить по магазинам. Галина Ивановна дала согласие и я предложил заполнять в день по пять журналов, затем в последний день до обеда сделаем разноску по главной книге, сведём баланс и разъедемся по домам. Все согласились с моим предложением. Таким образом, мы потратили на занятия всего семь дней. После окончания занятий главный бухгалтер главка и объединения поблагодарили меня, мы попрощались и я уехал домой. Через несколько дней из объединения пришёл приказ, в котором мне была объявлена благодарность. С этого времени мои отношения с главным бухгалтером фабрики резко обострились. Пока он был трезвый, мы работали нормально, но если он был выпивши, то начинались придирки и скандалы. Я не выдержал и написал заявление на увольнение по собственному желанию, но директор вернул его мне назад. На некоторое время гонения на меня прекратились.

Так как в нашем доме, по рассказам соседей, во времена НЭПа располагался магазин, он делился на две части: магазин и жилую часть. В последующем двери заложили и дом разделился на две квартиры с отдельными входами. Это позволяло нам брать квартирантов, как правило это была семья, стоящая в очереди на получение квартиры. Первыми квартирантами стали Тимошенко Александр Владимирович, его жена Ирина Васильевна и их сын Сергей. Они жили у нас на квартире с 30 ноября 1965 года по 29 апреля 1969 года. Ирина Васильевна работала в горбольнице в нервном отделении медсестрой, а Саша работал на электромеханическом заводе. Однажды с ними произошёл такой случай: у Иры болели глаза и она принесла из больницы глазные капли. А Саша принёс с работы силикатный клей в таком же флакончике и поставил его на окно, где уже стояло лекарство. Вскоре Ира попросила Сашу закапать ей в глаза лекарство, а он не обратив внимания взял флакончик с клеем и пипеткой закапал ей в глаза, после чего веки склеились и открывались с трудом. Ира стала ругаться и обвинять Сашу в том, что он сделал это специально. С трудом, с помощью тёплой воды, удалось смыть клей и немного успокоить Иру. Со временем она уже смогла трезво оценить ситуацию и поняла, что всё это произошло не нарочно.

Мы подружались не только с Ирой и Сашей, но и с их родственниками: Прохоровым Славой и его женой Ниной. По праздникам собирали застолья у кого-нибудь из нас, часто вместе с нами были и моя сестра Оля со своим мужем Андреем. В летние праздники (день шахтёра, день строителя), когда устраивались массовые гуляния в парке отдыха, мы, семьями собирались вместе и шли в парк, где устраивали пикники с выпивкой и закуской. Часто мы вместе, по две-три семьи, ездили в отпуск, чаще всего в Алушту. Во время отпуска мы объявляли сухой закон и только в последний день, перед отъездом, в парке, возле ресторана, стелили на траву одеяло, на котором накрывали прощальный ужин с выпивкой и через некоторое время начинали петь песни. Вокруг собирались люди, слушали нас, а за речкой располагался санаторий

«Полёт» на балконы которого тоже выходили отдыхающие, чтобы нас послушать, некоторые подходили к нам поближе. Однажды один из отдыхающих купил бутылку водки, пришёл к нам и говорит: «Это я принёс Вам, чтобы вы подольше посидели и спели ещё много хороших песен!». Мы выполнили его заказ и спели те песни, которые ему нравились. Когда мы уходили, он просил нас остаться и прийти завтра, а он купит бутылку для нас.

В октябре 1966 года представитель горвоенкомата вручал на фабрике участникам войны медали «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.» Мне тоже вручили эту медаль.

Однажды, во время обеда, к нам в бухгалтерию зашла Паша Гришина, которая во время войны была немцами эвакуирована в тыл и жила и работала в том имении, где мы работали на торфоразработках. Она дала мне письмо-направление о том, что она работает бухгалтером в городе Жёлтые Воды, а хочет работать бухгалтером на швейной фабрике. Я сделал вид, что не узнал её, и сказал, что у нас все сотрудники на месте и вакантных мест нет. Тогда она вдруг заговорила о том, что она живёт в Жёлтых Водах, у неё много знакомых среди работников тамошних предприятий, и она знает многое о том, что производят на них и может при необходимости рассказать об этом. (Жёлтые Воды в то время был закрытый город, по сведениям, взятым из книги Суворова «Аквариум», в нем находились урановые рудники, обогатительная фабрика и другие предприятия оборонной промышленности, на многих из которых работали заключённые, приговорённые к смертной казни.) Я сказал, что мне эти сведения не нужны, а, немного подумав, предположил, что она, вероятно, агент КГБ, выпроводил её из бухгалтерии и стал обедать. Вскоре из бухгалтерии уволилась Валентина Константиновна, а на её место пришла Мария Васильевна, которая упорно искала в городе лиц немецкого происхождения, я предположил, что, вряд ли она это делает по собственному желанию, а, скорее всего, по требованию КГБ.

В ноябре 1966 года меня пригласили в Александрийский горком партии и предложили принять дела главного бухгалтера завода стройматериалов, сказали, что там уже четыре месяца нет главного бухгалтера. Я дал согласие. Мне оформили направление и 21 ноября 1966 года я принял дела.

Директором завода был Новак, тоже довольно подозрительный человек. Во время разговоров постоянно хвастался своими знакомствами среди хоккеистов и футболистов, которые выезжают за границу, рассказывал, что у него есть знакомые в Чехословакии, можно туда поехать и у них пожить, люди надёжные. Частенько он организовывал выпивки и твердил одно и то же. Я говорил, что мне его связи за границей не нужны, тогда он переключился на заключённых, говорил, что среди его знакомых есть заключённые, работавшие в зоне на Челябинск-40, люди надёжные, на них можно положиться и обещал меня с ними познакомить.

Однажды мне позвонила новый директор швейной фабрики и спросила, не желаю ли я вернуться на швейную фабрику главным бухгалтером, так как бывший главный бухгалтер Ровный Николай Анисимович ушёл на пенсию. Я дал согласие. В этот же вечер Новак

пригласил меня в кабинет начальника планового отдела, как будто по работе, а на самом деле организовал очередную пьянку, со, ставшими уже надоедать, разговорами о знакомствах за границей и среди заключённых. Я молча взял лист бумаги и написал заявление об увольнении, в котором просил уволить меня немедленно, так как мне надоели разговоры директора и подал ему. “Ты что? С ума сошёл?” – закричал он на меня. Я в ответ тоже стал кричать на него, что он своей подозрительностью и навязчивостью обижает и оскорбляет меня и потребовал немедленно подписать заявление. Новак взял заявление в руки, внимательно прочитал его, покраснел и говорит: “Ты знаешь хоть кто ты такой? Где ты был во время войны?” и продолжал упрекать меня. Я ответил, что он ошибается, если бы я был тем, за кого он меня принимает, то мои люди давно бы его убрали. После этих моих слов Новак сказал: “Нам лучше разойтись” и мы, не попрощавшись друг с другом, разошлись по домам. Утром я сразу зашёл на швейную фабрику к директору и принёс ей заявление о приёме на работу, она его подписала, отдала секретарю и велела отнести в отдел кадров. Здесь же я написал заявление об увольнении с завода стройматериалов и пошёл на завод. Прошёл сразу в кабинет директора и молча положил ему заявление на стол. Он сказал: “Может передумаешь? Я извиняюсь, что был таким навязчивым”. Я сказал: “Нет, после вчерашнего разговора между нами не будет ни дружбы, ни нормальной работы, лучше подпиши заявление, один из нас должен уйти. Дай команду начальнику отдела кадров, чтобы он отдал мне трудовую книжку”. Новак позвал секретаря, отдал ей моё заявление со своей визой “Уволить” и велел отнести в отдел кадров. Я сказал: “До свидания!” и вместе с секретарём ушёл в отдел кадров.

Начальник отдела кадров спросил: “Что случилось?”, я сказал: “Директор Вам всё расскажет”, он достал из картотеки мою трудовую книжку и сделал в ней запись: “Уволен по статье 47а. 4 ноября 1968 года”, поставил подпись и печать. Я забрал трудовую книжку и стал прощаться с ним, он крепко пожал мне руку и сказал: “Новак очень тяжёлый человек в работе”.

Когда я пришёл на швейную фабрику, сотрудники бухгалтерии уже знали, что меня приняли главным бухгалтером и встретили меня тепло.

Работа на швейной фабрике устраивала меня ещё и тем, что квартальные отчёты и годовой отчёт необходимо было сдавать Днепропетровскому швейному объединению, которое находилось в городе Днепропетровске, где в то время в горном институте учился мой сын и я мог, находясь в командировке, проведать его.

Работа шла нормально, сотрудники бухгалтерии старались и годовой отчёт составили досрочно и я поехал сдавать его в Днепропетровск. Набрал из дома консервации и других продуктов, я сразу с утра заехал к сыну и отдал ему всю провизию, поговорили об учёбе, он сказал, что зимнюю сессию сдал хорошо и будет получать стипендию. Потом он стал собираться на лекции, а я поехал в объединение сдавать годовой отчёт.

В апреле на фабрике был день донора, все желающие безвозмездно сдавали кровь, я стал двести грамм, нам дали по сто грамм спирта и бесплатный обед.

Вскоре из Киева из Главшвейпрома пришло письмо с требованием откомандировать главного бухгалтера фабрики на месячные курсы повышения квалификации. Мне выписали командировку и я уехал в Киев. Занятия проводились с восьми часов утра до двух часов дня, остальное время предназначалось для самоподготовки, но мы уделяли много времени и знакомству с городом. Жили мы на Подоле в школе, в классах нам оборудовали общежитие. Однажды у нас пропал главный бухгалтер Харьковской швейной фабрики, две ночи он не приходил ночевать, мы заволновались и подали заявление в милицию. В милиции к нашему заявлению отнеслись спокойно и сказали: «По-видимому, он где-то подженился». На шестой день утром пропавший появился в общежитии, мы обрадовались его возвращению и все гурьбой пошли на занятия. Вечером, вернувшись с занятий, мы стали спрашивать что с ним случилось и где он пропадал всё это время. Вот его рассказ.

В воскресенье я познакомился в парке с молодой дамой, разговорились, она стала рассказывать о себе. Живёт одна с матерью. Муж погиб на войне и она коротает жизнь одна. Пригласила меня к себе домой в гости. После некоторого раздумья, я принял приглашение. Я купил в магазине бутылку и мы с её матерью хорошо поужинали. Мне понравилось их общество и я заночевал у них. Переспав с этой дамой утром я обнаружил, что она закрыла нас с матерью на замок в квартире, а сама ушла на работу. Её мать стала меня обхаживать, ей было лет сорок пять – пятьдесят, и я лёг с ней в постель. Из разговора с ней я узнал, что они евреи по национальности. Позже я обнаружил, что в карманах нет ни паспорта, ни других документов, ни записной книжки. Вечером, когда с работы пришла моя знакомая, я потребовал вернуть мне документы, она молча показала на посудный шкаф, и я увидел, что документы лежат на полке. Я хотел их забрать, но она встала у меня на пути, обняла меня, стала целовать, говоря, что я принадлежу только ей и это моя квартира и здесь ничего у меня не пропадёт и потянула меня в спальню, а мать в это время вышла и закрыла квартиру на замок. После того, как мы встали с постели, она сказала мне, что любит меня и будет жить со мной всю оставшуюся жизнь. Она стала готовить ужин, а я задумался, здесь мне хорошо, но дома жена и двое детей, что мне делать? Эти две еврейки меня так опутали, что я растерялся. Два дня она не ходила на работу и я не выходил из квартиры. Я несколько раз подходил к дверям, но они были закрыты. На пятый день она ушла на работу, закрыв нас с матерью в квартире. Мать опять соблазнила меня своей обходительностью и поцелуями и я вновь не сдержался. Меня снова стали мучать вопросы куда я попал и что со мной будет? Фактически у меня в настоящий момент три жены. Я стал просить мать, чтобы она меня выпустила, но она ответила, что хозяйкой квартиры является дочь и она не хочет с ней ссориться. А то, что я живу с ними обоими – это очень хорошо, в жизни я никогда не буду обижен. Вечером с работы пришла её дочь в весёлом настроении и сказала: «Мне всё удалось!». Я сразу не понял смысл этих слов, но она вытащила из сумочки мой паспорт, подала его мне и сказала: «Теперь мы муж и жена!». Я открыл паспорт и оторопел: в паспорте стоял штамп о браке. Не зная как реагировать на это событие, я решил действовать хитростью. Я подошёл к ней, поцеловал и сказал: «Значит такова моя

судьба». Утром, когда она ушла на работу, я подошёл к двери и обнаружил, что она не заперта. Я выскочил на улицу и пришёл в общежитие.

Кто-то из слушавших его историю предложил: «Брось свой паспорт в Днепр, а дома скажи, что потерял и получишь в милиции новый паспорт». Так закончилось его случайное знакомство.

Курсы подходили к концу и 28 июня 1969 года мы до обеда сдали экзамены, а после обеда нам выдали удостоверения. Вечером этого же дня мы разъехались по домам. Приехав домой я ещё один день провёл дома, занимаясь хозяйством, так как командировка была отмечена первым июля.

В апреле 1969 года наш квартирант Саша Тимошенко пришёл с работы и объявил, что ему выделили однокомнатную квартиру. Вскоре они переехали и справили новоселье. После их переезда к нам стали приходиться люди и проситься на квартиру. Среди них были молодожёны Иван и Лида Иконос с дочкой Леной. Иван был воспитанником детского дома, а Лида родом из Недогарок. Мы уступили их просьбам и с 21 мая 1969 года они поселились у нас.

Работа в бухгалтерии шла однообразно из месяца в месяц. В апреле 1970 года опять на фабрике был день донора и я опять безвозмездно сдавал кровь. К столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина меня, за хорошую работу, наградили почётной грамотой.

16 мая мы с Аней взяли отпуск, взяла отпуск и моя сестра Оля со своим мужем Андреем (они тоже работали на швейной фабрике) и мы решили вместе поехать в Крым отдыхать. Поездом приехали в Симферополь и стали решать куда ехать дальше: в Алушту, в Ялту или в Евпаторию. Мнения разошлись и тогда решили тянуть спички, выпала Алушта. Мы сели на троллейбус и приехали на автовокзал Алушты. На нас сразу же кинулась толпа хозяев квартир и наперебой стали предлагать свои квартиры. Мы сказали, что нам надо квартира на четыре человека и сразу больше половины хозяев от нас отошли. С одной из женщин мы договорились и пошли с ней, поставили вещи в квартире и сразу же пошли на пляж, купались, позагорали и вернулись домой. Хозяйка показала нам где можно готовить пищу, мы быстро освоились с обстановкой и отдых продолжался. На пляже нам рассказали, что в «рабочем уголке» пляж гораздо лучше, но вход на него платный – 10 копеек с человека. На следующий день мы пошли на этот пляж, он действительно был хорош: галька чистая, без примесей глины, вода прозрачная. Я плавал до буйков, а Аня плавать не умела и я решил научить её плавать. Учёба продолжалась целую неделю и она уже могла самостоятельно проплыть метров пятнадцать – двадцать. Отпуск подходил к концу и надо было побеспокоиться об отъезде, мы пошли в предварительную кассу брать билеты на обратный путь. Потратили на это полдня, но были довольны, что проблема с билетами решена. Незаметно подошёл день отъезда. Мы пришли на автовокзал, который располагался на берегу моря, оставили вещи и пошли прощаться с морем: кидали в море монеты, чтобы ещё хотя бы раз вернуться сюда. Домой в Александрию приехали без приключений. На работу вышли отдохнувшие и загоревшие. Все сотрудники, особенно те, которые ещё не были в отпуске, набросились с расспросами. Полдня прошло в

рассказах и советах как лучше провести отпуск.

24 сентября 1970 года мне исполнилось 50 лет и администрация фабрики в торжественной обстановке наградили меня за хорошую работу почётной грамотой.

Первого апреля 1971 года меня пригласили в горвоенкомат, где я узнал, что награждён медалью «50 лет Вооружённых сил СССР», которую мне вручил военком.

Перед отпуском директор фабрики Письменная Меланья Илларионовна ознакомила меня с приказом по министерству лёгкой промышленности, в котором говорилось, что все сотрудники, не имеющие специального высшего образования, будут заменяться сотрудниками имеющими образование по специальности. Я собрал необходимые документы и направил в приёмную комиссию Киевского республиканского заочного техникума на специальность бухгалтер. Вскоре меня вызвали на приёмные экзамены, которые я успешно сдал и меня зачислили на учёбу в техникум. Я дождался результатов экзаменов в Киеве и получил на руки вызов на установочную сессию на двадцать дней, с 1 октября 1971 года. Сессия прошла хорошо, почти всё, с чем нас знакомили, я знал. Нам выдали задание на первый семестр, до 10 января надо было выслать в техникум все контрольные работы. Все контрольные работы я выполнил и получил их назад с рецензиями, а с последней контрольной работой пришёл вызов на сессию. Но в расписании занятий произошли изменения и мне прислали новый вызов на 1 февраля и не на двадцать дней, а на десять. Одновременно мне прислали контрольные работы на второй семестр – шесть заданий. Я выполнил контрольные по высшей математике, основным фондам и кредитованию, привёз их с собой на сессию и сдал. Преподаватель математики – Галина Сергеевна, очевидно засомневалась, что работы я выполнял самостоятельно и, когда была её лекция, вызвала меня к доске и дала задание решить аналогичную задачу на квадратное уравнение, я решил без особого труда. Она спросила: «Какая отметка по математике у вас в аттестате?» Я ответил: «Алгебра, геометрия и тригонометрия – пять». «Тогда помогите отстающим студентам» – сказала она, а на следующей лекции отдала мне зачтённую контрольную работу с рецензией. За время сессии мне зачли и вернули с рецензиями и остальные контрольные работы. В конце занятий к нам зашёл директор техникума, побеседовал со мной и сказал: «Старайтесь учиться и дальше так же хорошо. Вас хвалят все преподаватели. Таких студентов, как вы и нас в техникуме единицы».

21 апреля, как обычно, на фабрику приехала станция переливания крови и я в очередной раз безвозмездно сдал двести грамм крови. Нам дали по сто грамм спирта и бесплатный обед. 12 декабря 1972 года городская станция переливания крови организовала на фабрике собрание доноров, так как нас на фабрике было более ста человек. Всех наградили почётными грамотами и знаком почётного донора III степени, а от фабрики выдали по десять рублей премии.

В апреле и мае 1973 года я работал над дипломом по бухгалтерскому учёту, так как с 20 по 28 июня 1973 года должны были состояться выпускные экзамены в техникуме. Диплом я выполнил на «отлично» и после защиты его, как образец, оставили в библиотеке техникума. Когда

я сдавал экзамен по финансированию то, кроме вопросов по билету, женщина, присутствовавшая на экзамене, представитель министерства, задала ещё тридцать один вопрос, на которые я ответил, думая, что мне хотят поставить двойку и специально «засыпают» меня. Но я ошибался. Когда я ответил на последний вопрос, она сказала секретарю экзаменационной комиссии: «Поставьте за диплом «отлично» и по финансированию тоже «отлично»». Я сказал: «Спасибо», но преподаватель, сказала, чтобы я никуда не уходил, со мной хотят поговорить. Я подождал в вестибюле, пока закончились экзамены, ко мне подошла секретарь и пригласила в кабинет директора. В кабинете было человек восемь преподавателей и деканов, была и представительница министерства. Директор начал разговор с вопроса: «Желаете ли Вы получить работу в нашем техникуме? У нас образовалась вакантная должность преподавателя экономики и преподавательский состав рекомендует Вас на эту должность». Я ответил: «для меня это предложение неожиданно и я не могу ответить сразу, мне необходимо всё обдумать». Представительница министерства сказала, что она работает начальником финансового отдела министерства лёгкой промышленности и желала бы видеть меня на работе на одном из предприятий министерства. Она предложила работу главного бухгалтера или начальника финансового отдела Белоцерковского швейного объединения. Я уже немного пришёл в себя и ответил, что главным бухгалтером я уже работаю, а о других предложениях надо подумать и посоветоваться с женой и сыном. На этом разговор закончился и я в раздумье вышел из кабинета. Вечером с сокурсниками мы обмыли получение диплома, хотя на руки его ещё не получили. Через день на торжественном собрании директор техникума вручал нам дипломы. Мне, как отличнику, вручили Красный диплом. При вручении диплома директор поинтересовался принял ли я решение о работе в техникуме. Я задал встречный вопрос: «А как насчёт квартиры?» Директор ответил, что квартиру я получу в течении двух лет. На этом наш разговор закончился.

Приехав домой, я посоветовался с Аней и Витей и мы решили никуда не переезжать, так как в Александрии у нас был свой дом, а там надо было всё начинать сначала и жить по чужим квартирам.

В феврале месяце 1974 года на фабрику пришёл представитель горвоенкомата, было собрание и всем участникам войны были вручены знаки «25 лет победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 г.г.»

Наши квартиранты Иконосы, оказались людьми хозяйственными и всячески помогали нам в хозяйственных работах по дому, мы с Аней выделили им часть сарая для хранения брикета и дров. Иван помогал мне строить ящик для золы, менять железную крышу на шиферную и многое другое. Жили мы дружно.

Однажды с нами произошёл интересный случай. Аня с Лидой были на работе во вторую смену, а мы с Иваном решили провести вечер за игрой в шахматы. Сели на скамейке возле их квартиры, рядом с курятником. Иван вспомнил, что они с Лидой привезли из села бутылку самогонки, и вынес её. Закуску готовить не хотелось и я пошёл в хату, взял несколько яиц, хлеба и соли и принёс на скамейку. Выпили по рюмке водки и запили сырыми яйцами, а скорлупу от яиц кинули в курятник в надежде,

что куры её склюют. Сыграли несколько партий в шахматы, пока не стемнело, и после каждой партии выпивали по рюмке водки и запивали яйцами. Довольные разошлись по хатам, а утром Аня спрашивает у меня: «Вы что, вчера с Иваном выпивали?» Я стал всё отрицать, но всё это оказалось бесполезно. Она стояла на своём. Я тогда спросил: «С чего ты взяла, что мы выпивали?». А она ответила: «Утром захожу в курятник выпустить курей с ночлега, а там на земле лежит полно яиц, я перепугалась, не знаю что и думать, а потом пригляделась, а это одни скорлупки». Оказывается к тому времени как мы кидали скорлупки в курятник куры уже сидели на насесте. Мы с Иваном получили прочухан и пообещали, что подобное больше не повторится. В ноябре 1974 года Лида, работавшая на стройке стропальщиком, получила ордер на новую квартиру в доме по улице Шевченко № 61, недалеко от нас.

XV. СВАДЬБА СЫНА.

Витя после окончания института служил лейтенантом в армии в Молдавии. В апреле месяце мы получили от него письмо о том, что летом он демобилизуется и возможно приедет с женой, а свадьбу сыграют в мае месяце. Четвёртого апреля, в очередной день донора на фабрике я сдал кровь, отгул взял на тридцатое апреля и с Аней поехали в Молдавию в город Флорешты, где служил сын командиром танкового взвода.

Приехав во Флорешты, мы по адресу нашли квартиру, в которой жил Витя. Он был на службе и нас встретили хозяева. Мы стали расспрашивать о невесте, разговорились и они рассказали, что сама девочка хорошая, ведёт себя скромно, работает в магазине продавцом, но мать у неё не женщина, а чёрт в юбке. Посоветовали все вопросы решать с отцом, он человек степенный, рассудительный. Поговорили о жизни в Александрии, хозяева рассказали как они живут во Флорештах. Вскоре на обед пришёл сын и мы стали говорить о главном. Мы спросили серьёзно ли он решил жениться, он ответил утвердительно и мы попросили привести к нам будущую невестку. Он ушёл и вскоре вернулся с Наташей, мы познакомились, но были не в восторге. Поговорив немного решили познакомиться с Наташиными родителями. Витя с Наташей пошли вперёд, а мы за ними следом. Сватов конечно дома не было, они пришли попозже. Мы обговорили с ними все условия и вместе решили, что они подадут заявление в ЗАГС и 15 июня 1974 года сыграют свадьбу во Флорештах, а потом приедут к нам в Александрию.

Мы с женой уехали домой и стали готовиться к свадьбе: заработали отгулы и к 15 июня приехали во Флорешты. Свадьба была не очень пышная, но нас удивило, что невеста отказалась жить после свадьбы в доме матери. Они с Витей сняли квартиру и со свадьбы ушли жить в эту квартиру. Отгуляв свадьбу во Флорештах мы с Аней поехали домой готовить свою свадьбу, в Александрии, которая по договорённости должна была состояться 19 августа 1974 года, после демобилизации Вити из армии.

На сберегательной книжке у нас было накоплено 1200 рублей. Времени оставалось мало, поэтому мы почти каждый день намечали,

что мы уже сделали и что предстоит сделать. Составили списки приглашённых на свадьбу, по самым скромным подсчётам с нашей стороны набралось человек восемьдесят, сваты сказали, что от них придут не более пяти человек, а фактически приехало трое: Наташины отец, мать и старшая сестра Зоя.

За неделю до свадьбы, мы съездили в Иванковцы к брату Грише и договорились, что он выпишет в колхозе двадцать курей на свадьбу. К дню свадьбы практически всё было готово. На 10 часов прибыло руководство швейной фабрики и другие приглашённые гости. Из Иванковцев приехал брат Гриша с женой Галей и сыном Володей. Все сели за стол и пошли поздравления молодых и гуляние, играла музыка, гости пели и танцевали. Наташина сестра Зоя всё время танцевала с Крушевским Григорием (его жена работа заместителем главного бухгалтера швейной фабрики). Выпивки было много и хорошей, Наташины родители привезли двадцать литров спирта и коньячной приправы и мы изготовили и выставили на столы только коньяка сорок бутылок. Гости удивлялись, что так много коньяка. Свадьба продолжалась два дня. На третий день свадьбы по обычаю на стол подают курей. Мы с Аней сварили и зажарили всех двадцать курей и гости были ещё больше удивлены, что и на третий день не остались без закуски и после выпитых пару рюмок стали расправляться с курятиной. После третьего дня свадьбы гости разошлись и разъехались по домам, мы с Аней вышли на работу, теперь у нас добавилась семья, и началась новая жизнь.

XVI. БУДНИ ЖИЗНИ.

20 сентября 1974 года, на очередном фабричном собрании меня наградили знаком «Готов к гражданской обороне» за хорошую работу по гражданской обороне. Проходили будни в делах и заботах на работе и дома. Наташу мы устроили на работу на швейную фабрику и она поступила на вечерний факультет Александрийского индустриального техникума. В 1975 году она забеременела и взяла академотпуск на год, но потом вообще бросила техникум. 6 сентября 1975 года у нас родилась внучка, посоветовавшись, мы решили назвать её Ангелина.

В октябре месяце, на очередном партсобрании, я был избран заместителем секретаря партбюро фабрики и делегатом 24-ой городской партконференции. Вскоре мне вручили мандат №77 и приглашение на партконференцию, которая состоялась 29 ноября. На этой партконференции избрали бюро Александрийского горкома партии и делегатов на областную партконференцию.

Последующие четыре года прошли обычной жизнью. Отмечали с родственниками и знакомыми праздники семейные и государственные и трудились на благо Родины.

25 февраля на очередном фабричном собрании представитель горвоенкомата вручил медали «30 лет победы в ВОВ 1941-1945г.г.». 24 августа 1976 года за хорошую работу народной дружины фабрики я был награждён знаком «отличный дружинник», а 30 октября 1976 года награждён грамотой городского комитета физкультуры г.Александрия за активную работу по развитию спорта в городе. В ноябре месяце мою

фотографию поместили на доску почёта фабрики и на стенд «Они сражались за Родину».

22 марта 1977 года я был награждён знаком «Победитель соцсоревнования 1976 года». 16 августа 1978 года представитель горвоенкомата вручил всем участникам боевых действий в Великой Отечественной Войне медали «60 лет Вооружённым силам СССР».

В 1980 году никаких событий нарушающих нормальный ход нашей жизни не произошло. Витя с Наташей и Ангелиной переехали от нас на чужую квартиру, чтобы иметь возможность стать на очередь на получение квартиры в строящемся доме, а я 24 сентября стал пенсионером.

Обсудив с Аней сложившуюся ситуацию я решил перейти работать кладовщиком на склад фурнитуры. В то время действовали ограничения на зарплату работающих пенсионеров: зарплата и пенсия в сумме не должны были превышать триста рублей, а при работе главным бухгалтером я нёс полную ответственность, а зарплату получал только половину.

На фабрике рассмотрели мои материалы по трудовому стажу и представили меня к награждению медалью «Ветеран труда», которую мне вручили 28 января 1981 года.

Настал 1982 год, 16 мая Наташа родила второго ребёнка, наследника, продолжателя рода Ильченко, внука Артура. Ангелина в этом году пошла в школу в первый класс, а в июне 1983 года нам с Аней дали путёвки в дом отдыха «Затока» в Одесской области, куда мы поехали отдыхать.

Дом отдыха располагался на песчаной косе, которая разделяла Чёрное море и Днестровский лиман и состоял из двухквартирных сборно-щитовых домиков. Одну из квартир в таком домике мы втроём и заняли. До Чёрного моря было метров сто, а до лимана на половину меньше. Ангелине там очень понравилось, она любила сама ходить в столовую получать полдники.

Посоветовавшись с Аней мы решили обратно возвращаться через Киев, побывать в гостях у племянницы Тани, которая жила и работала в Киеве. Так мы и сделали. Поселившись у Тани я повёл Аню и Ангелину на экскурсию по Киеву, поскольку я учился здесь в техникуме. Мы сходили во дворец спорта, на центральный стадион, а на следующий день, приехав на метро из Дарницы, где жила Таня, посетили Владимирский собор. В соборе в это время проходил свадебный обряд. Нам очень понравилась эта церемония и мы провели в соборе целый день. На следующий день мы уехали в Александрию.

В августе меня сильно стала мучить аденома. Я сдал в больнице все анализы и взяв направление, вместе с Аней 17 сентября 1984 года поехал с Аней в Киев в институт урологии. Там меня обследовали и стали готовить к операции, которую провели 10 декабря 1984 года. Операция прошла удачно и уже 24 декабря меня выписали на амбулаторное лечение и я в сопровождении Ани вернулся в Александрию.

15 января 1985 года у нас появилась ещё одна внучка – Ира и мы стали трижды бабушкой и дедушкой.

7 мая 1985 года в клубе фабрики на торжественном собрании мне в торжественной обстановке вручили медаль «40 лет победы в ВОВ 1941-

1945 г.г.» и благодарственное письмо Александрийского горкома КПСС.

В августе месяце 1985 года мне вне очереди выделили машину «Запорожец» ЗАЗ-968м, которую я выкупил в Кировограде 13 августа 1985 года, а 3 декабря сдал на права водителя.

«0 декабря мне вручили орден «Отечественной Войны II степени». Я был рад, что Родина не забыла солдат, которые её защищали.

В 1986 году мы ездили лечиться в Бердянск, а позже в Алушту, где мы хорошо провели отпуск. С 24 февраля по 19 марта я лечился в санатории Ворзель под Киевом, а во время отпуска, с 14 августа по 31 августа ездили в Севастополь к племяннику Володе, с нами были все трое внуков Ангелина, Артур и Ира. Володя и Зина за время отпуска относились к нам хорошо, поэтому отдохнули мы прекрасно.

В 1989 году проходила перепись населения СССР, я был командирован от фабрики для участия в этой переписи. После окончания переписи мне на фабрике предложили уволиться с 1 июля 1989 года. Моей целью было проработать пятьдесят лет, я подсчитал, что с 5 августа 1938 года по 1 июля 1989 года я проработал 50 лет 11 месяцев и 27 дней, решил, что свой план я осуществил и написал заявление на увольнение. Так как один день на фронте засчитывался в трудовой стаж за три дня мирного времени, то мой трудовой стаж считается 56 лет 11 месяцев и 27 дней. Так с 1 июля 1989 года я стал полноправным неработающим пенсионером.

Наступили тяжёлые времена. Михаил Горбачёв, которого избрали Генеральным секретарём КПСС, стал проводить перестройку и в стране всё пошло под откос. Произошёл распад такого мощного государства как Советский Союз. Все пятнадцать республик стали независимыми государствами, в том числе и Украина, но всё, что наживалось всеми народами Союза, осталось в России: и золотые запасы, и алмазный фонд, и недвижимость за границей и т.п.. Комитеты коммунистической партии закрыли и вся власть сосредоточилась в исполкомах. С января 1992 года вместо рублей ввели купоны, а это только подорвало экономику страны. Пенсия стала меньше, да и та стала выплачиваться с задержкой на пять-шесть месяцев, что сказывалось на нашей семейной жизни. До 2000 года мы в основном не жили, а выживали. Мы взяли дачи и огороды, развели курей и с помощью семьи сына обрабатываем все эти участки, собираем кое-какой урожай и стараемся выжить в это трудное время.

XVII. ЭПИЛОГ.

Сегодня 1 декабря 2000 года, я прожил 80 лет 2 месяца и 7 дней. Сколько мне ещё предстоит прожить никто не знает. Оглядываясь на прожитую жизнь, можно разделить её на определённые периоды, что я и старался описать в этих воспоминаниях. Хочется кратко вспомнить всё описанное.

Детство было полуголое и полуголодное, мать постоянно работала в колхозе за трудодни. Старший брат Иван и я тоже старались работать в колхозе, чтобы хоть как-то помочь семье. Мать постоянно ходила к своим братьям и сёстрам, просила для нас одежду. Летом мы сеяли в огороде коноплю из которой, после обработки, мать пряла и ткала

полотно. Обычно к маю она шила нам новые рубашки и штаны. И только когда мы втроём заработали много зерна и сдали часть государству, получив за это деньги, мы смогли все одеться.

Подошёл мой срок призыва и меня забрали в армию. В армии я многому научился. Началась война. После тяжёлых и изнурительных боёв, я пешком прошёл из Западной Белоруссии от станции Круглевчизна до деревни Старое под Гжатском, недалеко от Москвы. Потом мы попали на переформирование, после чего нас вновь отправили на передовую. Бои были изнурительные и под Вязьмой наша часть попала в окружение. Во время нахождения в плену, на меня выпали самые жестокие испытания. Голодный, униженный, избитый, я до сих пор не могу понять как мне удалось вынести все тяготы плена и не предать Родину.

Но вот в моей жизни появился просвет, нас освободили из плена и я вернулся на Родину в надежде, что все кошмары уже позади. Но не тут-то было. Все мы, бывшие военнопленные, вызывали недоверие и попали под жёсткий контроль государства в лице КГБ. Призрение и унижения продолжались с 1945 по 1956 год. И только в 1956 году, нас, бывших военнопленных, собрали в военкомате и объявили, что мы все реабилитированы и ни в чём не виноваты, а в заключении всем были вручены медали «За победу над Германией в ВОВ 1941-1945г.г.» и мы все радостные разошлись по домам. Нам разрешили работать на любых должностях и даже вступать в партию.

Меня перевели в ОБХСС, где я работал оперуполномоченным в звании младшего лейтенанта. В 1962 году вступил в КПСС. Началась совершенно другая жизнь, меня стали уважать.

После того, как я поженился с Аней, я понял, что мы были рождены друг для друга. Все решения мы принимали совместно, предварительно обсуждая их. Деньги между собой не делили, а всё заработанное складывали вместе. Каждую покупку обсуждали вместе.

После отпуска, во время которого мы посетили Литву – родину Ани и Украину – мою родину, по общему согласию мы решили переехать жить в Александрию, где жила моя сестра Оля с мужем Андреем. 22 октября 1964 года мы переехали в Александрию, а Витя, закончив четверть, приехал к 7 ноября.

Мы купили дом по улице Партизанской №18, в котором живём и сейчас, правда сейчас он выглядит совсем не так, много сил мы вложили в его ремонт.

Сын окончил Днепропетровский горный институт по специальности шахтостроитель. После службы в армии он женился на Наташе и у нас появилось трое внуков Ангелина, Артур и Ирина.

Мы откладывали небольшие суммы денег на сберкнижку с зарплаты, которые затем, вместе с отпускными, получали и ездили отдыхать в Крым на море и в другие города. Начиная с 1970 года по 1989 год, мы ездили отдыхать «дикарями» в Алушту, Бердянск, Затоку и в другие города на побережье Чёрного моря. Кроме этого вместе с внуками два раза отдыхали у племянника Володи в Севастополе. Все отпуска мы проводили вместе с внуками на море.

Жили и живём мы с Аней дружно, нас уважали на работе и сейчас мы живём со всеми в мире. Я до настоящего времени работаю

председателем совета ветеранов швейной фабрики. Будучи членом коммунистической партии, я считал, что в недалёком будущем СССР станет главной державой мира, и все в мире будут общаться на русском языке. Однако, как показало будущее, я глубоко заблуждался. Мне кажется, что коммунисты нашей страны много говорили и мало делали. К власти в партии пришёл Горбачёв, который развалил не только партию, но и такое могучее государство как Советский Союз. Пошёл разброд и шатания и в рядах компартии. Она распалась на самостоятельные коммунистические партии в каждой из республик. В августе 1998 года на очередном городском партсобрании, на которое, как обычно, собралось всего лишь около ста пенсионеров, я отрицательно отозвался о секретаре компартии Украины Симоненко П.Н.. Секретарь городского комитета партии Кудря В.И. поставил вопрос о моём исключении из рядов КПУ. После обсуждения приняли решение исключить меня из партии, а Кудря В.И. добавил: «От таких коммунистов надо избавляться, а то они могут шпионить среди нас». Мне стало обидно, за то, что я работал в партии все эти годы и старался, чтобы партия стала лучше и сильнее, а меня так обидели. Я заплакал и ушёл с партсобрания. Возвращаясь домой, я всё время думал: «Почему за одно неосторожное слово меня так жестоко наказали?». Но ничего страшного не случилось, жизнь продолжается, ничего страшного не случится, если я проживу остаток своей жизни беспартийным.

В заключении хочу поблагодарить Вас за то, что Вы нашли время прочитать мои воспоминания, когда-нибудь вспомните обо мне и этим продлите моё пребывание на земле.

1 декабря 2000 года. Подпись Ильченко М.А.